

КОРОЛЕВСТВО
ВЕАБМ

Представление началось и закончилось ровно так, как я того хотел. Банальная история с таким же банальным финалом. Герой побеждает негодяя, заслужив тем самым мировое признание, а злодей, как тому и положено, играет в ящик. Чего здесь удивительно?

Быть может, то, что злодей сам взрастил своего героя, сам подготовил для себя ящик, и сам выбрал, как ему встретить свой конец? Безнадёжно больной серийный убийца, маньяк и сам Сатана, как меня называли люди, рассчитывая отдохнуть хотя бы в аду, я неожиданно переродился в новом мире.

Мире, где всем правит сила, коварство и жестокость, где нет видеочкамер, презумпции невинности и прочей лебеды, сдерживавшей людские пороки. Наконец-то я попал туда, где мне было самое место.

Меня зовут Глауд Вольф, и это моя история.

Лязганье металла, чьи-то злобные реплики и неопишное зловоние, словно я лежал в луже с чьим-то дерьмом, будоража всё моё утонченное нутро, буквально вынуждало открыть глаза. В паре метров от меня, скрестив мечи, мелькали чьи-то незнакомые силуэты. Сквозь боль в глазах и во всем теле, с трудом подняв голову, я заметил, что в этой средневековой сваре смешалась группа боевитых женщин: кто в кожаных доспехах и с мечами, кто с кинжалами, а кто и вовсе в рукопашную, они нещадно мутузили друг друга, кляня весь белый свет, и тем самым попутно пытаясь доказать своим оппоненткам собственную правоту.

Бились дамы три в два, и перевес был явно не на стороне моих сестёр. «Сестёр...» — промелькнула в голове мысль, — «Их у меня никогда не было», но зародившаяся в мозгу мысль о родстве на каком-то подсознательном уровне запустила внутренний механизм любого собственника. «Защищай что имеешь!» — злобно завопило моё внутреннее я.

Одна из нападавших, сумев воспользоваться неразберихой, заскочила Сигрид за спину, желая перерезать той глотку. Нужно было что-то делать!

В моей груди торчал какой-то штырь, пробивший меня насквозь и пригвоздивший к земле. С такими ранами не выживают. Я чувствовал, как пузырится кровь, как сквозь нос и рот наружу вырывается солёная жижа. Рукой я пытался нащупать хоть что-то более-менее увесистое для запуска в ту коварную суку, уже приготовившуюся к нанесению своего последнего удара.

К сожалению, ничего, кроме лошадиных испражнений, схватить ослабленной конечностью так и не удалось. Разрываемый болью и отвращением, стиснув зубы, из последних сил я метнул наспех скомканный из лошадиного дерьма шарик. Повезло, бросок точно в цель — прямо в лицо нападавшей! Та омерзительно кривится и отступает, пытаясь прочистить глаза и рот от забившегося в них дерьма. С опозданием заметившая отступившую женщину за своей спиной Сигрид в спешке наотмашь наносит быстрый удар, желая одним движением снести коварной суке голову. Увы, короткий полторник лишь вскользь задевает руку прикрывавшей лицо налетчицы.

Алая кровь брызнула во все стороны. Словно маятник из живой плоти, не до конца оторванная кисть болтается на коже под истошные крики раненой. Данная картина вызвала неопишмый восторг в моём сердце. Её крик, страх и агония, а также чувство собственного величия на лице моей Сигрид, оставившей "не добитка" и с яростью принявшейся вгонять в грязь лицо свою первую оппонентку. Это было потрясающим зрелищем, за которое прошлый я не поскупился бы отдать и собственную жизнь.

«Когда это у такого конченного человека могла появиться сестра?» — дышать становилось всё сложнее. Кровь пузырясь, сочилась изо рта и пробитой груди, тело немело, а ещё подо мной точно была лошадиная куча. Никакой стерильности, судя по пейзажам и нарядам средневековья, а это значит, я стопроцентный покойник. Не знаю, как я тут очутился, но... Как бы мне хотелось побыть в этом мире чуточку подольше, увидеть больше битв, чужих страданий и крови. — Мысли о последнем заставили накотивший на тело холод отступить. Если я вновь закрою глаза это, то станет моим очередным концом.

— Чего стоишь, Илва?! — Испуганным вскриком донесся грубый женский голос. — Помоги мне! — Воспользовавшись тем, что старшая сестра отвлеклась на меня, раненого братца, грабительницы, забрав подругу и поджав хвосты, тотчас свинтили. «А жаль, таких

добивать надо...» — Сестра сделала ошибку, ей не стоило бежать ко мне, живому мертвецу, она была обязана завершить начатое!

Лицо повисшей надо мной Сигрид было словно расписная картина неизвестного мастера. В голубых как небо глазах я видел ужас и страх. Множество шрамов, разбитая бровь, губа, гематома на лбу, от которой в скором времени точно будет шишка. Бедняга, сколько боли она перенесла, получая каждую из этих старых подсохших отметин... Я никогда раньше не видел настолько боевитых женских лиц, в нем было прекрасно всё.

Трясущимися пальцами испачканной кровью руки, чувствуя свой конец, мне захотелось смахнуть с этих глаз неуместную, как показалось, слезу. «Я всё понял, Сигрид. Мне жаль, но плачешь ты совершенно не о том. Твой единственный младший брат уже мёртв, а я скоро оправлюсь за ним».

Рывком вырвав из моей груди металлический штырь, недалёкая младшая буквально ускорила процесс моего омертвления. «Варвары» — в момент, когда старшая, задрав мне голову, стала вливать в рот какое-то омерзительное зелье, подумал я, и...

Грудь обожгло внутри легких, а после и в желудке полыхнуло пламя. Выворачивая кости, затягивая поврежденные кожный покров и восстанавливая органы, оно буквально возвращало меня к жизни. Самая настоящая магия! Быть не может. Неужели я попал в фэнтезийный мир?!

На глазах, уже моих, проступили слёзы, а сердце, обещая вырваться из груди, забилось в восхищении — лучшего исхода и быть не могло. Я жив, в мои руки попало молодое тело, мой новый мир полон насилия и крови, а это значит, что я смогу не сдерживаться, усовершенствуя навыки полученные в прошлом, я смогу стать настоящим идеальным убийцей!

Насильники, маньяки, коррупционеры, и просто пропащие садисты, уверен, их здесь полно, а значит, я наконец-то смогу реализовать себя на все сто и один процент!

— Тише, Глауд, тише, милый, всё уже кончилось. — Прижимая меня к своей груди, нашептывала Сигрид. — Прошу, не плачь, мой маленький герой, они больше тебя не тронут! — приговаривала старшая сестра, утирая слёзы моей радости.

«Я верю, сестрица, ведь пройдет всего несколько дней, и они действительно больше никого не тронут».

Сейчас, в глазах Сигрид, я был молодым человеком восемнадцати лет отраду. Имя моё было Глауд, фамилия же, как и у любого другого найденыша этих краёв, — Вольф. Слабохарактерный, тихий и застенчивый, с плохо развитым телом и слабым магическим потенциалом. Мальчишка не подарок, но, немного поработав, думаю, мне удастся вернуть этому телу мою былую форму.

Было жаль мальчишку, прошлого хозяина этого сосуда. Ведь, по факту, именно таких, как он, я никогда не трогал, и, более того, пытался защитить. Жертва жестокой обыденности и суровой реальности — таким он был. Парнишка, ничем не выделявшийся по жизни, и, более того, являлся объектом всеобщих насмешек и порицания. Но несмотря на это, он нашел в себе силы в последние секунды своей никчёмной жизни грудью защитить свою старшую и любимую сестру от заклинания, пробившего и, по факту, прервавшего его жизнь. Как по мне, достойный конец, и в память о его жертве, а также подарке, предоставленном мне, я — мясник с десятилетним стажем, так и быть, возьму на себя ответственность позаботиться о его семье, которой, к слову, у меня никогда не было.

Все герои собраны, занавес поднят, настало время первого акта.

Мои обледеневшие руки коснулись защитных перчаток сестры. Сейчас мне предстояла роль все того же зашуганного кролика, едва не ставшего пищей для волков. Воспоминания, полученные мной, были слишком скомканными. Уверен, постепенно мне удастся привести их и себя в порядок, но пока придётся постараться смириться с тем, как со мной обращаются.

— Се-сестрёнка, я в порядке... — глядя той в глаза, добавив голосу неестественной хрипоты, проронил я, попытавшись наконец-то встать из зловонной кучи.

Челюсть воительницы поджалась, да так, что мне показалась, что вот-вот выскочит из сустава. Глауд никогда так к ней не обращался, и это моя оплошность возымела слишком сильный эффект. Резкие перемены в поведении были ни к чему. Кто знает, как аборигены-варвары, закованные в доспехи, отнесутся к попаданцу в их мир, завладевшему к тому же телом их родича.

Сожжённым на костре мне быть как-то не хотелось...

— Илва, овца ты тупорылая, какого чёрта ты потянула мальчишку за собой?! — Подняв меня на руки, словно ничего не весящую принцессу, гыркнула старшая. Ощущение, скажем так, мерзковатое, когда девушка тебя на руках держит. Но ничего не поделаешь, я ведь не герой какой-нибудь, а всего-навсего актёр.

— Я... — запинаясь в страхе, опустив голову, испуганно фыркнула младшая, пряча свои карие глаза под длинной челкой. — Я не думала, что всё так обернется. Мы просто шли по поручению матери и...

— И забрели в кабак, подконтрольный Гильдии Воров? Той, которой ты заторчала немалую сумму?! Ты последние капли своих мозгов растеряла?! — Все больше распаяясь, готовая буквально разорвать младшую, наседала Сигрид. — Думала, я и мать об этом не узнаем? Чёртов кусок мяса, а если бы он погиб? Если бы я не проходила мимо? Ваши души навсегда могли бы остаться в этой засранной подворотне!

— Прошу, Сигрид, я тоже виноват... — Как и положено напуганному, слабохарактерному братцу, едва слышно подал голос я.

— Ты-то тут при чем! — В той же форме, в которой общалась с Илвой, рыкнула воительница, но тут же осеклась и извинилась. Я был последним, кого заботливая валькирия хотела обидеть. Она чувствовала передо мной вину, ибо сегодня я как минимум дважды спас той жизнь, и даже её средневековый двадцатисемилетний мозг хорошо это понимал.

Все заранее спланированные дела по естественной причине девушки отложили. Нам всем предстоял тяжелый разговор с не менее тяжелым человеком — нашей матерью, воспоминания о которой я всеми силами пытался выудить из некогда чужеродной черепашки, но, увы, ничего не получалось.

Да и все эти средневековые пейзажи на нашем пути сильно отвлекали от размышлений. Чуждая мне обстановка кружила голову: здесь тебе и темные переулки, в подворотнях которых даже в разгар весеннего дня царил темнота, и мощенные камнем дороги, на которых, прислушавшись, можно было слышно каждый шаг любого из маломальски обутого граждан. Ну и куда без этих убогих оконных створок и дверей, открытие которых было для меня вопросом тридцати секунд при нужной экипировке. Редкие патрули, никаких камер, фонарей и прочего. О, боги, если бы не эта повсеместная антисанитария, вонь и здоровенные крысы, я бы мог назвать это место раем!

— Глауд, всё позади, перестань лить слёзы. — По моему трижды повторенному требованию вернув меня на землю, заботливо приобняв, проговорила старшая, изо всех сил

пытавшаяся примерить на себе несвойственную той роль доброй и порядочной сестры. Ох, милая Сигрид, знала бы ты, что это за слёзы... Кстати, эмоциональный мой фон явно был чем-то нарушен. Никогда ранее за собой такой плаксивости я не замечал, и с этим нужно было тоже что-то делать.

Наш не совсем маленький, но «очень уютный» двухэтажный домик находился в самом конце Собачьей улицы, на которой проживали все приезжие мастера, коневоды и прочая рукастая часть населения, получившая одобрение на проживание и изготовление от Гильдии Ремесленников. В этом мире всё и все были помешаны на своих гильдиях, коих, по коротким обрывкам воспоминаний парня, тут было не мало... А с названием одной, всплывшим в моем мозгу, я был и вовсе погружен в некий диссонанс: доморощенные даже Гильдию убийц создали. Боже правый, ну вот какой здравомыслящий и уважающий себя профессионал оставит в подобном месте свои контакты? Для чего? Этот вопрос мне предстояло ещё решить, а пока...

— ИЛВА! — Стоило показаться нам в доме, как младшая, лисой крутанувшись перед матерью, буквально взлетела по лестнице на второй этаж, поспешно закрыв за собой двери на засов. Едва успевшая услышать о нападении на нас мать, кляня младшую, пообещала лично прервать мучения той, если по её вине со мной что-нибудь случится. — «Заботливая семейка» — подумал я, оглядывая рабочее место моей новоиспеченной весьма крупной и сильной с виду матери.

Хельга была ростом примерно метр восемьдесят семь-метр девяносто, лишь на пару сантиметров ниже своей старшей дочери. Подтянутая, с огромными ручищами и напрочь отсутствующей грудью, она, исписанная шрамами похлеще той же Сигрид, держа в руках здоровенный молот, с любопытством таращилась на меня и оставшуюся внизу отчитаться дочь.

— Говоришь, он тебя дважды спас? — не особо веря в геройства мальчика, скептически спросила та, хотя, как я предполагаю, смысла слово «скептически» она тоже могла не знать. — Он выжил, и вы тоже, и это главное. А ещё такое надо отпраздновать. — Сев на скамью, стоящую неподалеку от наковальни, проговорила мать. Беспокойные мысли замелькали в её старых замученных глазах. Погрузившись в раздумья, она, закончив допрос, дала мне возможность оглядеться на первом этаже.

Потолки были достаточно низкими. Как та работала молотом при таком росте и в таких условиях я и представить не мог. Та же Сигрид едва могла пройти с выпрямленной спиной. Возможно, здесь где-то была ещё какая-то мастерская или оружейная, предоставившая бы мне множество разных привилегий, из которых доступ к холодному оружию был лишь малой крупницей. Заточка и уход за инструментами так же были немаловажными обязанностями каждого уважавшего себя «мясника», ведь каждый удар, рассечение и грубое столкновение с костью могли остаться зазубриной, а от того и неопровержимой в некоторых случаях уликой, оставлять которые на месте преступления, и тем более носить с собой в кармане, я не привык.

Среди ветхих, как на мой взгляд, деревянных опор и стен я заметил большой кухонный стол, пару стульев и небрежно брошенный на землю стог сена с расстеленным поверх чумазым покрывалом, вымазанным то ли в сажу, то ли ещё во что одеялом, запах от него тоже исходил соответствующий, а ещё...

— Крысы?! — пискнул я, испытав дежавю, а также вспомнив о том, что моя одежда до сих пор была пропитана конским навозом, мочей и собственной кровью. Стоит заметить, я в

прошлой жизни был тем ещё чистюлей, любимшим порядок во всем: в доме, быту, на работе и даже в моменты, когда я выходил на охоту. Все и всегда у меня было начищено, заточено и сверкало, а тут на тебе горы деревянной грязной посуды, пустые бочонки, бутылки, разбросанные по всему первому этажу инструменты, какие-то поделки и вещи, от которых несет похлеще, чем от меня!

«Хельга, старая ты ведьма, если мне не удастся избавиться от твоих свинячьих привычек, то придется избавиться и от тебя, ибо я не хочу, да и не готов жить и творить в свинарнике!»

Между делом старшие женщины семейства, а, кстати, какая у них была фамилия? В воспоминаниях мальчика везде и всюду крутилась «Вольф» — второе имя, свойственное потеряшкам и найденьшам, но, в отличие от мальчика, историю зачатия которого Хельга никогда не озвучивала, Илва и Сигрид были её по-настоящему родными детьми. Возможно, женщины прятались от кого-то в этой глуши, а может и нет, это было не самым волновавшим меня вопросом, но, думаю, и его со временем удастся решить.

Больше всего меня сейчас волновало положение мужчин в этом средневековом обществе. По большей части, на улицах я видел лишь женщин, патрульные также, в соотношении два к одному, состояли из них. К тому же, каждая из особ некогда «слабого» для меня пола превосходила «сильный» как в физиологической комплекции, так и численной. Этот факт делал дам главенствующими на улицах данного города. Мир матриархата? Забавно, если учесть тот факт, что из моего списка любимых целей можно было сразу вычеркнуть насильников, ибо охотиться за женщинами, подарившими мужчине удовольствие, было как-то... А в принципе, поживём — увидим.

Поспешив в свою комнату, где, в отличие от принадлежавшего полностью матери первого этажа, была хотя бы кровать, я быстро скинул с себя всю пропахшую кровью и мочой одежду. Вытащив какую-то старую тряпку, напоминавшую покрывало, обвязался той, словно туникой. Мое тело буквально пропиталось уличным зловонием, и брать в эти грязные руки то, что предстояло носить весь день, я не собирался.

За нашим домом на сельском дворе, разделенном на несколько семей, был колодец, вода в нем не самая чистая, и соседями нашими использовалась по большому для того, чтобы поить своих лошадей. Но, думаю, и для моих мыльно рыльных процедур студёная сгодится. Ни мыла, ни полотенца, — лишь два дырявых ведра, да надежда на быстрые руки. Обливаясь столь ледяной водой, не хотелось простудиться, однако вонять подобно свинье мне хотелось ещё меньше.

Облившись раз, другой, до красноты в руках и местах мною растираемых, я шаровал всё, до чего только дотягивался. Было холодно, да и худое тело, едва находившее в себе сил поднять полное ведро воды, не сильно-то было радо свалившейся на него нагрузке.

Когда руки повторно дошли и до груди, не так давно в которой торчал тот здоровенный штырь, я ненадолго замер. Предо мной произошло самое настоящее чудо, о котором я ранее и помыслить не мог. И вот, спустя какие-то часы после смертельной раны, я стою как ни в чем не бывало и моюсь. Подобное зелье в моём деле было крайне опасным инструментов. Напади я на цель сзади, пронзи той сердце или перережь горло, а она возьми и на последнем дыхании залей себе нечто подобное в рот, что тогда? Труп воскреснет и расслабившемуся мне кинжал в спину? Придется добавить в свой список предосторожностей проверку цели на наличие чего-то подобного, к примеру, всё той же магии. А вдруг есть некая способная регенерировать оторванные конечности, выбитые глаза или нейтрализовать действия

парализующих ядов и токсинов? Перед тем, как выйти на охоту, предстояло уделить время излучению и анализу всех этих магических штучек.

Потерявшись в своих мыслях, под чей-то веселый смех и посвистывания я вернулся к суровой реальности. Из окна здания, стоявшего напротив, на голого меня поглядывали две соседние девчонки. — «Крутанёшься, красавчик, — и с меня подарок!» — прикрикнула соседка, вслед за чем, запрокинув бутылку с вином, сделала несколько глотков.

«Мне не жалко» — Своего тела я не стыдился и исполнил волю ещё больше расхохотавшихся девиц, в ответ на мою «маленькую» любезность скинувших мне самое настоящее полотенце.

— Зайдешь к нам на ужин? Обещаем, ты не пожалеешь. — За полотенце я был благодарен, но большего пока мне и не нужно было. Обтершись, ничего не ответив, я махнул разгорячённым дамочкам на прощание рукой. Подарок так же отправился вместе со мной, ведь за всё в этой жизни нужно платить, а за лицезрение меня так тем более. Будем считать, что им повезло, ведь обычно с увидевших истинного меня я беру совершенно иную плату.

Быстро переодевшись, с безразличностью оценив всё тот же срач, царивший и в моей комнате, я поспешил спуститься на первый этаж, где во всю шла оживлённая беседа, касавшаяся нападавших, сражений, турниров и брони.

Стянув с себя сначала кожаную куртку, а после и чешуйчатый доспех, Сигрид, оставшись по пояс оголенной, при свете разгоравшегося в печи костра показалась мне весьма и весьма привлекательной девушкой. Сильное рельефное тело короткостриженной украшали несколько старых рубцов, все как один находившихся на спине. По-видимому, это было её самым слабым местом. Также на боевитом теле появилась и новая отметина в виде едва показавшегося синяка на седьмом ребре.

— Пропустила удар во время турнира. Как назло, сегодня опять в первом же туре на будущую чемпионку нарвалась. Та была настоящим монстром, с артефактами, под зельем «Ярости», разнесла мой щит с одного удара, при этом чуть ребра мне не переломав. — Продемонстрировав ушиб, передала матери свою броню старшая сестра.

— Не повезло. — Глядя на количество выгнутых чешуек, буркнула женщина. — Вот только что такие монстры в нашем городе делают. Место убогое, на краю холодного моря, не понимаю...

— Я тоже. — Фыркнула сестра, а после протянула старухе какую-то странную катушку, поверх которой блистала некая странная нить.

— Ну и на черта мне эта эльфийская срань? Ты же знаешь, я не работаю со сталью длинноухих! — метнув подарок в угол, словно тот был каким-то мусором, пробубнила Хельга, разглядывая поврежденные звенья доспеха.

— Утешительный приз, как никак. Думала, может, пригодится в чем... — Слегка расстроено произнесла Сигрид.

— Эта хрень слишком неподатливая, её с магией обрабатывать надо, да и при жаре, коего в моей печи не достигнуть. Геморно, дорого, и по времени затратное — самое то для длинноухих, но не для людей. Отнесешь завтра Старьевщику, может, даст за него чего-нибудь толкового. — Размотавшаяся от падения катушка показалась мне весьма интересной: с виду она напоминала леску или очень толстую паутинку, однако, взяв её в руки, я слегка удивился: весила та прилично. По виду, катушка ниток весила добрых килограмма полтора. Удивительная штука...

— Только пальцами нити не трогай! — Сказала Хельга. — Она ещё не обработана,

оттого и острая как лезвие.

А вот и первый интересный инструмент в мою копилку. Попытавшись пальцем оценить остроту, едва коснувшись, я заметил легкое рассечение на подушечке, а следом за ним и капельку своей собственной крови. Эта нить была наиострейшим из когда-либо виданных мною предметов.

— Говорила же. — Глядя на то, как я ткнул палец в рот, усмехнувшись, шикнула старуха. — Эти любители всего деревянного годами плетут подобные этой нити, обхаживают их магией огня и холода, создавая уникальные по прочности шелка, способные выдержать удары и уколы практически любого не зачарованного оружия. И, по идее, такие штуки должны у нас цениться, да вот только на создание подобного уходят десятилетия, что, по сути, и делает эту хрень для людей бесполезной.

«Для вас, матушка» — Перекинув силком подобную штуку вокруг чьей-то головы, можно было максимально быстро избавиться от цели, или же использовать едва заметную, весьма увесистую нить как хлыст, растяжку в виде силка...

— Можно я себе возьму? Может, смогу потом придумать, как использовать её в роли бритвы или пилочки для подрезания ногтей. — С ходу придумав несколько бытовых вещей, как можно жалобнее попросил я, заставив мать над чем-то задуматься. Неужели я сказал что-то лишнее и она почувствовала чужака?...

— Сигрид говорила, ты, когда падал головой, ударился? — Чёрт, кажется, я влип. Прикинув несколько правдоподобных отговорок, молча кивнул.

— Может, и Илве стоит так же разочек перемкнуть, глядишь, тоже по умнеет? — заливаясь своим звонким, заразительным смехом, тыкнула свою раненую дочь прямо в синяк пальцем старуха. — Да ладно, шучу я, серьезные вы какие. — Глядя на скорчившуюся в болезненном приступе Сигрид и слегка поуспокоившегося меня, проговорила та. — Снимай штаны, у тебя ещё и наколенник выгнуло, надо поправить.

Спорить старшая с Хельгой не собиралась, и послушно, словно кукла, скинула с себя всё. Оставшись в чем мать родила, та, сев на лавку, взяла в руки глиняный кувшин, а следом, сделав несколько глотков, опустив голову, уткнувшись взглядом куда-то в пол, проговорила:

— У Илвы отобрали деньги, а завтра придут сборщики. У нас ещё есть немногo сделанных тобой инструментов, но их ещё надо продать. Да и к тому же даже если мы и сможем это каким-то чудесным образом сделать, полученных денег едва хватит на выплату и закупку материалов, не говоря уже о еде. — В словах её чувствовалась печаль. Оно и понятно — финансовые трудности и в наше время были проблемой, а здесь, я так полагаю, и вовсе смертельная угроза. Может, стоило вспомнить своё шаловливое прошлое и попытаться обчистить пару богатых домиков? С таким-то телом, едва способным ведро с водой поднять, не очень-то и хотелось, но если уж совсем прижмёт...

— Справимся, малая, и не из таких передрыг выбирались. — Взяв у той кувшин, налила себе в кружку Хельга. — Если понадобится, то пойду к Штольцгерам, уж мне-то они в суде не откажут.

— К этим вырождакам? Забыла, что это именно они довели нас до такого состояния? С их плеча наши конкуренты всё сильнее опускают цены, а Глауд не может показаться на занятиях. Это всё их вина! — Категорически не желая иметь дела с нашим новым совместным врагом, проговорила Сигрид.

Хельга, помолчав, кивнула, ей так же была противна мысль сотрудничества с местными ростовщиками.

— Тогда выбора нет. Я поговорю с командующей городской стражи и, может, возьму денег у них. К тому же, она пару раз мне намекала об интересах своей дочери к нашему красавцу. — Взглянув на меня, Хельга ждала хоть какой-то реакции, и она её получила. Я не знал, о ком идёт речь, оттого и выдал лишь недовольный томный и многозначный вздох.

— Мама, ей почти тридцать, а Глауду всего восемнадцать! Она слишком стара.

— Она наш единственный шанс заполучить титул горожанина без взноса и взяток для мэрии. — Решительно заткнув дочь, произнесла Хельга. Кажется, та всё уже давно для себя решила. В принципе, мне как человеку со специфическими вкусами иметь тещу в начальниках местной стражи было очень даже и комфортно, но в этом вопросе была и другая сторона: если предстоит жить с ними под одной крышей, то мои ночные вылазки с вероятностью сто процентов заметят, вопрос только когда. Чёрт...

Видя не скрываемое мною замешательство, в этот раз уже с некой несвойственной столь огромным женщинам жалостью в голосе, обратилась ко мне Хельга.

— Пойми, малыш, если тебе удастся женить на себе дочь Эльги — наша семья сможет вздохнуть спокойно. Ни Штольцгеры, ни воры, заседающие в городской мэрии со своими поборами, не смогут нам навредить. Тебя никто не заставляет её любить, через годик-другой, вы друг другу наскучите и найдешь себе кого моложе, к тому времени, я уверена, мы решим все свои проблемы и заручимся поддержкой других местных домов.

Разумеется, развестись не через год, не через десять мне бы не дали. Я это знал, скрипящая зубами Сигрид это так же понимали, Хельге нужен был этот брак.

— Если завтра нам удастся распродаться, то мы сможем отложить вопрос женитьбы на какое-то время? — Этому вопроса от меня Хельга не ожидала, более того, уверенная, что я молча смирюсь со своей судьбой, она, переглянувшись с дочерью, задумалась, а после согласилась.

— Если ты не собираешься идти в местный бордель и торговать там своим телом, то я согласна. — Предоставив мне ещё одну интересную мысль, заявила старуха. И я принял условия её игры, вслед за чем отправился к себе в комнату. Завтра предстоял ранний подъём. Пусть все физические нагрузки и оставались на сёстрах, мне предстояло работёнка куда посложнее: сбор информации, нахождение новых потенциальных клиентов и полезных знакомых, заключение выгодных сделок как на готовую продукцию, так и на ту, которой у нас ещё даже не было. Предстояло разузнать о Штольцгерах, их количестве, методах ведения дел и людях, на которых те могли надавить для получения какой-либо личной выгоды. Вслед за ними шла Гильдия Воров — эти ребята, за что им огромное спасибо, сами того не ведая, открыли настоящий ящик Пандоры: дилетанты, не сумевшие задавить числом, не заслуживали права на существование. Их неудачная и неумелая попытка позорила истинную красоту ритуала, именуемого убийством. Эти тупые животные, как же им не повезло, ведь я запомнил всё: их лица, телосложение, вооружение и даже манеру ведения боя. Уже сейчас я ощущал знакомое чувство, преследующее меня из мира в мир, из жизни в жизнь.

Эта неутолимая жажда, желание ощутить настоящую теплоту человеческого тела, она была со мной всегда, и теперь я наконец-то мог позволить своим внутренним демонам выйти на свободу.

Я, Глауд Вольф, стану тем, кто сотрёт с лица земли всех последователей Гильдии Воров и тех, кто посмеет встать у меня на их защиту!

Как и ожидалось, подъем был очень ранним. Приняв мои слова за слабость и детскую шалость, ожившая кузня даже и не собиралась поднимать молодого Глауда, привыкшего всю жизнь спать чуть ли не до двенадцати. Хотя, как при таком топоте и гуле вообще можно спать, и, тем более, так долго, я не представляю. Каждый шаг этих тяжеловесов Хельги и Сигрид отчетливо слышался даже на улице, не говоря о доме.

Вчера перед сном я старательно очистил свою комнату от мусора. Тут встречались и сгнившие огрызки яблок по углам, и засохшие куски хлеба под кроватью, и, о, чудо, начавшие подванивать трупы мышей. Наверное, погибли в приступе радости, столкнувшись с наиболее приятнейшей для них атмосферой, царившей в этом курятнике.

Смахнув со шкафа, стен и потолка паутину, а также полусантиметровый слой пыли, вчера оставил влажную уборку на сегодняшнее утро, знал ведь, что заняться будет нечем. Пока младшая Илва и старшая Сигрид грузили ручную телегу перед тем, как отправиться на рынок, я быстренько создал видимость активной хозяйственной деятельности, попутно стащив из цеха матери кусок сломанного острого шила, погнутый старый нож, по-видимому, ожидавший ремонта, и какие-то непонятные лоскуты шкуры, походившие на шнурки.

Шило в сапог, нож под пояс. Позволить себе ходить без оружия, когда на нас в любой момент вновь могли напасть, я не мог. Также, когда сестры привыкли к моей рано поднявшейся недовольной физиономии и перестали обращать на меня всякое внимание, мне удалось отыскать настоящий клад в недрах замусоренного первого этажа. Среди гор старого хлама, хранимого матерью в отдельной коморке, нашлись две изорванные кожаные перчатки с отсутствовавшими в тех кармашках для металлических вставок и пластин. Закинув те в собственный мешок, я добавил к ним ещё и эльфийскую катушку. Будет время — подумаем, как всё это соединить и использовать, а пока...

— Глауд, ты идёшь? — Окликнула меня закончившая все приготовления Сигрид, запрягая себя словно лошадь в поводах здоровенной ручной телеги.

— Бегу. — прихватив из мамкиных закровов ещё какую-то гнутую железяку, отозвался я, вслед за чем, выскочил из дома, едва не столкнулся с мелкой попрошайкой, обрабатывавшей уши младшей Илвы.

Как только мы покинули улицу ремесленников и свернули на главную мощеную камнем дорогу, ведущую к рынку, на глаза мне попала ещё одна крайне любопытная ситуация: у деревянной импровизированной трибуны, состоявшей из бочки и столба, где обычно выступали местные глашатае, скопилась целая толпа, бурно между собой что-то обсуждавшая.

Не желая терять времени на расспрос, Сигрид послала меня и младшую разузнать происходящее, и лучше бы мы просто прошли мимо.

К деревянному столбу огромным ржавым гвоздем была прибита отрубленная собачья голова с прикрепленным ко лбу листком, где кровью было выведено имя «Илва». Побледневшая от увиденного сестренка, нервно оглянувшись, опустила руку на свой меч. Толпа, в коей мы сейчас находились, вмиг стала потенциально опасной. Местные ребята, оказывается, неплохо так умели запугивать. У головы не было глаз и языка, из самой шеи торчал кусок раздробленного несколькими ударами позвонка. По-видимому, оружие мясника оказалось слишком тупым, а сам он был крайне неопытным: много смазанных

ударов, линия рассечения небрежная, кривая. В области хребта так и вовсе неподатливая шкура псины была оторвана вместе с переломанными костями, что, в свою очередь, свидетельствовало о, во-первых, всё той же неопытности, во-вторых, плохом и явно незаточенном инструменте, наличие у себя которого любой маломальски уважающий себя профессионал позволить не мог, и, в-третьих, импульсивности — разрезы на голове были слишком не ровными. Били наотмашь, словно, не желая прикасаться к мёртвой туше.

Чьих это рук дело: Илвы, той же Гильдии или кого-то ещё? Кому ты перешла дорогу? — Допрос сестрёнки было решено оставить на потом. Мне не хотелось, чтобы она запомнила меня расспрашивающим о своих врагах перед тем, как те исчезнут, да и ответы на большинство волновавших меня вопросов я мог получить и у совершенно других лиц.

— Знаете, кто это мог сделать? — Спросил я у стоявшей рядом стражницы, брезгливо поглядывавшей на голову.

— Предупреждение от Гильдии Убийц. Эти дворовые суки уже совсем страх потеряли, раз в подобных местах смеют оставлять свои послания.

— Послания? — Строя из себя дурочка, переспросил я у закованной в металл женщины.

— Да, мол, если не выполнишь обязательства, то в следующий раз на этом столбе будет не собачья голова, а твоя.

Поблагодарив стражницу, я выдернул из толпы напуганную Илву. Узнав о произошедшем, Сигрид и слова не сказала, как и невысокая младшая, ставшая тенью более сильной сестры. Ситуация осложнялась, со всех сторон на нас сыпались проблемы, и даже я уже толком не понимал, за какую хвататься в первую очередь. У меня никогда в жизни до этого момента не было такого количество потенциальных жертв.

Миновав широкую улочку, шедшую к замку бургамистрии, мы свернули к расположившемуся между двумя широкими реками островку, по обе стороны от которого были некие аналоги деревянных разводных мостов с дежурившими возле них женщинами в причудливых нарядах и шляпах.

— Ведьмы... — Шикнула Сигрид, а после добавила: — Не пялься на них, не дай бог заинтересуются ещё тобой. — Проронила старшая, прибавив шагу.

Та, кого она назвала ведьмой, изначально показалась мне странной. На улице стояла достаточно прохладная весенняя погода, а девушка была одета словно в жаркий июльский месяц: короткая рубашка, чем-то похожая на топик, напоказ демонстрировала подтянутый животик ведьмочки. Короткая, не стягивающая юбка создавала максимальную свободу и удобную для передвижения обстановку, при этом демонстрируя окружающим утончённость стройных ножек своей хозяйки. Был на той также и пояс с кинжалом и множеством прикреплённых к нему разноцветных колбочек, среди которых я заметил и знакомое мне зелье исцеления. Чуть ниже — чулки, но спрятанного в них оружия я не заметил. Обувь также максимально простая и без каблука, а вот её главное украшение — посох высотой примерно в два метра вызвал у меня неподдельный интерес. На что же скучающая дамочка способна с этой своей штукой... — Глядя, как зевающая ведьма от скуки перебрасывает здоровенный дрын из руки в руку, подумал я.

Из сказок и рассказов моего мира маги, ведьмы и прочие были сильны на дистанциях. Сотворяя всякие фаерболы и кидаясь ими из-за спин соратников, они считались грозной силой. Но тут, в условиях узких городских улочек и мостовых, наличие на поясе кинжала подразумевало под собой вступление в ближний бой. Не значило ли это, что от подобных вульгарных нарядов стоило отказаться, отдав предпочтение всё той же кольчуге или

кожаным доспехам? Данный вопрос не давал мне покоя, и я обратился к Сигриду.

— Мужчины, что с вас взять, вообще не шарите в воинском искусстве. — Данное заявление было весьма обидным, как по мне, но показывать этого я не стал. — Им, по сути, и не нужна броня. Каждая из уважающих себя ведьм знает заклятие Стальной кожи или ещё какое-нибудь усиление, облегчающее той передвижение. Лишний вес лишь замедлит этих вертких. — Злобно сплюнув, Сигрид осеклась. Кажется, той уже доводилось встречаться с ведьмами в бою, и, судя по недовольному лицу, исход был не самым благополучным. — К тому же, у них есть зачарованные артефакты, зелья всякие, и их личная броня, спрятанная под одеждой.

«Что там можно спрятать под одеждой, бронелифчик, что ли?» — Почесав репу, я вновь задумался. Если методами «омертвления» обычных людей я и владел в совершенстве, то с этими дамами предстояло только-только познакомиться.

— Ну а кинжалами пользуются для борьбы против себе подобных, в условиях ближнего боя. Они у них там какие-то волшебные, а какие — хрен его знает. — Тяжело вздохнув, Сигрид с грехотом кинула телегу. — Приехали!

Город, в котором мы проживали, был разделен на три части: первая — район бедняков, вчерашних рабов и приезжих. В нем жили люди второго сорта, вроде нас с семьей. Вторая часть расположилась на противоположном берегу реки, ближе к морю и порту. Земля там принадлежала людям побогаче, там жили местные и цеховые ремесленники, состоявшие в городских гильдиях. Также там обитали стражники и приближенная к местной власти аристократия, следившая со своих резиденций за тем, как в наш портовый городок на краю мира прибывают их немногочисленные торговые суда с рабами и прочей ерундой.

Третьим же, объединявшим всех нас воедино куском суши, был как раз-таки вот этот маленький островок, возведенный одной из прошлых правительниц как единственная в городе зона открытой торговли. Ни одна из двух сторон не имела права на своей территории строить ярмарки или начинать уличную торговлю. Все и вся были обязаны проводить сделки именно на рыночной площади. Звучало неплохо, но по факту из портового района и кораблей, привозивших в наши края всё необходимое к обычному люду, доезжали только остатки. Лучшая древесина, шелка и сталь, вместе с рабами оседали в порту, а к нам же попадали лишь объедки, гнильё, хромые да калеки, что, в свою очередь, делало конкуренцию между цеховыми ремесленниками и нашими фактически невозможной. Единственное, чем мы могли ответить знати — так это производимым количеством товаров и лучшими лошадьми, ведь по факту отрезанные от свободных пространств аристократы были вынуждены покупать жеребцов именно у наших соседей, или, как оказалось, тех самых веселых девчат, кинувших мне полотенце, чьи родители являлись одними из самых богатых и уважаемых людей нашей части города.

Как одни из первоприбывших, разместились мы на одном из лучших, как сказала Сигрид, мест, а именно в центре, неподалеку от эшафота, на котором в городе проводились показательные казни, аукционы рабов и народные собрания, где представители вольного города выносили на всеобщее обозрение раскрывшиеся им проблемы

Проходимость здесь была одной из лучших, а значит, и шанс продать подготовленные матерью заготовки значительно выше. Сначала, выгрузив всё своё добро, а после перевернув телегу, девушки на днище перевернутого транспорта разложили привезенные с собой товары. Лопаты, вилы, топоры, мотыги, молотки, наконечники стрел и прочая дребедень: от неудавшихся вилок до каких-то стальных банок. Здесь было всё, в принципе, как и в шатре

наших прямых конкурентов, как на зло, расположившихся всего в метрах двадцати от нас. Настоящая торговая палатка разворачивалась в течении часа, вслед за чем была привезена и выставлена приятная глазу витрина. Женщина, вставшая у прилавка, так же была не из простых трудяг: хорошо одета, приятный голос и милое личико с виду располагали к себе, но вот её снисходительный тон в общении с крестьянами имел противоположный эффект, и при чем сильный.

В ведении местных дел я был, мягко говоря, не очень. Их термины, жаргон для меня были диковинными, как и реакции на те же угрозы или оскорбления. Единственное, чем я мог похвастаться, — так это умение читать эмоции, скрытые желания, всплывавшие на лицах встречных. Это умение оттачивалось мной с первого момента появления в обществе и до последнего. Возможность предугадывать слова и действия оппонента являлись неоспоримым преимуществом, пользуясь которым манипулятор вроде меня мог спокойно раскинуть собственные нити, дергая за которые я мог контролировать обстановку, царившую вокруг.

Учиться чему-то у своих недалёких сестер было бессмысленно. Торговки из них ещё более посредственные, чем я, к тому же, за все годы проживания в этом городе они как-то умудрились не обзавестись постоянными клиентами, связями и верными друзьями, одно это наводила на печальную мысль. Быстро разобравшись с курсом и значимостью местной валюты, в пределах видимости моих сестёр я принялся искать, чем себя развлечь. Подрезать пару мешочков с серебром у мимо сновавших бедолаг я всегда успею, да и к тому же не испытывал я особой любви к столь низкому занятию. Я человек совестный, и редко поступаю с собственными принципами, да и к тому же чем обворовывать нищих глупо, не лучше ли позаимствовать у тех, кто побогаче?

К тому же, тут так удачно развернулся конкурент с приличным магазинчиком и опытным работником в лице продавца, хотя и та, уввы, оказалась не без изъяна. Суждение о её аристократических корнях оказалось ошибочным, работяга была из прислужников верхних слоев общества. Позабыв место, из которого не так давно выбралась, та позволяла себе слишком много вольностей в отношении граждан ниже её по статусу. Грубость — недопустимая ошибка в общении с людьми, и я просто был обязан проучить зазнавшуюся девчонку.

Так удачно под руку попалась первая отшита «горе покупательница». Бедолага, пришедшая за наконечниками для стрел, была в мягкой форме послана. С виду крестьянка даже не обиделась, но вот по глазам... Они не лгали — женщина была зла и вместе с тем беспомощна.

— Госпожа охотница, постойте! — Позволив той отойти подальше от лавки конкурентов, с улыбкой на лице окликнул я её, не забыв при этом помахать рукой.

— Госпожа? — Непонимающе повторила за мной женщина, а после, улыбнувшись своей беззубой улыбкой, спросила: — Это Вы мне?

Её усталое, грязное и морщинистое лицо прямым текстом говорило о статусе и умственных способностях. Далёкая от городских хитросплетений простушка, с озлобленным на весь белый свет взглядом — вот, кем она была.

Всё, что знала эта женщина — это такие слова, как: работа, еда, дом, ну и развлечения, оттого и подход к ней нужен был соответствующий. Малоимущие люди подозрительные, к тому же зачастую считают себя умнее других. С ней следовало общаться на уровне, слегка превосходящем её развитие, не юлить и стараться быть максимально прямолинейным, тем

самым избавив цель от ощущения скрытой угрозы.

— Ну, конечно, из толпы я заметил Ваш статный образ, наверняка Вы превосходно стреляете из этого чудесного лука. — Ткнув пальцем в изогнутую деревяшку за её спиной, в спешке растолкав прохожих и приблизившись, проговорил я.

Довольная комплиментом, женщина гоготнула, а после, оглядев меня, с неким подозрением отозвалась:

— Госпожа я лишь для выводка свиней, пасущегося в моём загоне. Чего тебе, мальчишка?

— Простите, что отвлекаю Вас, знаю, охотники — люди занятые, — Слегка сконфужено, показывая испуг от столь резкого ответа, я стал пятиться. — я просто хотел предложить...

Именно слово «Предложить» заинтриговало ту больше всего. Она была старой женщиной в мире, где мужчин было меньше, и те являлись слабым полом. Она понимала, что, если я предложу себя, — денег на ночь со мной у той не хватит, но все равно не отказалась от беседы с испугавшимся юношей, и уже сама решила продолжить наш разговор.

— Извиняй, если напугала, я ж не со зла, редко такие красавцы ко мне на улице пристают. — Подмигнув, а следом вновь улыбнувшись, проговорила та. — Чего тебе?

— Я слышал, Вам были нужны наконечники. — Всё так же показывая свою нерешительность, добавил я. — У моих сестёр они есть...

— Ах, наконечники, значит. Ну, пойдём, поглядим, чё там. — Слегка разочарованно отозвалась та.

Ковырявшаяся ножиком в зубах Сигрит была сильно удивлены, когда я привёл той своего первого покупателя. Наблюдая за тем, как её братец говорит по делу и без, воительница, быстро потерявшая суть повествования, попыталась вставить свои пять копеек, но нам с уважаемой охотницей Линдой по прозвищу Пивная бочка было не до этого. Женщина, не обращая на сестёр ровным счетом никакого внимания, весело травила мне охотничьи байки, когда я насыпал той успевшие покрыться ржавчиной наконечники.

— Они не лучшего качества, — честно признался я той. — но по лучшей цене, к тому же Ваша последняя шутка была просто шикарнейшей, и поэтому я сделаю Вам ещё и скидку! Но взамен пообещайте, что, если подстрелите из наших стрел какого-нибудь медведя или оленя, обязательно поделитесь с нами хотя бы лапкой или копытцем. — Протягивая мешочек, под неодобрительный взгляд сестёр проговорил я.

— Скидка? — Почесав репу, непонимающе спросила охотница. — Ха-ха, как щедро с Вашей стороны. Сколько я буду должна с этой скидкой? — Глупые женщины, окружавшие меня, перебивая друг друга, закудахтали. Старшая пыталась вставить свои пять копеек, а младшая свои. И только я один единственный в этой воцарившейся неразберихе знал истинную цену наконечников, а также усилиям, приложенным мною для достижения успеха в этой сделке.

Болтушка Линда, попавшая в мои сети буквально за считанные минуты, рассказала всю свою подноготную: о своём быту, профессии, неудачной любви, и, разумеется, о злобной продавщице, заломившей цену, что в разы превышала взятую той с собою сумму. Терпеливо выслушав всё от начала и до конца, я получил то, чего желал, ведь именно последнюю информацию мне и нужно было узнать.

— Вы хороший человек, Линда, и зарабатывать на Вас мне бы не хотелось. Цена десяти наконечников — один серебряный, плюс моя скидка, итого девять малых серебряных и

девять больших медных. Вас устроит? — Глаза Сигрид в удивлении расширились, а Илва, покрутив пальцем у виска, махнула на меня рукой. — Понимаю, цена внушительная, но, когда Вы в следующий раз придёте покупать у нас наконечники, лавка моей матери продаст Вам их не по девять серебряных и девять медных, а просто за девять малых серебряных. Фактически Вы получите один наконечник бесплатно, и сэкономите целый малый серебряный!

У нашего прилавка повисла неловкая пауза. Приглядывавшаяся к чему-то женщина, стоявшая рядом с охотницей, тоже над чем-то задумалось.

«Ну давай, я же не просто так сказал слово «Бесплатно!»» — стиснув зубы, замер в ожидании решения Линды я.

— Мне нравится ваше предложение, Глауд, да и к тому же за малый медный, оставшийся в моем кармане, я уже сейчас смогу купить в трактире эля, а также выпить за здоровье Вашей матери, родившей столь прекрасного и умного сына. Также, если в лесу мне повезёт, с меня трофей. Линда Пивная бочка добро не забывает! — Её удовлетворённый хохот, а также звон попавших в мои ладони монет подняли не только моё, но и настроение моих сестер, ведь только что я продал некачественный залежавшийся товар по цене, превосходящей рыночную, при этом взяв с человека обещание прийти к нам вновь. Разумеется, она может столкнуться с чем-то более дешёвым, увидеть те же десять наконечников за девять малых серебряных на другом прилавке. Вот только, приди она к нам в следующий раз, получит точно такое же число за те же деньги. Плюс, раскрыв наш маленький обман, она, не зная, будет ли за второй скидкой ещё одна, по любому, если не из злобы, то из чистого любопытства вновь к нам заглянет. Это победа, с какой стороны не погляди.

Дела шли хорошо, даже лучше, чем я изначально планировал, ведь за охотницей к нам пожаловала ещё пара простодушных крестьянок, искавших топоры, вилы, а также возможности сэкономить медный. Итог: покупатель и продавец остались довольны. Инструмент оказался в их мозолистых руках, а лишние монеты — в нашем с сёстрами большом кармане. Я много говорил, много двигался, и, позабыв о том, кем должен быть, — вошёл в азарт, выходить из которого под обожающие взгляды своих старших сестёр мне ой как не хотелось.

Не хотелось, но пришлось. Продолжавшая расти очередь со стороны наших конкурентов, а также их выкрики о «дерьмовости» стальной продукции других лавок буквально лишали нас покупателей. Надо было с ними что-то делать, и, кажется, я уже придумал, что.

Торгашка из соседней лавки в шутливой форме, веселя аристократию, осуждала какого-то мелкого ремесленника, желавшего купить себе какую-то безделушку. Остроумия той было не занимать, как и поддержки со стороны немногочисленных аристократок, а вот женщины более низкого происхождения от подобной небрежности буквально заводились на глазах.

То ли тут сыграло желание показать себя с лучшей стороны, то ли вспыльчивая верзила и вправду устала ждать, но, вслед за очередным шутливым обращением к глуповатому парнишке, в прилавок, прямо между пальцами вмиг побледневшей продавщицы вонзился обыкновенный ничем не примечательный нож, ещё секунду назад лежавший на витрине.

— Сколько? — Закрыв своей большой спиной ремесленника, рыкнув, спросила женщина, а следом, все так же не сводя со своей жертвы взгляда, кинув монету, предложила той заткнуться и делать свою работу.

Не желая стать причиной начинавшего конфликта между знатью и простыми смертными, женщина, не глядя, спрятала оружие. Я видел, как ледяное, довольно длинное лезвие, похожее на то, что было припрятано и у меня, щекоча холодком той задницу, по рукою исчезло за поясом.

Под пристальный взгляд стражи, подошедшей к очереди, та поспешила затеряться в толпе. «Не торопись, крепышка, от меня всё равно не убежишь» — двинул вслед за той я.

Исчезнуть из поля зрения сестёр было несложно, и перед тем, как они поднимут бучу, а следом кинутся на мои поиски, тем самым нарушив мои планы, требовалось быстро выполнить несколько незапланированных манипуляций.

Обычная подножка не свалила бы столь здоровую женщину, и лишь с разбега влетев той со спины в колено, я мог достичь нужного эффекта. Якобы случайно наши ноги с не смотрящей по сторонам верзилой переплетаются, и мы оба с грохотом падаем на каменную мостовую. Зашипев от боли, та, стиснув зубы, прорычала: — Ты покойница... — Но заметив под собой лишь испуганного юношу, слегка растерянно покосилась в сторону. Настороженные взгляды прохожих, переживавших по большей части за меня, а не за вышибалу, вынудили ту быстро встать на ноги и протянуть мне руку помощи. — Ты в порядке? — На моё самочувствие той было плевать, её волновало лишь мнение окружающих.

— Да, но, уважаемая, Ваш нож... Кажется... — пальцем указав на валявшийся кусок искореженного и погнувшегося металла, проронил я.

— Су-ка. — проверив на отсутствие за поясом припрятанного оружия, обронила та. — Эта тупая бабища продала мне кусок дерьма по цене золота! Убью нахрен! — Подобрал кусок стали, взревела обозленная женщина, и, позабыв о страже и прочем, отправилась обратно к лавке. Всё шло слишком гладко.

Без спешки, не привлекая внимания, я поднялся, аккуратно из рукава переместил новенький ножик за пазуху своей теплой льняной рубахи. Вполне возможно, наши конкуренты использовали клеймо или ещё какие-то методы обработки своей продукции для её дальнейшего распознавания, этаким гарант качества уже вполне мог присутствовать, даже в эту полусредневековую-полумагическую эпоху. Было бы нехорошо, если моя маленькая подмена в столь пикантной позе была кем-то замечена. Оглянувшись, я убедился в отсутствии вопросительно тарашащихся на меня людей. В глазах зевак было сочувствие, безразличие и безразличие, ничего другого. Да оно и к лучшему. Требовалось как можно

быстрее вернуться туда, где всё начиналось.

Тряся своими здоровыми лапами перед лицом испуганной, побледневшей продавщицы, вышибала с пеной у рта пыталась доказать той никчёмность проданной продукции. Попытки попавшей под пресс торговли хоть как-то понять происходящее упирались в скудоумие и злобу покупательницы, обещавшей набить той морду. И, когда точка кипения достигла максимального уровня, показалась наша главная проблема — хозяйка данного шатра. Одним своим жестом та угомонила часть бушевавшей толпы, а после, давая собственным авторитетом, осадила и мою темпераментную пешку. Её трезвые и вполне здравые предложения могли разрушить мой план и пробудить в недовольной покупательнице инстинкт самосохранения, а мне это было ни к чему.

— Да поменяйте уже грязной суке её игрушку, пусть не скулит. — Добавив своему голосу старческой хрипоты и аристократической надменности, выкрикнул я из-за чьей-то знатной спины, вслед за чем, аккуратно, не толкаясь и не привлекая лишнего внимания, поспешил в ряды равных мне по статусу.

Одна из аристократок, так неудачно ринувшаяся за мной, попыталась схватить юного провокатора, чьего лица никак не могла видеть, но преградившая той путь другая цеховая рабочая сильным ударом в грудь прервала незадачливую преследовательницу.

— Бей зажавшихся аристократов! — Донеслось с запозданием, и громила, на которую я возлагал огромные надежды, оправдала себя. Мощным колхозным ударом с правой она отправила вражескую королеву в долгий полёт, сделав тем самым заключительный ход и поставив мат в этой партии. Началась буча, все били всех. Крики, стоны, мольбы и чьи-то хрипы перемешались в один монотонный гул бушующей толпы, пытавшейся в мордобоё выплеснуть весь свой негатив, жизненные проблемы и тягости, смешавшиеся в единой реке, имя которой Жизнь.

Пропустить нечто подобное я не желал. Это была отличная возможность — воспользоваться сумятицей и пополнить свои карманы не только медяками, вырученными с торговли, но и серебром, так маняще болтавшимся на поясах малочисленных аристократок. К сожалению, перед тем, как те схватились за свои клинки, мне удалось залезть лишь в один карман, наполненный золотом и серебром. Брать всё я, разумеется, не стал, ведь сумма была приличная и могла предназначаться для какой-то крупной сделки, из-за которой стали бы перетряхивать всех местных, поэтому пришлось обойтись процентом, взятым с потерпевшей «за скудоумие и слабость». Так, в моих широких рукавах исчезли пять больших серебряных и десяток средних медных. Хозяйке же я с благодарностью оставил её золото, способное своим появлением в моих руках, да в принципе и в руках любого другого нищего, вызвать множество подозрений.

Страсти только накалялись. Сквозь щели, возникающими между снующими, пытающимися убить друг друга, я заметил не на шутку разволновавшихся сестёр, готовых бросить нашу торговую точку и кинуться на мои поиски. Следовало возвращаться.

Как на зло, на полпути, из самого эпицентра, какая-то неотёсанная деревенщина случайным образом задевает меня локтем. Сильный удар прямо в лоб выбивает землю из-под ног, отчего я жопой плюхаюсь на камни, ударяясь копчиком. Ситуация и вправду становилась опасной. Не поднимая головы, на четвереньках проползая под ногами зверствующих баб, лупились те похлеще мужиков. Я уже и сам был не рад начатому мной конфликту...

Средь мелькающих сапогов, чьих-то задниц и разбитых рухнувших в грязь лиц наконец-

то отчетливо появились силуэты зевак, болевших за своих фаворитов. «Я выбрался» — мелькнула мысль в голове в миг, когда над площадью раздался сильный звуковой хлопок, прервавший разбушевавшуюся толпу.

Прямо перед моим лицом, буквально в нескольких сантиметрах от носа, из ниоткуда, словно из воздуха, показалась пара чьих-то чистеньких ботинок.

— Ты как, малыш? — Подняв меня за шкирку, словно ничего не весящего помойного кота, произнесла улыбчивая дамочка в ведьмовской шляпе и с парящим посохам за спиной. «Спокойнее, Глауд, шанс того, что тебя увидела эта женщина, крайне мал, её не было в толпе. Если только, она не...»

— Вы что, умеете летать? — В шоке, быстро моргая, рукавом я пытался смахнуть постоянно накапывавшую на глаз кровь, дабы лично убедиться в том, что тот чертов посох и вправду парит! «Ведьмы. Как я мог забыть о их мётлах и прочих сказочных штучках? Как же неосмотрительно!»

— Разумеется. — усмехнувшись, произнесла незнакомка. — Но тебе сейчас, как я погляжу, не до полётов. — её кисть полыхнула зелёным свечением, а разбитая бровь, ощутив всё тот же знакомый приятный жар, вмиг перестала кровоточить и затянулась.

— Глауд! — Раздался взволнованный крик Сигрид. — Слава всем богам, ты в порядке! Мы так переживали. Куда ты пропал? — Глядя на всё ту же ведьму, любовавшуюся перепачканным мной, произнесла старшая, отчего-то даже не решаясь подойти к нам ближе.

— Спасибо, от Вашей удивительной магии мне стало гораздо легче. — Болтая в воздухе ногами в попытке дотянуться до почвы, проговорил я, в ответ на что незнакомка, лишь улыбнувшись, в очередной раз взглянула на моих сестёр.

Её губы выплюнули нечто нечленораздельное, вслед за чем сильный влажный ветер ударил по моей одежде, едва не вытрясая из меня клинок и трофейные монеты. Отчетливо слышимый звон даже не привлек внимание сверливших взглядом друг друга женщин. Рубаха за минуту очистилась от моей же крови, со штанов исчезла грязь, и даже старые башмаки приняли некий ликвидный облик.

— Я бы душу продал за такую магию... — Вспоминая весь тот бардак, творившийся в моем доме, и то, как быстро его можно было бы устранить при помощи подобного волшебства, на полном серьезе обронил я, отчего ведьма, потеряв весь свой былой серьезный вид, пряча лицо под большой шляпой, опустила голову, попытавшись скрыть свою улыбку.

— Клоун. — Хихикнула себе под нос та, а после добавила: — Будь осторожней в другой раз.

"Обязательно".

Понять, видела она что-нибудь или нет, мне так и не удалось. Отдав мою тушку на сохранение сёстрам, молодая ведьмочка, переступая через бессознательные тела, двинулась к прилавку, где постепенно приводилась в чувства его хозяйка. Через несколько минут на место происшествия, верхом на своих посохах, слетелось ещё несколько её коллег. Началось разбирательство, затянувшееся до самого вечера, и как итог, двое в кандалах — первая, что неудивительно, громила, вдарившая хозяйке лавки, вторая — продавщица. Не знаю, как так получилось, но именно её обвинили в начавшихся беспорядках. Как и почему? История умалчивает, но, как предполагаю я, ту просто сделали козлом или козой отпущения, спихнув на неё незаконную продажу из-под пола, некачественного железа под маркой «Бренд». Её хозяйка — аристократка одним ударом прихлопнула двух зайцев: сохранила лицо своей продукции перед знатью, обвинив во всех грехах простолюдинку, а также отдала несильно

значимую фигуру под суд, тем самым показав свою лояльность органам правопорядка. Все, кроме рабочего класса, оставшегося замертво лежать на мостовой, были в плюсе. То, как смело они шли на вооруженную знать, как гордо дрались против тех, достойно уважения. Вот только уважением их не воскресить. Глядя на то, как стража рутинно растаскивает тела, мне стало слегка не по себе. Смерть была чем-то обыденным для этих мест. Даже прохожие не уделяли этому особого внимания, тем самым ещё больше подогревая мой интерес к одному волнующему вопросу: как долго они смогут игнорировать смерть? Этот город, сам того не понимая, являлся одной большой пороховой бочкой, грозившей в любой момент взорваться. Всего-то и нужно было поднести к фитилю зажжённую свечу.

В любом случае, их вывод из игры позволил нам неплохо навариться. Продав всё, что только было можно, мы перевыполнили план. А я, помимо моей маленькой шалости, между делом ещё и успел собрать кое-какую информацию о фигурках, следивших за нами с Илвой.

Ещё днем у выхода из нашего дома я заметил парочку бездомных детишек, попрошайничавших в нашем квартале. Ремесленники действительно не самые бедные личности, но вот просить у тех деньги, когда они только-только шли на рынок, да и тем более так рано, как по мне, глупо. И даже местные дети должны были это понимать.

Денег у нас не просили, но их лица я запомнил. Как и лица менявшихся их товарищей, поспешно шедших за нами от самого дома, до бочки глашатая с отрубленной головой, а после до рынка и обратно. Мелкие засранки были хорошими осведомителями. Дети всегда вызывали у окружающих жалость, беспризорники были повсюду, их лица прятались под слоем сажи и грязи, а имена скрыты за прозвищами и кличками. Их появление всегда неожиданно, а исчезновение незаметно. Дети — простой и крайне ненадёжный инструмент, манипулировать коим было легко управлять. В принципе, так же легко, как и заставить тех на век замолчать, и это мне ой как не нравилось.

Вокруг нас их крутилось много, наверняка даже по ночам те приглядывают за домом, а вместе с ним и друг за дружкой. Требовалось изучить планировку соседних домов, найти лучший способ для выхода из нашей избушки незамеченным, а также набросать несколько более и менее пригодных маршрутов для передвижения по городу и тактического отступления в случае неудачи. Также требовалось выяснить, с кем мои дорогие детки делятся информацией. Мне нужно было лично увидеть лицо моей первой жертвы.

Ловить детишек я не собирался, так как тратить на тех своё время, пытаясь узнать имена, которые вполне себе могли быть вымышленными, было глупо. Да и к тому же, поймай я такую мелкую блоху, пришлось бы от той избавиться, а убивать детей без весомой надобности мне было противно. Злодеи, убийцы, казнокрады и маньяки, последним из которых я, по сути, и являлся, — это да, мой типаж, но точно не дети, пытающиеся заработать себе на кусок хлеба.

Была и ещё одна проблемка, физическая. Это тело никуда не годилось. Свою слабость сегодня я прочувствовал от лица до копчика. Старый я от подобного пропущенного удара и бровью бы не повёл, а тут едва сознание не потерял. В нынешней форме я не смогу бороться, не смогу долго бежать, подтянуться, двигаться ползком или гуськом, я вообще ничего не мог, и эту проблему предстояло решить здесь и сейчас. Мне нужно было зелье, способное даровать физическую силу, при чем на довольно длительный срок.

Сёстры были навеселе: постоянно хвалили, говорили о моем скрытом потенциале. Глупышки до конца пытались не замечать чудесного преображения брата, продолжая ссылаться на скрытую и врождённую жажду мужчин к чужим деньгам. Двигаясь по пути к

дому, Сигрид, заскочив в местный кабаk, прихватила бочонок эля на сэкономленные нами деньги. Как по мне, это расточительство, однако посещение следующего места в глазах моих сестер могло показаться ещё более неуместным.

— И зачем это нам заходить в лавку алхимиков? — Остановив телегу, поинтересовалась Сигрид, пытаюсь понять, чего я добиваюсь.

Сопливая история о моих сбережения, откладываемых больше года, и желании отплатить сестре за спасение, путем покупки той парочки дешевых зелий, была воспринята с умилением и неким странным эмоциональным порывом, вырвавшимся из обнявшей меня Сигрид. «Ты мне ничего не должен» — хотя я и понял всё с первого раза, продолжала весь наш не столь долгий путь до лавки повторять одно и то же сестра. Как оказалось, зелье регенерации, потраченное той на меня, было крайне дорогой штуkenцией, стоящей аж три больших серебряных, а, между прочем, десять таких монет был уже один малый золотой — огромные деньжищи!

Со скрипящим сердцем, я до конца надеялся, что, когда мы придём в лавку и Сигрид вместе со мной услышит сумму за зелье, та великодушно откажется, пожалев сбережения брата, но нет! В её жадных глазах читалось лишь одно — «Хочу!» — При чем прописано это самое ХОЧУ было большими заглавными буквами.

Всех своих многочисленных любовниц и жертв в прошлой жизни я никогда не баловал дорогими подарками. Их явление для меня было временным. А вот Сигрид... Отчего-то ей зажать столь желаемое средство, способное спасти её жизнь, я не смог. Быть может, в благодарность за её жертву, а может, и ещё за что, не знаю.

Благо, хоть зелья усиления оказались дешёвыми повседневными расходниками, используемыми всеми жителями этого города: от местных портов и до крестьянских полей. Все пользовались ими.

«На семью, вдруг понадобятся» — так оправдался я, взяв целую коробку из двух десятков флаконов всего за пять средних серебряных, или половину одной большой монеты.

Десятичная система оплаты в этом мире была весьма удобной и простой в освоении. Так, к слову, здесь существовали три основных номинала: медь, серебро и золото, а у каждого из сплавов ещё три подраздела. К примеру, десять маленьких медных — это одна средняя медная, а десять средних — одна большая, из десяти которых, в свою очередь, уже появлялась монета серебряная. Просто и понятно. Вот только местные даже в этой простоте считая на пальцах умудрялись сбиваться со счёта. Этим, к примеру, сейчас и попыталась воспользоваться местная лавчица, решившая добавить нам какую-то мелочь, стоящую медяки. Некруглая сумма, где требовалось считать дополнительные низшие медные монеты, сильно запутала сестёр, но только не меня.

Пригрозив за подобные штуки вызвать на неё проверяющих из какой-нибудь местного органа правопорядка, я получил ту самую бесполезную херню в подарок, после чего мы вместе с довольной Сигрид и завидовавшей старшей Илвой наконец-то отправились домой.

Сейчас, прогуливаясь по этим скрытым в вечернем полумраке улочкам, обдуваемыми свирепым морским ветрам, я впервые мог пройтись, дыша свободно и полной грудью. Приятный и резвый ветерок всеми своими доступными силами помогал городу избавиться от зловония и грязи. Со дня на день должен был пойти дождь, тем самым создав лучшую обстановку для моего ночного визита на улице прогнившего города.

Хельга действовала быстро, даже быстрее, чем я рассчитывал. Её заботливое материнское сердце, а также желание побыстрее выдать сыночка, грозило костью встать в моём горле.

— А вот и наши трудяги. — Весело прикрикнуло спрятавшееся под слоем сажи лицо старухи. Даже представить не могу, как та умудрялась так сильно запачкаться, на мой взгляд, даже трубочисты и то почище выглядели.

За спиной матери показались две незнакомые женщины. Одна была ростом с Сигрид, закованная с ног до головы в сияющую сталь. По возрасту — ровесница Хельги. Лицо смуглое, взгляд пристальный, виски седые, короткостриженные, а на груди мастерски выбитый герб в виде орла, раскинувшего в обе стороны крылья. Точно такой же, как и на плащах патрульных, встреченных нами на улицах. Вскоре та, приветственно поклонившись, представилась, подтвердив мои догадки. Эльга Бэтфорт — командир городской стражи, и, как я полагаю, моя будущая тёща. А за её спиной...

— Брунхильда Бэтфорт — моя дочь и по совместительству главный карающий меч нашего рода. Ей всего двадцать семь, а она уже закончила первый курс в Ведьмовской Багрэ, и даже получила титул, а вместе с ним и ведьмовское имя — Бьянка. — Такая же смуглая девушка, миновав мать, встала предо мной и поклонилась. На её безэмоциональном лице красовались яркие золотистые глаза, в блеске которых я мог видеть собственное отражение. Вдоль белой рубашки и до такой же короткой юбки бежали длинные темные волосы. На поясе её красовалось два флякона, а на бедре клинок. Именно последний вызвал во мне бурю негодования и злобы: ножны, а также рукоять были в засохшей крови. Хозяйка просто безалаберно относилась к своему обмундированию!

Оценив представшую предо мной огненную королеву, по неволе я задался вопросом: «Скольких та успела убить перед тем, как получила этот холодом обжигающий взгляд?»

Нашу немую дуэль, матери восприняли как нечто забавное. По-дружески хлопнув Хельгу по спине, Эльга предложила «старой знакомой» попробовать, что же там принесла старшая Сигрид, а также обсудить волновавшие оба рода вопросы.

Глядя на раскинувшуюся на столе поляну с мясом, свежим хлебом и двумя кувшинами, один из которых, судя по виду, уже был пуст, я понял, что наши состоятельные гости прибыли давно, и, судя по их виду, не собирались уходить. Все эти наигранные улыбки, любезности, подарки, а также сверкающие доспехи и украшения на них не давали мне покоя. Бэтфорты были богаче нас, и в разы превосходили по статусу. Навязчивость старшей Эльги казалась подозрительной и не разумной, и невозможность на этом коварном лице распознать истинные мотивы только подогревала мой интерес.

— Так почему именно я, уважаемая Бэтфорт? У Вас очаровательная дочь, к тому же, как Вы и сказали, с огромным потенциалом в магии. — Мой резко прорезавшийся голосок обеспокоил мать и повеселил сестёр. Отчего-то те тоже не горели желанием отдавать мою тушку знатным гостям.

— Хм... — откинувшись на единственном в доме стуле со спинкой, заботливо предоставленном госте, женщина по имени Эльга задумалась. — Вы, молодой человек, умеете задавать правильные вопросы. Похвальная черта, которой, к сожалению, не владеет моя дочь. — Печально вздохнув, заявила Эльга. — К тому же, та, владея огромной мощью,

ещё в добавок владеет и огромной и ленью, необразованностью и невоспитанностью. Глупый ребёнок умудрился закончить первый курс престижной Багрэ, не умея даже читать.

— Вы, наверняка, знаете, что я и сам не закончил школу. — Из воспоминаний старого «я», местные учебные заведения в довольно позднем порядке принимали своих абитуриентов. Так, к слову, до шестнадцати в этих краях дети набирались ума в цеховых мастерских, и лишь после, овладев будущими специальностями, допускались к изучению грамоты и прочему. Объяснений тому у меня не было, да и не задумывался я до этого момента по этому вопросу. Школы мне ещё не хватало.

— Знаю. Кажется, Вы не нашли общего языка с кем-то из знатных мальчишек. Вы, дети, бываете порой такими грубыми и жестокими друг к другу. — Улыбнувшись, наполнила кружку элем стражница, а после, выпив, желая услышать ещё один вопрос от меня, усмехнулась, и, не дождавшись его, продолжила отозвалась:

— Я хочу, чтобы вы вместе с Брунхильдой закончили хотя бы один курс. До конца учебного года времени в обрез, а без банального умения бегло читать её не пустят на изучение второй ступени ведьмовских искусств. Разумеется, семья Бэтфорт возьмет на себя решение всех финансовых вопросов. — От последних слов глаза Хельги одобрительно зажмурились. Обучение здесь стоило дорого, но и перспективы перед учениками открывало немалые: закончивший школу я мог стать бухгалтером, казначеем у какого-нибудь рода, или самым обычным писарчуком. Вот только мне, человеку, планировавшему возглавить весь приступный мир этого города, подобная перспектива казалась слегка сомнительной.

— Наймите репетитора или какого другого учителя, уверен, так будет быстрее. — Мой ответ привлек внимание Бьянки, слегка разозлил мою мать, и её не желавшую озвучивать при всех неприятную правду подругу.

— Будь на то возможность — так бы и сделала, мальчик. — проговорила Эльга, хмуро глядя на Хельгу.

— Так в чем проблема? — подтрунивая над злобным тигром, продолжал выводить ту из себя я на потеху моим улыбочивым сёстрам.

— В том, что она ленивая и невыносимо упрямая баба, влюбившаяся в хитрого лиса вроде тебя! — Едва сдерживаясь от благого мата, вдоволь повеселив всех собравшихся и пристыдив едва покрасневшую Брун, рыкнула стражница. — Хельга, мы с тобой давно уже знакомы, однако этого было бы недостаточно для того, чтобы я лично пришла сюда с ней и первой завела эту тему. — Скрестив руки на пузе, удовлетворенно поглядывая на меня, мать кивнула.

Чем таким смог заинтересовать Брунхильду Глауд, я и сам вспомнить не мог. Каждая попытка отзывалась сильной головной болью, тем самым подогревая мою любопытную натуру.

— Разумеется, такое её пристрастие к какому-то из ваших мест не могло остаться незамеченным. Её вечерние вылазки в ваш район, а также попытки встретиться с Глаудом стали вызывать всё больше ненужных вопросов у моих подчиненных, рано или поздно всё равно узнавших бы правду, и поставивших под удар наш статус. Поэтому уж лучше пусть женятся в открытую, чем встречаются тайком. — На эти слова матери Брун едва заметно улыбнулась. — А это значит, что кое-кому придется постараться для того, чтобы стать хотя бы маломальски достойным тестем и более или менее приличным мужем. Ваша совместная учёба, а также успешное завершение курса станут приемлемой для меня оплатой и залогом вашей помолвки, вслед за которой Брун вновь на год отправится в Багрэ, а муженёк пойдет к

нам в родовое поместье на обучения казначейству. Слышала от своих воительниц, вы сегодня хорошо поторговали, и мальчик проявил в этом недюжинную смекалку и умение.

«Есть в этом городе хоть что-то, чего бы эта старая баба не знала? Вся моя жизнь, планы, выстроенные на годы вперед, рушатся на глазах!» — данное заявление старшей Бэтфорт пошатнуло моё внутреннее спокойствие. Взявшись за кружку одобрительно закивавшей Сигрид, я стал прикидывать, как избежать этой весьма нудной и скучной участи. Мне не нужны были Бэтфорты для достижения моих целей, не нужны были их деньги и влияние. Всё, что было мне нужно, — так это время и свобода, и именно их у меня сейчас и пытались отнять.

— Глауд не будет казначеем. — Неожиданно подала голос Бьянка, отчего первые глотки хмельного напитка с облегчением проскользнули в мой желудок. — Он станет частью моего эскорта. — Прыснув напитками на стол и под ноги, поднявшие кружки матери непонимающе взглянули на Брунхильду.

— Ты спятила? — Пытаясь понять, не ослышалась ли она, со злобой и опаской в голосе спросила Хельга.

— Дочь моя, если это была шутка, то тебе самое время об этом нам сказать. — Даже не обидевшись на столь вульгарное обращение подруги к отпрыску, поддержала ту Эльга.

Недовольство женщин, как и моё удивление, можно было понять: эскорт — так называемая боевая группа поддержки любой уважающей себя ведьмы. В основе свой эскорт состоял из таких же, как и она магов или ведьм, но ниже по статусу или славе. Также в каждой такой группе была парочка смазливых мальчиков, использовавшихся для выпуска пара и всего прочего. Множество ребят моего нынешнего возраста могли о таком только мечтать. Ну как же, ведь это приключения, путешествия и прочая ванильная фигня, манящая несформировавшиеся умы, не способные заметить кроющиеся за подобным неудобства, такие как срать в кустах и на морозе, спать на земле и не жрать сырое мясо целыми днями из-за того, что походная кухня или ещё что-нибудь на местный аналог застряло в дороге. Нет уж...

— Это слишком опасно, двусмысленно и дорого. Люди могут неправильно понять, да и к тому же мальчик слишком слаб, погляди на него, Брун! — Вступилась старшая Бэтфорт.

— Согласна, после вашей помолвки Глауд останется в городе, и точка. Я запрещаю. — Взяла слово Хельга.

— А может, меня хоть кто-нибудь о чем-то спросит? — Строя из себя недотрогу и перейдя на повышенный тон, прикрикнул я.

— Ты никуда с ней не пойдешь, помолвка ещё ладно, но никаких путешествий и... — Не желая меня слушать, продолжала говорить мать.

— Да я вообще ни на ком жениться не собираюсь! — Показушно стукнув кулаками, встал я из-за стола, и ускоренным шагом отправился в свою комнату. Мотивы и намерения женщин, собравшихся здесь, мне были ясны, так же, как и то, что Хельга вместе с семейством Бетфортов не отступят. Этой импровизированной обидой я выиграл себе пару дней на освоение города, разведку обстановки и налаживание своих первых связей.

Брунхильда, она же Бьянка, как ни странно, мне была нужна. По факту, она являлась тем, о ком я не имел ровным счетом никакой информации — ведьмой. Именно взятие её в оборот с попутным выуживанием нужных мне данных было первостепенной моей задачей. Я помнил, как одна из её сестёр ещё этим днем застала меня врасплох, спикировав с неба. Тогда мне повезло, но впредь подобных глупых ошибок стоило избегать. Отныне все

сказочные фишки типа неуязвимости, невидимости, левитации и прочего стоило брать в расчёт. Трудно, сложно, но при должном анализе большинство вопросов можно было решить собственными силами. Большинство, но не все. Сейчас, закрыв за собой дверь и прихватив с собой флакончики с эликсиром, я планировал прогуляться по местным крышам. Даже если кто-то из резких родственников решится ворваться в комнату, у меня после сценки за столом будет хорошее оправдание. А в том, что мы с моей прекрасной Бьянкой ещё встретимся, я отчего-то не сомневался. Надев одежду потемнее, я прихватил старые кожаные башмаки, чем-то напоминавшие чешки. Быть может, именно в них Глауд некогда и ходил в местную академию.

Створки окна со скрипом распахнулись. Выругавшись, я пометил у себя в голове по возвращению смазать их и довести механизм до идеальной работоспособности и бесшумности. Не успела моя нога коснуться карниза, шедшего к крыше соседней одноэтажки, как чей-то голос заботливо меня предупредил:

— Это опасно. — Сидевшая над окном Брун, свесив вниз свою любопытную головку, глядя мне прямо в глаза, протянула руку. — Я помогу. — Добавила она, а следом, взлетев на из неоткуда взявшемся под той посохе, за ручку провела меня к той самой крыше.

Девушка была немногословна, задумчива, и, как мне казалось, даже слегка антисоциальна. Понимая, что разговор у нас будет не самым многословным и очень долгим, вздохнув, я своей пострадавшей пятой точкой устроился на старой черепице соседского дома, позволяя тем самым ведьмочке первой начать наш с ней разговор.

Она была любопытной особью, ну или, вернее, любопытными были её способности. К людям как к виду я не испытывал ровным счетам никаких эмоций. Привыкший подстраиваться под их правила и порядки, я был больше чудовищем, чем человеком, ведь, погибни сегодня вся моя семья — вряд ли я бы сильно огорчился. Разозлился, да, я не люблю, когда трогают моё. Но не огорчился.

Понимая, что моя прогулка может накрыться медным тазом, я решил поиграться с ведьмой, тем самым попытавшись заставить ту покатать меня на своём большом и деревянном посохе. Одна эта мысль в голове, звучавшая пошло и двусмысленно, меня забавляла, а тут ещё и такой необычный индивид, не поиздеваться над которым я не мог.

— Спросишь нечто банальное типа «Почему я тебе не нравлюсь?» или «Почему ты меня отвергаешь?», — и это будет наш с тобой последний в жизни разговор. — Глаза Бьянки в удивлении распахнулись, кажется, в своих предположениях я попал в самую точку, застав ту врасплох и заставив ещё на добрые десять минут задуматься. Не знаю, сколько бы мы так сидели, если бы я не решил той помочь. Не переставая, я кидал косые взгляды то на её посох, то на облака, и наконец-то до неё дошло. Не говоря ни слова, она, ища обходные пути поставленного мною требования, пальцами прихватив меня за куртку, указала сначала на свою "метлу", а после и на небо с пролетающими по нему разорванными облаками.

— Хочешь меня покатать? — В ответ та лишь кивнула. А после, когда я засобирался, при помощи всего одной своей правой закинула меня вверх. В её глазах читалась некая растерянность, она хотела о чем-то предупредить, но не могла.

— Да говори уже. — Пусть ей и было двадцать семь, но, боги, как в мире с обратным реверсом полов можно быть такой тихоней? Хотя, и сам Глауд был фриком, даже для своего общества. И кажется, постепенно я понимал, что она нашла в нем, ведь, по факту, они были очень похожи. С тем мертвым мальчиком, оставшимся навсегда в той подворотне, но не со мной.

— Обхвати меня руками и не кричи. Летать ночью запрещено. Поймают — накажут. — С этими словами посох, словно какой-то управляемый вертолёт, взмыл вертикально вверх, нарушая все мыслимые законы физики. Кусок дерева просто взлетел. Ни шума, ни гула, оно просто то набирало скорость, то останавливалось по воле своей хозяйки, специально разгонявшейся и делавшей крутые виражи для того, чтобы в такие моменты я сильнее прижимался к той.

Всё это время, пока та в тишине парила над городом, я смотрел и запоминал. Улочки, дома, патрули с факелами. За десять минут всё не рассмотришь, да и за двадцать, но летали мы, слава богу, долго. Рассчитывавшая на мою просьбу о спуске, Бьянка раз за разом наворачивала круги. Больше трех часов мы провели в небе, и этого было вполне достаточно.

— Меня могут искать. — Проговорил я, но та и бровью не повела. — Брунхильда, пожалуйста, опусти меня на землю. — Улыбнувшись, попросил я, и та послушно принялась сбавлять высоту. — Не знаю, что ты нашла во мне ранее, но скажу прямо, Бьянка, я изменился, и того старого Глауда, которого ты знала, больше нет. Если не хочешь горя для себя и своей семьи, то лучше не связывайся со мной. Останемся друзьями, будем общаться, но если решишь зайти дальше, то, предупреждаю, рискуешь столкнуться с настоящим чудовищем. — У Брунхильды были проблемы, некое психическое отклонение, или какая-то детская травма, итогом которой стала полная замкнутость. Я видел, как та общалась с матерью и моими родными, держа всех на расстоянии. Отчего-то лишь меня она не боялась подпустить. Я видел это точно так же, как и видел всю ту кровь, застывшую на её руках, теле и лице. Эти глаза были глазами убийцы, а таких я не щадил, и моё предупреждение как дань уважения прошлому хозяину моей оболочки было первым и последним.

— Чудовище? Ты? Ты даже не представляешь, как выглядят настоящие чудовища. — Холодно произнесла Брун, зацепившись мыслями за одно из своих темных воспоминаний. — Я узнаю, кто напал на тебя и твою сестру. Обещаю, я сделаю так, что все к этому причастные больше никогда не встретят рассвет.

Вернув меня в мою комнату, та, не сказав ни слова, исчезла в ночном полумраке, оставив на моих плечах ещё парочку забот. Только мстительной ведьмы, лезущей в мои планы, мне не хватало. По-хорошему, столь сильную фигуру следовало как можно скорее обработать и поставить на шахматную доску. Вот только допустив подобное, ставь частью их семьи я не мог. Подобным жестом я сам поставлю себе "шах", ведь выбираться из тупиц, где почти нет патрулей и уличных фонарей, куда проще, чем с улицы, где на каждом шагу посты и всё сверкает, словно в новогоднюю ночь. Да и к тому же мосты... В городе и его окрестностях их было всего три, через которые можно было перебраться на противоположный берег. Первая и самая ближайшая переправа была прямо в городе и шла через торговый остров. Вторая — у внешней стены, а третья — где-то в километрах двух от города. И, словно этого недостаточно, по ночам все мосты были подняты для безопасного сплава галер, шедших вниз по реке прямо к выходу в море.

У меня не было выбора. Только здесь и только в этом районе я мог воплощать свои планы и замыслы в жизнь. А значит, придется немного отредактировать планы моего незадачливого семейства. Но это после, а пока что вернемся к нашим кроликам.

Во время моего возвращения с ведьмой я заметил одну любопытную мордашку, высунувшуюся из-под какой-то мусорной кучи. Навострив уши, бедняжка решила с кем-то поделиться увиденным, даже не удосужившись проверить, не следят ли за следящей. Милая детская наивность и неопытность сыграет с её хозяйкой злую шутку. Я был уставший,

голодный и злой, мне требовалась эмоциональная подзарядка, и пусть я не планировал так рано вступать в игру, но ситуация того требовала требовала. Я шел на свою первую охоту...

Постоянно оглядываясь и проверяя, не идёт ли кто по его следу, маленький напуганный кролик даже и не догадывался об угрозе, двигавшейся за ним по крышам. Надо отдать должное этой девочке, в столь поздний час, когда все добропорядочные жители видели сны, она, явно действуя по чьей-то указке, не поленилась сделать несколько ложных крюков в попытке сбить возможного преследователя со следа. И, не помоги мне познакомиться с планировкой местных улиц Бьянка, быть может, я даже и потерял бы ту со следа в тесноте этих старых деревянных улочек. Благо, сегодня удача была на моей стороне.

Встретившись в тёмной подворотне с женщиной в капюшоне, лица которой я так и не смог разглядеть, мелкая информаторша в красках, махая руками, принялась рассказывать и о ведьме, и о визите командира городской стражи, и даже о торгах в конце дня.

«Отчёт за день. Неплохо для кролика» — сквозь протянутые ладошки ребёнка в грязь упала небрежно кинутая монета. Кажется, нанимательнице нравилось издеваться над слабыми, забавно, ведь мне тоже.

Дитя, получив плату, тотчас скрылось в переулке, а незнакомка, немного постояв, двинулась уже по своим не менее интересным для меня маршрутам. До рассвета по местному времени оставалось ещё часов пять, мать и сёстры проснутся приблизительно через три. Если эта женщина направится в трактир, где будет пить до рассвета, я рискую так и не увидеть её лица, а также получить нагоняй и в будущем излишек внимания от опекунов. Убью сегодня и завтра погляжу, кто придёт ей на смену.

Цель двигалась медленно и размерено, никуда не торопясь и даже не оглядываясь. Женщина была уверена в себе: среднего телосложения, из-под её плаща торчит клинок. Если начнется возня или та закричит, придётся сваливать, если выкинет нечто необычное, так же. Лишь внезапная атака с нанесением нескольких смертельных ударов по разным жизненно важным органам могла сработать.

Оставив обувь на старой черепице дома, а следом выпив зелье усиления, я аккуратно спустился с крыши, двинув за той следом. Мрак и смрад этих улиц вызывал резь в глазах. Надеюсь босыми ногами не напороться на какой-нибудь старый гвоздь, я ступал аккуратно, без шумно, стараясь вести цель, опираясь лишь на свой слух. Зрительно меня могли заметить, но для того, чтобы засечь на слух — пришлось бы постараться, ведь, благодаря легкости этого тела, я мог двигаться практически беззвучно.

Когда за одним переулком моя цель, выругавшись, зачем-то полезла в свой сапог, я быстро глянул назад, вперёд, по сторонам и даже на небо. Повсюду тьма, и лишь парочка крыс, возившихся где-то в стороне, могли быть нам свидетелями. Трофейный клинок сверкнул в моих ловких пальцах. Оказавшись в притирку возле добычи, одной рукой я схватил ту за капюшон и потянул на себя, пяткой выбивая сделанный женщиной упор на правое колено. По инерции та заваливается на спину, от неожиданности вскрикивая.

Холодное лезвие мелькнуло в свете луны, вслед за чем рассекло мягкую плоть её шеи. Ещё не всё. Жертва в спешке тянется к своему поясу, но я знаю, что делать дальше.

Крутанув лезвие ножа, резким взмахом острого ножа я срезаю болтавшийся на поясе у той ремень, а затем наношу несколько колющих ударов по органам. Попытка удара по печени и сердцу заканчивается неудачей, у моего врага под одеждой прочный кожаный доспех. Видя, как та тянется руками к горлу, подозревая об умении исцеления, я

перехватываю одну из рук, перерезая в локте все мышцы, а следом, вертко крутанувшись у той под ногами, оказываюсь лицом к лицу с моей первой жертвой.

Женщина из подворотни. Обрывки воспоминания складываются подобно пазлу. Это была она, та самая, метнувшая в Глауда некое заклятье.

Вторая рука женщины всё же коснулась горла, но не в попытке исцелиться, а в надежде зажать смертельную рану. В её глазах был неопиcуемый ужас. Ни о какой быстрой смерти как в кино речи и не шло, ей предстояла довольно долгая и мучительная процедура, прежде чем та отключилась бы от потери крови.

— Знаешь, не так давно я видел отрезанную голову, и кое-что меня в ней не устроило. Первым и самым главным, было качество проделанной работы. — Вставив рухнувшей на колени женщине лезвие в рот, с наслаждением произнес я, а следом, убедившись, что та благодаря клинку между зубов не откусит мне пальцы, резким движением при помощи всё того же ножа вырезал той язык. Захрипев, та из последних сил дернулась, а после отключилась, так и не дослушав заготовленную мною историю.

— Как грубо засыпать, когда твой собеседник только-только вошел во вкус. — Вслед за языком в грязь отправились глаза и уши, после чего, позаимствовав у той её же меч, одним точным, я бы даже сказал, ювелирным ударом, я отделил голову от тела. Расчленения в подворотне в столь «стерильной» обстановке для меня было в новинку. Сам процесс наблюдения за последними секундами жизни венца творения божественных рук вызывал ликование и облегчение в моем вечно тревожном сердце. Увлечшись, вслед за головой я отделил руки, ноги, после ещё кисти, и пальцы. Эта безнаказанность и азарт... Если бы не ощущение ослабления эффекта от действия зелья, могло бы произойти непредвиденное, но, благо, обошлось. Вдоволь насытившись, мне все же удалось взять своего внутреннего монстра под контроль.

Отрезав от плаща убитой кусок ткани, аккуратно, обтирая все уголки, я прошелся по рукояти клинка. После, босыми стопами, размазал следы нашей с ней борьбы. К сожалению, от моей темной запачкавшейся куртки придется избавиться. Ступая по своим же следам и замечая их всё тем же женским плащом, который было решено одолжить, я вышел к центральной улице. Подойдя к стене, заранее обтёр ноги, а после, аккуратно, ничего не ломая, вскарабкался на крышу и вернулся за своими ботинками. Тщательно проверив, не идет ли кто за мной, я вышел к реке, а следом, найдя там валун потяжелее, принялся снимать и резать на лоскуты свою окровавленную одежду.

Разложив плащ, в центр я закинул ошметки и поставил на них камень, вслед за чем, завернув всё это в мой импровизированный мешок из плаща, перевязал его одной из лент и скинул в реку.

Даже когда тот развяжется, случайные зеваки вместо того, чтобы увидеть целую картину плывущей по реке одежды, заметят лишь ленты, пусть некоторые из них и будут в крови, но всё же они не узнают ни пола хозяина ткани, ни его комплекции, ни-че-го.

Ну или я, по крайней мере, буду на это надеяться, точно так же, как и на отсутствие в этом городе всякого рода пророков и способных перемещаться во времени личностей, наличие которых даже в фэнтезийном мире для меня было бы перебором.

В кровать я вернулся голым и замерзшим. О голоде, благодаря эликсиру, удалось на время забыть, но, исходя из обычной биологии, подобное усиление, пусть и волшебное, должно сильно истощить внутренний ресурс человека, в следствии чего утром я ожидал настоящего испытания на прочность для мышц и органов.

Едва голова коснулась набитой гусиными перьями подушки, как я тут же провалился в сон. Короткий и беспокойный, возвращающий понемногу воспоминания чужие и мои собственные: лица, тела, дела, спасения и убийства. Под удары несущего пробуждение молота, я вновь заглянул в своё тёмное прошлое, а следом вынужденно открыл глаза.

«Ломка...» — Данное коротковременное усиление оказалось настоящим наркотиком. Чувство эйфории и расслабленности, нахлынувшие после его использования, несли за собой послевкусие и чувство некоего внутреннего неудовлетворения. Оно буквально требовало продолжения банкета. Возможно, именно из-за его вчерашнего эффекта я и поддался своим внутренним соблазнам. В другой раз следовало быть поосторожнее с его применением, ведь, вполне возможно, в его состав были добавлены местные травы или вещества, вызывающие привыкание, а с его дешевизной и доступностью средство вполне могло разрушить чью-либо судьбу.

Удары молота становились всё чаще, вскоре к ним добавился и топот двух пар копыт моих сестёр. Солнце уже взошло, а я... Я не выспался.

Натянув на себя портки, а следом и вчерашние «чешки», не торопясь я спустился на первый этаж, где уже во всю кипела работа: мать нещадно долбила своим молотом раскалённый кусок железа, Сигрид собиралась на рынок, в этот раз, по-видимому, за сталью, а Илва, неумело колупаясь ножом в картошке, по-видимому, готовила нам всем завтрак, или обед... В голове всё плыло, оттого и привести в порядок бесновавшиеся в мозгу мысли было не так-то просто.

— Илва, ты в кладовке нож гнутый и ключ от сарая не находила? — «О, чёрт, так эта железяка гнутая ключом была! Вот же... А куда я её дел?» — Когда сестрёнка поспешно откристилась от всех пропаж, подумал я.

Не обладая достаточными знаниями о том, умеет ли парнишка вообще готовить, я неспешно принялся наводить порядки на этаже. Первым делом стала ликвидация разбитых валявшихся под столом черепков глиняных кувшинов. Следом в отдельное ведро отправились объедки. Домашнего скота у нас не было, хотя, нет, у них не было, а у меня был.

Огромный чан с грязным бельем ожидающе стоял на улице. Там было всё и во всём, прикасаться к чему было выше моих сил. Заглянув к соседям, я заметил спящую женщину, чем-то напоминавшую по одежде дворецкого: среднего роста, преклонного возраста и одетая неплохо, та, держа осанку, неспешно мела двор.

— Чего-то желали, молодой сосед? — «Опасная» — не поворачиваясь ко мне лицом, спросила женщина.

— Извините, возможно ли нанять Вас для помощи в одном грязном деле? — С наигранной улыбкой на лице спросил я.

— Ну, если Вы не просите меня избавиться от трупов, то, думаю, я смогу Вам чем-то помочь.

«Не смешная шутка. От трупов я и сам могу избавиться». — Жестом указав той на таз, стоявший под навесом, спросил: — Сколько будет стоить арендовать Вашу грубую силу и время для стирки белья?

— Оу, — удивилась моей просьбе женщина. — боюсь, подобным я не занимаюсь. — «А жаль...» — Но знаю, кто Вам поможет. Эй, рабыня! — Из дверей соседского дома показалась девушка с крайне нестандартными и весьма удивительными чертами лица, свойственными больше зверю, нежели человеку. — Возьми у молодого господина одежду и постирай. — Солнечный свет, пробивавшийся сквозь чепчик прислужницы, осветил такие

же звериные уши, подходившие роду кошачьих. «Интересно, а внутри она такая же удивительная, как и снаружи?» — отогнав левые мысли, я вновь взглянул на горничную коневодов. Поинтересовавшись, сколько я той должен, получил в ответ: «Столько, сколько не жалко отдать рабыне». Сейчас у прислуги одной из самых знатных семей с нашей «помойки» не было работы, оттого и направить одного из рабов на помощь тем было не в тягость.

Я внимательно присматривал за незнакомкой, тщательно шаровавшей шмотки моей семьи. Таскать воду от колодца до чана было далековато, да и путь предстоял по разбитой грязью дороге, отчего и без того грязное платье зверюшки, тянувшееся по грязи, пачкалось ещё больше. Из нескольких гнилых деревянных досок я проложил тропинку к колодцу, отчего зверюшке стало ходить куда легче, а мне на душе от её искренней благодарности немного спокойнее. Всё-таки не каждый день серийные убийцы слышат лестные слова в свой адрес. Покончив с тропинкой, я выровнял покосившуюся вдоль стены стопку дров. Когда закидывал последние под крышу, заметил в той зияющую дыру, вслед за чем сообщил о ней вернувшейся Сигрид. Вместе со сталью старшая притянула и свежее молоко, причем очень и очень вкусное. Так шли часы, и все чем-то занимались, а покончивший с работами на сегодня я, смакуя напиток, наблюдал, как все окружающие меня трудятся в поте лица. «Как же прекрасно быть мужчиной» — В очередной раз словив на себе заинтересованный взгляд соседской рабыне, подумал я, а после, взяв одну из медных монет, оставшихся со вчерашнего дня, всучил ту в руки закончившей со стиркой рабыне.

— Этого слишком много, госпожа не поверит и накажет, если я скажу. — Возвращая монету, запричитала испуганно кошка.

— Скажи тогда ей, что это предоплата. Будешь помогать нам со стиркой весь следующий месяц. Идёт? — Оглянувшись и убедившись, что главная служанка не смотрит, та кивнула, а следом, издав некое мурчание, поклонившись, поблагодарила меня, пообещав в другой раз сделать всё, что в её силах и гораздо качественнее. По-видимому, для местных рабов и медяк был сокровищем.

Обед, приготовленный Илвой, следовало выкинуть туда же, куда я не так давно выкинул помой с нашего стола. Плавающие в тарелке немывтые ошметки от картошки, морковный хвостик и целая луковица в компании куска куриного мяса в её понимании представляли из себя суп. Предложив свою кандидатуру на пост повара, отвечавшего за ужин, я словил на себе одобрительные и поддерживающие взгляды. Кажется, Глауд неплохо готовил, ну или, по крайней мере, делал это лучше, чем Илва. Да и воспоминания о моём громком вчерашнем уходе всё ещё жили в их умах. Никто за столом не решался поднимать эту тему, и, лишь закончив трапезу, мать аккуратно спросила:

— Как вчера погуляли с Брунхильдой? — Естественно, они знали, ведь ведьма, как я полагаю, удалилась из-за стола вслед за мной.

— Неплохо. — Коротко отозвался я, собирая со стола посуду.

— Так значит...

— Это ничего не значит. — так же решительно перебил ту я, зная, что переубедить вбившую себе что-то в голову Хельгу, тем более, когда ту поддерживали все сёстры, считавшие этот брак их билетом в светлую жизнь, не получится. Эти мелкие конфликты нужны были для того, чтобы выиграть время, мне всего-то и нужно разузнать о паре личностей, устранить тех и занять их место. Всё было продуманно, вот только женщинам моим объяснять это было бесполезным занятием.

— Послушай, Глауд, твоя женитьба для нас — не просто брак, она наше спасение, ты ведь знаешь, что за твоей сестрой Илвой охотятся, и, если мы станем частью столь крупного рода, никто не посмеет напасть на нас, ведь на нашей защите будет вся стража этого города. — Давя на жалость и долг, рассуждала Хельга, и без того знавшая об усиленных патрулях. Вчера с высоты птичьего полёта я видел, где было больше всего бродивших факелов и огней.

— Этот вопрос мы будем решать с Бьянкой сами, не с тобой и не с Эльгой, ясно? — Намекнув на моё рассмотрение данной темы, вмиг осчастливив всех собравшихся женщин, проговорил я. Теперь некоторое время меня не будут терроризировать этими вопросами, предоставив это занятие Брунхильде. Будем надеяться, та не станет засыпать двери нашей парадной цветами и плюшевыми игрушками, иначе меня стошнит.

«Помяни лихого» — Скрип и лязг этих тяжелых доспехов я запомнил ещё вчера. Бэтфорт старшая собственной персоной зачем-то пожаловала к нам среди бела дня, да и ещё в компании доброго десятка наездников. Щекотливая ситуация, с какой стороны не посмотри. Не могли ведь они каким-то образом выйти на меня после вчерашнего? Неужели я где-то прокололся или кто-то увидел моё лицо? Или, быть может, всему виной магия? Проклятье...

Взяв с кухонного стола нож, я рукой нащупал припрятанный пузырек с зельем усиления. Если Эльга пришла за мной, то я могу попытаться сбежать через второй этаж, окно там открыто, через него на крышу соседнего дома, а после вниз. Долго бегать от двух десятков знающих город всадниц мне, быть может, и не удастся, а вот в последний раз станцевать с кем-то кровавый танец — вполне.

— Здравствуй, Хельга. — улыбнувшись, как к себе домой без стука зашла Эльга.

— Какими судьбами? — Подойдя к шкафу, вытянув для гостыи последний кувшин с увеселительными напитками, спросила мать.

— Это по поводу вчерашнего нападения на твоих ребятишек. Мы нашли одну из них. — С хмурым, слегка озабоченным лицом проговорила стражница.

— Да? — Весело хмыкнула Хельга. — Надеюсь, эта сука получила по заслугам?

— Касательно этого... — Опустив голову, прошла в дом воительница, как ни в чем не бывало, сев на скамью. — Хельга, присаживайся, разговор долгим будет. — «Так ты знаешь или нет?» — Нервишки приятно щекотали пятки.

— Да что у вас там случилось? — поставив две кружки, а следом наполнив их, непонимающе переспросила мать, отчего стражница, лишь тяжело вздохнув, с ходу опустошила одну из них.

— Я подобного с войны не видела... — Отстегнув с пояса свой меч и оставив того в сторону, Эльга отдала подчиненным команду расходиться, тем самым позволив и мне вздохнуть спокойно.

Воительница явилась за советом...

— Сын трактирщицы «Золотой медяк» нашёл её на рассвете. Мальчишку от увиденного вывернула прямо на месте, а после тот, потеряв сознание, рухнул прямо в потроха жертвы. Разволновавшись за пропажу любимого сыночка, и сама трактирщица отправилась к заднему выходу, где, собственно, и нашла мальчишку и тело, вернее то, что от него осталось...

«Трактир был так близко? Неужели зелье настолько сильно притупило все мои инстинкты? Проклятье!»

Труп был поделен на десятки частей: пальцы, кисти рук и ног, сами ноги и руки, кто-то отделил их от тела, да ещё и так аккуратно, что воинские хирурги позавидовали бы такой аккуратности. Но даже не это меня удивило. — Взглянув на меня, Эльга взглядом спросила, стоит ли вообще мальчишке слушать подобное, на что Хельга фыркнула. — Не обращай внимания. — Её голова. Кто-то вырезал той язык, отрезал уши и выколол глаза. А ещё вдоль шеи шёл идеально ровный надрез. Ту обезглавили одним единственным ударом, при чем, судя по следам крови, сделали это именно её мечом.

— И что здесь удивительно? Многие воины могут снести голову одним ударом. — Пожав плечами, отозвалась Хельга.

— А то, что сделано это было без использования внутренних сил. Ведьмы не нашли даже и следа от источника нападавшего.

«А вот это уже интересно. Что ещё за след?»

— Та баба, она состояла в гильдии воров? — Задумавшись, спросила мать.

— Верно, при чем считалась весьма умелым мастером и неплохим бойцом. Хельга, представь, у её были зелья, броня, она владела навыками обнаружения и скрытности. Если бы кто-то активировал способность, то она тотчас бы его заметила, а это значит, что убийца был достаточно умел и самоуверен, что подобрался к умелому воину вплотную без использования магии! Ты многих таких знаешь в этом городе?

— Думаю, большинство из подходящих под описание состоят в гильдии убийц и занимает там не последние места. Видимо, твоя жертва перешла кому-то не тому дорогу, и от неё решили избавиться. Кстати, а что по другим ранениям? Её чё, и впрямь с одно удара?

— Не совсем. Как мы предполагаем, нападавшая подобралась сзади, используя какие-то тайные способы маскировки, после попыталась ударить в сердце, а затем и в печень. Мы нашли пару вмятин от лезвия на её броне, но когда это не возымело ожидаемого эффекта, она подрубила той правую руку, ремень... — Запутавшись, начала на ходу сочинять Эльга. Кажется, она даже не продумывала то, как происходила стычка между убийцей и жертвой.

— Нет, это глупо. — Опрокинув кружку, заявила мать. — Скорее всего первый удар был нанесён именно в область шеи, её защитить сложнее всего, никто ведь не ходит с рыцарскими шлемами на голове. — рассудительность этой женщины, казавшейся мне до этого тупой, начинала напрягать. — Желая убить как можно быстрее, я бы нанесла удар по горлу, а после, обрубив ремень с зельями, ударила ещё несколько раз по тушке. Скажи, какая броня была на трупе?

— Кожа, без металлических и деревянных пластин, самая дешёвая. — С ходу отозвалась старшая Бэтфорт.

— Значит убийца не слишком сильна, но достаточно самоуверенна, если без использования магии пошла на дело. Флаконы, расходники на месте нашли?

«Чёрт, Хельга, ты же сраный кузнец, какого черта тогда ты настолько много знаешь обо всем этом?!».

— Ни пузырька. Более того, даже следа на шее от удара не осталось.

«Разумеется, ведь я рубил по месту надреза».

— Если её изначально убил не яд, значит, смертельный удар был нанесён по месту надреза. Ты говорила, что тело распилили по кускам? Скорее всего, смертельная рана прячется в одном из этих надрезов, и что-то мне подсказывает, что наша убийца начала своё кровавое дело именно с головы. — Почесав затылок, проговорила мать.

— Логично. — Поддержала ту Эльга. — Кстати, Гильдия Убийц отрицает своё причастие к запугиванию твоей Илвы. Я знаю их регистраторшу, и та по секрету поделилась информацией. Заказа на твою дочь у них не было.

— Да я догадывалась. У той головы, о которой говорила Сигрид, были уши, эти девчонки из Гильдии Убийц никогда бы такой оплошности не допустили, слишком сильно чтят свои традиции. Однако от этого не легче. Если окажется, что эта смерть не на руках местной гильдии, то у меня для тебя, подруга, плохие новости.

— Гастролёрша?

— Или гастролёры. Уж слишком много манипуляций было проведено за столь короткий срок, да и твои слова о чистоте выполненной работы и порезов. — Поправив стражницу, задумавшись закивала головой старуха. — Кстати, а что говорят следы? Погода последнее время сырая, наверняка на грязи остались хотя бы отпечатки подошв?

Поднявшись из-за стола, Эльга, хлопнув мать по плечу, тихо произнесла:

— В том-то и проблема, подруга, что следов нет, ни магических, ни человеческих, никаких. Мне бы очень хотелось, чтобы такая умелая воительница, некогда служившая в имперской гвардии, присоединилась ко мне и моим сёстрам. Эта кузня не для старой валькирии.

— Сначала свадьба, а там посмотрим. — Ответным жестом хлопнув Бэтфорт по плечу, отозвалась мать.

— Тебе удалось его переубедить? — Усмехнувшись, отозвалась Эльга.

— Нет, но мне удалось подарить твоей дочери ещё пару-тройку попыток завоевать его сердце.

— Хоть одна хорошая новость за сегодня. — Надев шлем, стражница попросила в ближайшие дни меня и мою семью побыть дома. Пообещав приставить к нашим стенам пару стражников, та, получив нагоняя от матери, укатилась вместе со своей свитой восвояси. Старуха Хельга была в силах и сама защитить свой дом. Вернее, так она считала.

Удалившаяся незваная гостья оставила после себя интересный клубок вопросов, переплётшихся с собственными ответами. Так, из списка моих потенциальных врагов — жертв, была вычеркнула Гильдия Убийц. Та грязная работа, выполненная на собачьей голове, оказалась лишь уловкой и попыткой сыграть на громком имени другого цеха, и теперь, узнав о том, что кто-то, прикрываясь их именем, пытается мутить свои делишки, те, разумеется, попытаются потребовать компенсацию за вовлечение в чужую ссору, которая, в свою очередь, может спровоцировать очередной конфликт между ворами и убийцами. Ситуация забавная и маловероятная, но, если удастся достичь подобной неразберихи, на улицах вспыхнет самая настоящая война: кадры обеих организаций быстро начнут редеть, открывая всем желающим новые вакантные места. К этому времени мне предстоит каким-то образом влезть в круги одной из гильдий. Но как? Раскрыть себя как мастера вора или

убийцу я не мог, гордость не позволяла. А вот проникнуть туда в роли счетовода или банкира я вполне себе мог, оставалось лишь разузнать о потенциально связанных с этими дамами людях. «Сесть тем на хвост, ну или просто посетить одно из мест их грязных дел» — уловив, как сёстры, позабыв о недавней покойнице, обсуждают принесённую сестрою весть об очередной «обнесенной» лавочнице, подумал я.

В этом городе каждый день кто-то умирал, рождался, богател и становился нищим. В этот раз соломинку, несущую беду, вытянула лесничая, живущая в двух улицах от нас. Дамочка со своим мужем промышляли сбором ягод, грибов, а также разных магических трав, из которых делались алхимические ингредиенты. Работа эта была достаточно редкой и опасной, из-за местного не совсем обычного леса, оттого и стоили их трофеи неплохих денег. Желавшая купить для магического усиления какую-то траву Сигрид с досадой рассказывала Илве об этом ужасном происшествии. Лавочница была уверена в причастности к этому Гильдии воров, коей та не так давно отказала и даже обещала награду тем, кто сможет вернуть её травы. Вот только страже до неё и дела не было.

— Сигрид, у меня осталась ещё пара медяков, как насчёт прогулки? — Мой вопрос обрадовал сестру и слегка разозлил мать.

— Какая к чёрту прогулка, Глауд? Забыл, что Бэтфорт час назад говорила? В городе поселилось настоящее чудовище. А вдруг она нападет на вас?

— Не переживай, мама, чудовища боятся света. — Проигнорировав её предупреждение, мы вместе со старшей, а также и средней Илвой, увязавшейся за нами хвостиком, двинули к площади. Идти сразу на место преступления, как только о том услышал, было неинтересно. К тому же, мне хотелось понаблюдать за всё так же следившими за нашим домом кроликами.

Благо, слезка после смерти не прекратилась. Наоборот, сновавших вокруг нас малышей только прибавилось. Кажется, кто-то подозревал в смерти своей нанимательницы именно нас. По-другому объяснить торчавшие повсюду ушки я не мог. Детишки буквально терлись об нас, боясь упустить любую деталь, и даже маленький медяк, брошенный к одной из этих прилипал, не возымел эффекта. В такой ситуации наше появление в лавке было бы ещё более подозрительным. Я обязан поговорить с одной из этих уличных хулиганок не как убийца, маньяк или злодей, а как самый простой, милый и очень улыбчивый парень, случайно столкнувшийся с их главной и, по-видимому, старшей особой, к которой те, в свою очередь, бегали с отчётами каждые полчаса.

Девушка, моя ровесница, двигалась за нами, держась на достаточно большой дистанции. Прежде, чем очередной из подчинённых к ней подойдет на отчёт, она постоянно скрывалась из поля зрения. В целом, обычная оборванка, сказал бы кто другой, но не я. Люди в таких одеждах редко бесцельно шатаются по рыночной площади. Бедняки либо шныряют от лавки к лавке, ища работу, еду или возможность что-то стащить, или впопыхах бегут с работы домой или обратно. За весь вчерашний торговый день я ни разу не видел столь медленную и пристально таращащуюся в нашу сторону особу, лишь изредка, когда мы встречались взглядами, отводившую глаза в сторону. «Дети» — пальцами коснувшись припрятанного в рубаше лезвия, недовольно скривившись, я откинул в сторону грязные мыслишки.

— Сигрид, а о каком таком магическом следе говорила Эльга? — когда мы плюхнулись за один из стоявших на улице столиков, спросил я, заказав себе кружку воды, а сёстрам по самой дешёвой кружке эля.

— Если принесёте заказ до того, как я сяду, — с меня дополнительный медяк. — Косясь

на постепенно приближавшуюся к нам «шпионку», подмигнув местной служанке произнес я. И, о чудо, магия слов и денег сделала всё, как надо, и вовремя.

Держа в неудобной руке кружку, я небрежно поворачиваюсь, пытаюсь второй дотянуться до монеты, спрятанной в мешке, при этом «случайно» обливаю поравнявшуюся с нами нищенку. Сёстры смеются, бродяга, в шоке, хлопает глазами, не зная, ругаться или извиниться, а я с щенячьими глазами начинаю своим платком утирать той лицо и мокрую рубашку.

— Простите меня, пожалуйста, я такой невнимательный! С Вами всё в порядке? — Строя из себя саму заботливость, поинтересовался я, загоня растерявшуюся жертву в угол.

— Да, конечно, ничего. Я, пожалуй, пойду, и... — Попытавшись отмахнуться от меня, пряча лицо, пробубнила та. «Не так быстро, милочка».

— Ну что Вы, мне так неловка, пожалуйста, присядьте с нами. Хотите эля, или, быть может, Вы голодны? — силком попытался усадить я ту на деревянную колодку, служившую аналогом стулу.

— Нет, я...

— Девушка, принесите нам, пожалуйста, ещё тарелку супа и мне воды, пожалуйста. — Всё та же дама из obsługi в ответ лишь завидно кивнула. Ей по жизни явно не хватало мужского внимания.

Под пристальные взгляды моих сестёр я ещё несколько раз извинился, и, убедившись, что цель принялась есть, продолжил опрос сестры:

— Так что там насчёт магического следа, что это?

— Это нечто типа отпечатка руки, ноги или копыта, оставшегося на песке. Когда ведьма или маг применяет какое-либо заклинание, в воздухе остаются частички его манны, из которых сильные ведьмы способны извлечь некоторую информацию, к примеру, о способностях и направленностях той или иной ведьмы. Это очень помогает в выявлении преступников.

— Преступников? — превратившись в большое ухо, переспросила оборванка.

— Ох, да, представляете, мы сегодня узнали о...

— Глауд, — перебила меня Сигрид. — такое не обсуждают за столом.

— Но, сестра, ведь в городе не каждый день происходят подобного рода зверства. Даже представить не могу, что чувствовала та бедняга, когда это чудовище разрывало её на куски.

— Одна из её подруг чуть не убила тебя. Забыл, как из твоей груди вытащили тот кусок металла? — отчего-то разозлившись, выплонула старшая.

— Как раз-таки запомнил, при чем на всю жизнь! Но то, что пережила та женщина, люди не заслуживают такого к себе обращения. Вы согласны? — В ложной надежде найти поддержку в глазах наблюдательницы, спросил я.

— Увы, но я вынуждена согласиться с Вашей сестрой. Та женщина получила по заслугам. Вы хороший человек, и, думаю, забрав её жизнь, Бог смиловался над Вашим домом. — Кажется, всё шло как надо. Мне удалось вызвать в её глазах стыд и расположить к себе.

— Тут я с тобой полностью согласна. — Поддержала ту Илва. — Ты, братец, у нас душка, и, случись что с тобой из-за меня, даже представить не могу, что бы с собой сделала.

— Случись что с ним, я и мать, взяв бы тебя за шкуру, вломились бы в самую Гильдию Воров, или Убийц и резали бы их до тех пор, пока наши сердца бы не перестали биться, или все эти мерзкие твари не оказались бы на том свете! — Сжав кулак, гордо заявила старшая,

покончив со своим напитком.

— Эх, сестрёнки, вы такие милые и наивные, да ещё и говорите так, словно гильдия — это нечто для всех доступное, её же ещё найти нужно. — так же залпом выпив воду, кряхтя, отозвался я.

— А что её искать. — улыбнулась дворняга.

— Действительно. У второго моста справа. Заказы принимают только на другие города, оттого и действуют вполне легально. Эх, мужчины, это вы чересчур глупы и наивны, чтобы понимать все тонкости и сложности женского мира. — Улыбкой ответила Илва.

— Действительно. — Пройдясь рукой по проступившей щетине, проговорил я.

Гильдия Воров, которая ещё к тому же и ни от кого не скрывалась. Глупость этого мира продолжала удивлять меня своей неподкупной наивностью.

Скромная шпионка, закончив с обедом, ещё некоторое время совершенно добровольно прибывала в нашей с сёстрами компании, позволяя себе опасную близость. С каждой минутой проведенной рядом, с каждым новым выдуманном мною предложением об идеальном мире и людях беспризорница с богатым жизненным опытом, всё больше и больше убеждаясь в моей глупости и недалёкости, влюблялась в этот слабый, идеализирующий мир, картонный шаблон, состоящий из выдуманной справедливости и равенства. Я знал, что говорить, как себе вести, где похвалить, а где и укорить заинтересовавшуюся мной девицу. Даже в своём мире завоевать чужое сердце с моими-то возможностями было несложно, а тут... Добро пожаловать на всё готовенькое.

Позволить себе влюбиться в объект наблюдения — большая глупость. Этой грязнуле, вокруг которой постоянно так и метались её кролики, не зная, как действовать дальше, предстояло многому научиться, конечно, если она переживёт сегодняшнюю ночь. В её кругах дети очень ревнивы, а их неконтролируемо растущее в условиях средневековья число слишком опасно, тем более для той, кто ведет себя как главная. Одна из её любимых сестричек обязательно донесёт до вышестоящего нанимателя о связи главной с целью, ну а там уж как повезёт...

Будь я на месте её работодателя, — позволил бы себе потратить время, убедиться в её связи с потенциальным врагом, проверил бы на возможность предательства, а после, развеяв сомнения, дал бы той всё так же делать свою работу. Так как Эдель, та самая отщепенка, несмотря на мои усилия, по-прежнему осталась верна тёмной стороне, переманить её прямо сейчас самостоятельно и без рычагов давления было невозможно. Даже окончательно вскружив той голову в обмен на тонну времени и усилий, сейчас я мог заполучить лишь хлюпенький рычажок под названием «любовь» в тот момент, когда её текущий наниматель уже сейчас мог использовать такой грозный инструмент как «Страх». И если выбирать между двух зол, честно говоря, я бы тоже предпочёл, чтобы меня боялись. Вывод — в данный момент она бесполезна, да и вопрос о том, сколько та проживёт, по-прежнему остается открытым.

Я сильно сомневался в мыслительных способностях и желании в чем-либо разбираться её гильдейских партнёров, ведь для тех самым простым способом будет выудить нужную информацию, а после прирезать дворняжку, доверив дело следующей из оборванок, коих на улицах сотни. Данное действие позволяло перестраховаться и исключить большинство рисков, связанных с утечкой особо важной информации.

Да и к тому же, в свете последних размышлений возник у меня очередной спорный вопрос, требовавший максимально быстрого ответа. Когда мои сёстры заказали по второй кружке местного пойла, я, подперев руками голову, задумался.

Почему вчерашняя девчонка побежала сразу на доклад к гильдейским? Почему в первую очередь не сообщила о наших знатных гостях своей старшей сестре и начальнице? Мысль о личном требовании докладывать в вечернее время непосредственно гильдейским была абсурдна. Люди статуса той воришки редко позволяют себе так глупо тратить время, коротая ночи в грязных и вонючих подворотнях. Проще было бы дождаться рассвета и получить всю собранную за сутки информацию непосредственно от Эдель. Тут было замешано что-то другое, мерзкое, свойственное гнилым личностям с таким же гнилыми амбициями и

интересами. В воздухе так и витал токсично-кислотный аромат предательства.

Покончив с выпивкой, в компании слегка охмелевших дам мы двинулись к лесничим. За банальной прогулкой и желанием поглядеть на то, что осталось после налёта, я замаскировал другую цель. Подозревая о расколе в рядах нищенок, на протяжении всей дороги я пытался выявить обособленно державшихся мышек, но, увы, это было бы слишком просто и очевидно. Вполне возможно, предательнице хватило ума вести себя, как и раньше.

Лавочка была закрыта, хозяев также не было. Из наблюдений была лишь подозрительно приоткрытая створка окна на чердаке. Вряд ли после налёта местные хозяева позволили бы себе подобную глупость. Неплохо было бы заглянуть к тем ночью и проверить.

Разведя руками, Сигрид, указывая на позднее время, предложила вернуться домой. Попрощавшись с дворнягой, так мы и поступили.

Сегодня мне предстоял ещё один выход в город. Требовалось подготовить снаряжение, заняться теми же перчатками и эльфийскими нитями, а также...

— Сёстры, а вам не кажется, что сегодня вы очень подло поступили со мной? — Когда мы остановились у одной из лавочек, недовольно насупившись, хмыкнул я, отчего Илва и Сигрид вместе с продававшей всякого рода безделушки торгашкой, обернулись.

— Ты о чем, Глауд? — На лбу старшей дернулась морщинка, в отличии от той же Илвы. Она знала, о чем идет речь.

— Не строй из себя дуру! — Ещё больше заинтересовав развесившую уши купчиху, фыркнул я. — Сегодня мы весь день ходили, тратили мои деньги, а ты мне даже и безделушки никакой не купила! — С этими словами всё внимание с меня переключалось на Сигрид, попытавшейся соскочить с темы. Пырхая, говоря о временных сложностях, она всячески пыталась съехать, но почувствовавшая вкус скорой наживы торговка, забыв обо мне, принялась обрабатывать мою сестру. Пока те выбирали мне какой-то костяной браслет, да подороже, я забрал то, ради чего и начинался весь этот спектакль — маску, висевшую в стопке возле самого носа продавщицы.

Данный аксессуар изначально показался мне необычным. Для землянина вроде меня он больше напоминал тарелку причудливой формы, нежели маску. И прошел бы я мимо этой диковинки, если бы не многочисленные дети среднего класса, носившие её на своих лицах.

Маска не имела прорези для глаз, носа или рта, но оттого никак не мешала передвижению мелких спиногрызов. Предмет явно был магическим, другого объяснения этому я найти не мог. По той же причине я стащил и это серое блюдо, цена за которое было явно завышенной, тем самым дополнив мой грядущий костюм «ночного мстителя» ещё одной необычной игрушкой.

Получив в награду браслетик, на который пристыженная Илва и Сигрид соскребали свои последние медные, с лучезарной улыбкой и хорошим настроением я поблагодарил своих щедрых сестёр за подарок и сегодняшнюю прогулку. Благодаря своим милым сестричкам я знал, чем смогу заняться этой ночью.

До дома дошли мы довольно быстро. Кролики всё так же следовали за нами, сестры, несмотря на жертву во имя меня, также выглядели довольными. Ну а я, обнаружив на пороге нашей кузницы букет из необычных цветов и мягкую игрушку, стоящую здесь добрый серебряный, слегка офигел. Бьянка действительно смогла меня удивить, ибо игрушки мне даже в том мире никогда никто не дарил.

— Мило... — Хихикая, проговорила Сигрид.

— Да-да, даже на медведя не поспешила. — закивала Илва, даже не скрывая своей

глюмящейся длинноносой рожицы. Брун не кинула бы подобную вещь на улицу, она слишком хорошо знала о том, что такие штуки на дороге долго не валяются, а значит...

Подняв голову, на шпиле дома, стоявшего напротив, я заметил знакомый силуэт в большой и тёмной шляпе. Обдуваемая порывами штормового ветра, та поприветствовала меня скромным полупоклоном, а после, в прыжке продемонстрировав своё нижнее бельё, вскочила на посох и унеслась в неизведанную даль. Эффектно, но, как по мне, даже чересчур.

Во мраке переулка, под кучей мусора, я заметил пару таких же ярких глаз, что, блистая во тьме, с любопытством разглядывали поднятый мной подарок. Коричневый медведь с белым пузиком и черными глазками-пуговками мне был не особо-то и нужен. Испуганный кролик, заметив, как я к ней приближаюсь, хотела дать стрекача, но передумала. Не каждый же день незнакомцы игрушками разбрасываются.

Маленькая девочка лет восьми, с большущими светлыми глазами, средней длины волосами и носом картошкой из-под лба глядела на пойманного ту за слезкой парня, стоявшего напротив с протянутым вперед медведем.

Дети в их беспризорных, вечно голодных глазах, грязных, проклятых, вшивых волосах и лицах, я видел молодого себя, сполна прочувствовавшего на себе все ужасы улицы. Как много боли несли на себе их хрупкие плечи, как много зла познали их несформировавшиеся умы.

Протянутый мною медведь сильнейшим гипнозом одурманил разум грязнульки. Оглядываясь по сторонам, та одной рукой потянулась к игрушке, а другой, словно останавливая саму себя, держалась за свою грязную рубаху, напоминавшую больше мешок от картошки с прорезью для головы.

— Бери, — сделав шаг навстречу, произнес я. — он твой. — Дитя, не веря в происходящее, с опаской попятилось, но, когда я, остановившись, попытался опустить игрушку на грязь, тотчас подскочило и выхватило её у меня из рук. Немая сценка, воцарившая после того, как встретились наши взгляды, была недолгой. Прижимая к себе медведя, девчушка, рукой глядя его по голове, проговорила: — Он чистый, его нельзя пачкать...

— Вот как. — Улыбнулся я в ответ закивавшей мне малышке.

Потеряв ко мне всякий интерес, та вытащила откуда-то из-под своего тряпичного чумазого одеяния какую-то верёвочку, а после, прижав к себе игрушку, привязала ту к поясу, а дальше, как самый настоящий молодой кенгурёнок, с довольной мордочкой ускакала куда-то во мрак. Туда, откуда и пришла. Несчастное дитя даже не дало мне возможности накормить её, пожалеть или дать монету, оставив после себя лишь свойственную слабовольным людям боль на сердце.

Она — чужая для меня личность, к которой я никогда ничего не испытывал. Своей наивностью и простотой она сумела пошатнуть мой некогда непоколебимый внутренний мир, тем самым буквально вынудив в очередной раз задуматься, чьими были эмоции и переживания, испытанные мною сейчас: того юнца Глауда, чьё тело я занял, или же моими собственными.

Как обычно зайдя в дом, на первом этаже я столкнулся с форменным безобразием и творческим беспорядком, оставленным за день трудолюбивой матерью. Показушно выругавшись при сёстрах, я подобрал с пола валявшийся кусок угля, а также сломанную часть черенка, вслед за чем, поднявшись в свою комнату, принялся за работу.

Первым делом проверил маску — предмет действительно оказался волшебным: карнавальный аксессуар изнутри был полностью прозрачным; не закрывал обзор; сидел удобно и лишь слегка затруднял дыхание. Отметив новое приобретение оценкой в четыре с плюсом, я крутанул в руках трофейный ножик. Он отлично справился со вчерашней работой, и на вид казался целым и всё таким же острым. К сожалению, присмотревшись, я заметил пару проблемок, зазубрин и даже трещин. Вчерашняя встреча с кожей и два непробития не остались незамеченными. Если бы не моя извечная осторожность и слабая подготовленность жертвы, которой я своевременно успел подрезать ремень с зельями, всё могло сложиться куда хуже, и кровавая расправа стала бы настоящей битвой, в которой шансов у меня было бы куда меньше. Мне требовалось вести себя более осторожно, заранее разбрасывать силки, сети, ловушки. Для безопасности требовалось уподобиться пауку, и, глядя на всё ту же эльфийскую нить, я уже мог представить, как мне этого достичь.

Забравшись на чердак, я расколупал в деревянной стене небольшую дырку, позволившую мне до наступления темноты наблюдать за теми, кто, в свою очередь, следил за мной. Несколько часов, пока я мучал свои кожаные перчатки, пристраивая к ним черенок и думая, как зафиксировать катушку, на улице ничего не происходило. Я даже, было дело, хотел позволить себе отвлечься и сходить поискать в материнском хламе ещё что-нибудь полезное, попутно вернув ключ от коморки на место, но тут с последними лучами солнца наконец-то обнаружилось кое-что непредвиденное.

Когда девчушка, приглядывавшая за мной вместе со своим медведем, куда-то засобиралась, вслед за ней, так же, как и я, из-под крыши выползла какая-то очень недобрая и опасная змея. «Кто за кем следит?» — Понимая, что главной целью последней являюсь не я, а именно ребёнок, накинув на лицо затёртую углем чёрную маску и прихватив с собой пару чудо-зелий, точно так же по крышам двинул я за той вслед.

И кролик, и ведшая его женщина двигались слишком быстро. Опасаясь очередного передоза с потерей слуховых рецепторов, я чуть-чуть отпил из флакона. В этот раз эффекта пришлось ждать гораздо дольше, но прибавка к силе осталась той же. Не допуская полного развеивания эффекта, на протяжении всего пути, с перерывами, всё так же по глотку я продлевал действие препарата. Продолжал наблюдать за той змеёй, и заметил странность в её движении: до последнего момента та буквально предугадывала, куда побежит мой юный кролик, и лишь в конце, явно удивившись, когда ребёнок свернул не туда, по-видимому, отклонившись от изначально запланированного маршрута, женщина оступилась.

Едва не потеряв девочку из вида, та, провалившись ногой в прогнившую доску, чуть не шарахнулась с крыши, вслед за чем непозволительно в подобный момент замедлилась, и, потеряв над собой контроль, выругалась, предоставив тем самым мне время для передышки и анализа.

Мне в очередной раз повезло, причём дважды. Первое — эта женщина, судя по происходящему, не могла предвидеть будущего, иначе не позволила бы себе подобную оплошность. Такие фишки пугали меня больше всего, и их отсутствие полностью развязывало мне руки. Второе — мой милый кролик был из числа плохих девочек, доносивших на две стороны, и сейчас, своим решением в первую очередь поделиться информацией не с теми, она сильно разозлила своих старых друзей.

В руке змеи блеснуло лезвие. Резким рывком та, преодолев в прыжке более пятнадцати метров, без страха спрыгнула с высоты третьего этажа, приземлившись прямо перед испугавшимся ребёнком.

— И куда это, моя ручная крыса, ты собралась в столь поздний час? — Застигнув ребёнка врасплох, произнесла женщина, чей тёмный плащ и капюшон всё так же не позволяли мне увидеть лица, обмундирования и какого-либо другого оружия.

— К Эдель... — Честно ответила девочка.

— Неужели ты успела позабыть, кто твоя настоящая семья? Кто дал тебе еду и одежду, когда твои настоящие родители выкинули тебя на улицу? — Давя на детскую совесть, говорила женщина. — Расскажи, о чем говорил Глауд с Эдель, и что сказал тебе?

— Не скажу! — Нахмурившись, руками обхватив привязанного к себе медведя, прикрикнула девчонка. — Глауд дал мне Мишу, он не плохой, и Эдель тоже не плохая! — Ответил кролик. — Эдель тоже давала Хоме одежду, тоже давала еду и монетки. Эдель хвалила Хому, а ты никогда её не хвалила! Хома не будет дружить и говорить с вредной старшей сестрой, потому что та её использует. — «А вот это было зря, малышка». — Видя, как женщина демонстративно подняла ребёнка за шкурку и приставила к её лицу клинок, подумал я.

— Мелкая сука, я устала от этих игр! Сейчас ты всё мне и обо всех расскажешь, иначе, клянусь богом, я вырежу эти огромные мерзкие глаза, а после пойду резать и твою грязную нищенку Эдель! О чем говорил Глауд с Эдель, отвечай живо!? — Приложив затылком ту об каменную стену дома, рыкнула змея.

С лица ребёнка сорвались слёзы, а из губ жалобное: «Пусти, мне больно!». В груди опять что-то сжалось. Мне хотелось той помочь, но с каких пор маньяк-убийца переквалифицировался в ангела-хранителя? Если дитя каким-то образом меня заметит, а оно заметит, то в живых останется молодой и очень стоворчивый очевидец, а я привык не оставлять свидетелей!

«Почему я не могу просто закрыть на это глаза? Почему внутри что-то требует нелогичного подхода и такого же нелогичного решения? Вместо чёткого плана, взвешенных решений, мозг продолжает генерировать тонны глупых и бесполезных идей. Как же сложно быть тобой, Глауд!»

Отколовшаяся от стены доска, со звучным шлепком рухнувшая в грязь, привлекла внимание женщины по прозвищу Гадюка Олк.

— Кто здесь? — Резко бросив ребёнка в грязь, обернувшись в темноту, проговорила женщина, но ответом той был лишь мелькнувший в ночи плащ и звуки в спешке удалявшихся чьих-то шагов. — Стоять! — Вскрикнула та, бегом направившись вслед за неизвестной. Кто-то стал свидетелем её вопросов и интересов, возникших к жениху старшей дочери командира городской стражи. Возможно, незнакомка даже видела её лицо, и, если подобная информация попадёт к кому-то из местной стражи, ей придется худо. А значит, требовалось тотчас расправиться с этим «недоразумением», а после отправить на тот свет ещё и нищенку, а вместе с ней и спутавшуюся с целью Эдель. Гильдия воров требовала информации, в то время как гильдия убийц, получившая сегодня заказ на Вольфов, ждала скорейшего его исполнения.

«Как же много дел, а ведь меня сегодня ещё и в борделе ждут». Предчувствуя наслаждение от скорой расправы и приятной близости с доступными мужчинами, уверенная в себе убийца, служившая обоим гильдиям понемногу, преследуя на слух свою добычу, в очередной раз свернула в темный переулок. Она знала, что впереди тупик, и слышала, как её жертва, до этого спешно куда-то бежавшая, замерла.

— Вылезай, я всё равно тебя найду. — Осторожно минуя пустые дырявые бочки, кучи

камней, та, медленно пройдя под деревянной аркой, замерла.

Её шея, прикрытая высоким кожаным воротником, уперлась во что-то невидимое.

— Какого хрена... — Потянув руки к непонятной нити только и успела проронить убийца, как нечто резко обвилось вокруг её шеи, а сзади, с самой арки, ей на за спину кто-то спрыгнул. Острые как бритвы нити подкинули ту, сдавили горло и потянули её голову вверх, врезаясь своей остротой буквально в самый череп. Лишь прикрывавший шею высокий кожаный воротник спас ту от моментальной смерти, ведь эти веревки, или то, на чём её сейчас подвесили, спокойно смогли бы оторвать ей голову.

Барахтаясь в воздухе, та лезвием своего клинка со звоном вдарила по нити. Стук, словно сталь об сталь, раздался на всю подворотню. Никакого эффекта не последовало. Замахнувшись ещё раз, та вновь попыталась перерубить чёртову нить, но закончивший к этому моменту Глауд, привязавший к опоре стены эльфийский шелк, не позволил той нанести удар, плавным и вымеренным движением ножа подрезав сухожилия на руке своей жертвы.

Подвешенная буквально за череп, та, барахтаясь, одной единственной уцелевшей левой рукой пыталась высвободиться из прочно засевшей в её челюсти эльфийской лески. То, что она ещё не мертва — это чудо и очередная оплошность, допущенная мужчиной. Глауд был недоволен собой. В очередной раз всё шло не так, как надо, и всему виной были чужие мысли и желания, принять которые он по-прежнему не мог.

Уворачиваясь от махавшей ногами во все стороны убийцы, мужчина, подобрав с земли более длинное лезвие, несколькими резкими взмахами перерубил мышцы рук и ног. Женщина, заскулив, не в силах произнести что-либо, с кровавой пеной у рта и выпученными глазами глядела на того, кому было суждено отнять у неё жизнь.

Раны, нанесенные Глаудом, были серьезными, и скоро та должна была умереть от потери крови, поэтому действовать требовалось быстро. Сначала мужчина подрезал ремень с зельями. Позаимствовав зелёный флакон, он тотчас выпил немного для исцеления собственных рук, ведь, несмотря на толщину кожаных перчаток, те до конца так и не смогли уберечь его пальцы от остроты эльфийского необработанного шелка. Забирать у жертв что-то помимо жизни было не в правилах Глауда, но сложившиеся обстоятельства того требовали. Все пузырьки отправились ему в сумку. Они были слишком ценны для того, чтобы ими вот так разбрасываться. Да и деньги тоже имели свойство заканчиваться, у него оставался всего один серебряник. Такое себе состояние...

Лезвие клинка аккуратно рассекло узелки, на которых держалась броня. Сначала свалился нагрудник, а следом за ним и кожаные штаны.

— Су... к-а... — Всё так же злобно и несломленно, сквозь зубы, прошипела опозоренная убийца, веселя тем самым Глауда.

Клинок мужчины уткнулся в щеку наёмницы. Женщина, затаив дыхание, замерла, стараясь в собственных конвульсиях случайно не выпороть себе же глаз.

— Я не сука. — тихо, едва слышно, прошептал мужчина. — Я кое-кто похуже. Помнишь твою коллегу по цеху, сегодня найденную без рук, ног и головы? — Глаза жертвы в ужасе расширились. В подвешенном состоянии та попыталась завизжать, но проклятая нить не позволяла даже приоткрыть рот. — О, какая догадливая. — Лезвие её же клинка медленно приподнялось чуть выше.

— «Я вырежу твои глаза»... Кажется, так ты говорила?

Грозная убийца, обливаясь кровью, соплями и слезами, рыдала в момент, когда

погрузившееся в глазницу лезвие извлекло глазное яблоко. — Я вырежу всех, кто тебе дорог. — Повторяя за жертвой, мужчина, продемонстрировав той её же глаз, а после, одним взмахом в спешке прошелся по горлу жертвы клинком. Он увлёкся, и слишком поздно ощутил на себе чужой пристальный взгляд.

В начале переулка стояла та самая Хома. Хлопая своими большими глазами, она глядела на бившееся в предсмертных конвульсиях тело, не зная, как быть дальше. Глауд так же был в замешательстве, ведь ему предстояло сделать важный выбор: поступиться с принципами или же оставить важного свидетеля. Говорил тот всегда тихо, и голос его девочка слышать не могла, а вот передать сёстрам внешние черты, такие как рост, комплекцию и прочее — вполне.

Присев на колено, мужчина медленно поднёс указательный палец к маске, в красноречивом жесте означающем просьбу «Не болтать». Но, увы, в жизни никогда и ничто не идет по плану, тем более, когда эти самые планы касаются детей.

Сорвавшись с места, словно в жопу ужаленная, Хома в криках, слезах и соплях бросилась на утёк, привлекая к себе всеобщее внимание.

Два часа ночи. Резиденция бургомистра города Тэтэнкоф.

За большим столом собралось множество представителей городской аристократии. Местные купчихи, носившие титул Вигельвагенов, на очередном собрании пытались отстоять право на понижение налоговой ставки, когда противостоявшая им каста Лордесс — дам голубых кровей, наоборот, требовала повышения процента сборов.

Работоторговля в северных части империи процветала. Их неосвоенные и плодородные земли, окутанные непогодой, создавали лучшие условия для торговли людьми и им подобными. Рабов сюда везли со всех концов империи и из-за её пределов. Благодаря множеству шахт, рудников, и даже полей, которые некоторые умелые ведьмы умудрялись возводить буквально на камнях, живой силы требовалось много, и холодная северная погода, ежедневно уменьшавшая число не привыкших к подобному южных варваров, только играла на руку местным торговцам. Рабы дохли, при чём быстро, и их смерть стала для всех собравшихся здесь чистой воды заработком.

Помимо ежемесячных отчислений в виде оплаты за труд, поступавших от местной землевладелицы графини, назначенная пятнадцать лет назад на пост бургомистра Вигберт Тегиноф, имела и иной заработок, более прибыльный и менее легальный. Соседний, более крупный город, находившийся во власти уже другой графини, платил Вигберт ежегодно весьма крупную сумму за то, что та тормозила развитие более выгодно построенного городка, имевшего помимо выхода к морю также и торговые причалы на одной из основных северных рек.

Знавшая об этом бургомистр и её приближенные из местной знати благодаря всё тем же гильдиям легко справлялись с негодующими купчихами, порой попросту исчезавшими в далёких северных землях. Все жившие в городе влиятельные личности знали, или, по крайней мере, догадывались о продажности местной правительницы, да вот только доказать и сделать никто ничего не мог.

Слова нажившейся на других Вигельвагенше невозможно было противопоставить словам знатных и «благородных» Лордесс, правивших на местных землях. И дело не в том, что молодая графиня не желала слушать торговцев, а в том, что четырнадцатилетней Кларимонде, не так давно лишившейся матери, попросту нечем было надавить на правящий до её совершеннолетия класс дворян. Пока те не переметнулись к враждебно настроенной и целящейся на её земли соседке, девочку всё устраивало.

Единственной силой, способной усмирить разворовавшуюся знать, являлась правящая семья и их приближенные. Да вот только они были в своей столице, в своих тёплых южных кроватях. Потонувшие в замковых интригах и бесконечно планируемых воинских походах, вся правящая семья давно уже и забыли о вечно спокойном, приносящем деньги севере. «Дают и дают, а сколько должны на самом деле давать — никто не знает». — Так рассуждали все собравшиеся. Так же думала и сама Вигберт, подсознательно боявшаяся дня, когда с ревизией и проверкой придёт одна из приближенных к имперской семье.

Шумная ссора между Вигельвагеншами и Лордессами лишь нарастала. В этом шуме, состоящем из оскорблений и предложений, трудно было что-то разобрать или понять хоть что-то. Даже вбежавшая в приёмную прислужница Вигберт не смогла привлечь всеобщего внимания. Уже спустя пару слов, произнесённых той своей хозяйке, лицо бургомистра

помрачнело. А когда та закончила, и вовсе стало бледно белым.

— Дамы, минуточку внимания. — Постучав вилкой по хрустальному бокалу, проговорила Вигберт, но её даже никто не услышал. — Заткнулись все! — Злобно, впервые за последние несколько лет правления, позволив себе грубость, рявкнула она, создав непривычно тихую для данного места обстановку. — Не так давно была убита одна из семи Перстней Тэтэнкофа — Убивающая касанием Гадюка Олк.

Наёмница Олк была достаточно известной не только в Тэтэнкофе, но и за его пределами. Не обладающая сильным даром, она славилась превосходным использованием словесной магии, а также уникальным стилем фехтования. Опытом, хитростью, а также пугающей жестокостью, она по праву заслужила свой перстень, выданный лично бургомистром и советом. Её утрата была не смертельной, но существенной, ведь в глазах соседей они только что стали ещё слабее.

— Как это произошло и почему я ещё не знаю? — До этого сохранявшая нейтралитет и полное молчание, подала голос Эльга Бэтфорт.

— Свидетельница напрямую сообщила об этом в бургомистрию. Также одна из моих перстней, посетившая места смерти своей сестры, подтвердила личность убитой. — уткнувшись взглядом в стол и лежащие на нём бумаги, проговорила Вигберт. Вопросы «Как же это произошло?» долго ждать не пришлось.

— Из слов очевидца...

— К чёрту слова очевидца, пусть приведут его или её сюда, я должна лично услышать, как погибла одна из важных городских фигур! — Требовательно рявкнув, заявила Эльга, тем самым позволив себе перебить бургомистра.

Подобное обращение к своей персоне Вигбет расценила как акт неуважения, но промолчала. Она не любила Бэтфортов всем сердцем, их наигранная честь и нравы бесили бургомистра, ведь именно из-за них и их стражи она, по сути, и не могла окончательно завладеть всеми правящими городом структурами.

Хому привели спустя несколько минут. Чумазое дитя с медведем, обвязанным вокруг пуза, от которого ещё и несло как от самого грязного осла, вызывало на лица собравшихся Лордесс и Вигельвагенш отвращение. Лишь одна Эльга, привыкшая видеть и чувствовать присутствие подобных на своих улицах, спокойно подойдя к заплаканному, еле дышащему в панике ребенку, дала той воды, а после произнесла:

— Рассказывай. Медленно и по порядку...

И дитя рассказало.

В ночной тени, когда Олк уже была готова прирезать своего горе осведомителя, девчушку спас некий шум, привлёкший внимание Гадюки. Зная, что та в тайне шпионит за семьёй Вольфов и опасаясь проблем с той же Эльгой, Олк попыталась догнать и уничтожить нежданно нарисовавшуюся свидетельницу, вот только не учла, что в городе, помимо такой бойкой охотницы как она, может водиться рыбка покрупнее.

Загнав ту подальше от посторонних глаз, настоящая охотница заманила Олк в отличное темное место. В тех районах даже если на улице начинался бой, никто и носу бы из дома не показал, и, тем более, не кинулся бы чужаку на помощь. Застав гадюку врасплох, незнакомка подняла ту над землей при помощи некой бесцветной магии, вслед за чем, не используя каких-либо звуковых заклятий, разделала ту подобно умелому портному.

Разумеется, использование безмолвной магии не проходит бесследно, а покупка незнакомой личностью в городе дорогих снадобий точно запомнилась бы местной

лавочнице, поэтому убийца решает подобрать трофейные зелья. Деньги тоже расходный материал, вполне возможно, наша умелая охотница любит красивый образ жизни, хотя почему тогда не взяла необходимое со вчерашней жертвы? — Чем больше думала Эльга, тем больше возникало у её вопросов. — Вырезанный глаз мог быть символом того, что Гадюка увидела то, что той не следовало. Но тогда почему убийца отпустила ребёнка? Не догнала. — Бред, Гадюка была куда быстрее и ловчей, и всё равно проиграла, а значит, её отпустили. Но для чего? Для того, чтобы успеть убрать за собой улики? Помимо слабой несотворенной магии Олк, которую та по какой-то причине так и не смогла создать, другой не было. А это значит, что седьмой Перстень Тэтэнкофа убили без применения магии, но это бред! Подобное просто невозможно, а значит, прибывшая в город личность в тёмной чёрной маске — настоящая ведьма, способная скрывать за собой магический след. О подобной магии старшая Бэтфорт никогда не слышала, и одна лишь такая мысль заставляла ту содрогаться в ужасе от возможных сил и способной прибывших в их края ведьмы, да ещё и описания убийцы.

Невысокая, худая, темная карнавальная маска, перчатки и палец у места, где должен располагаться рот как символ «Вечной тишины». За ношение одной лишь перекрашенной Силестийской карнавальной маски можно было отправиться на костёр, а тут убийство.

— Какой-то сказочный бред напрямиком из столичных улиц. — Откинувшись в кресле, залпом осушив свой кубок, отозвалась одна из торговок, не так давно прибывшая на север.

— Сказочный бред из столичных улиц? — Нервно сглотнув, косясь на озадаченное лицо Эльги, вопросительно повторила Вигбэт.

— Да, есть поверье, что в тени империи проживает некий старинный род, из века в век, занимающийся тёмными делами правящей семьи. В южных краях их некогда называли Орденом Вечной Тишины, ну или так, по крайней мере, их называла моя бабка. В своих тёмных погребальных нарядах и траурных масках они приходили за теми, на кого укажет император. Сами себе судья, сами себе исполнители, и даже палачи, они, владеющие тайными знаниями, не жалея собственных жизней, добирались в самые дальние уголки материка, лишь бы только наказать неугодных престолу, ну и, разумеется, детей, не слушающих своих родителей. — Заметив, как внимательно собравшиеся вслушиваются в слова обычной приезжей Вигельвагельши, попыталась перевести в шутку свой монолог торговка. — Имперские охотницы из Ордина Вечной Тишины — это всего лишь сказка, так что...

Лица собравшихся Лордесс от рассказа приезжей стали цвета свежеснежного снега. Сохраняя тишину, женщины, кидая друг на друга короткие взгляды, думали: «А как быть дальше?». Перстни в Тэтэнкофе были персонами неприкасаемыми и знатными, и кто-то вот так вот запросто разделался с одной из них.

— Это всего лишь сказка, расслабьтесь. Скорее всего, просто ваша подруга не поделили что-то с членами гильдии соседнего города, вот и всё. — Подбадривая собравшихся, вновь проговорила торговка.

— А что, если нет? Что, если в город и вправду пожаловал кто-то из знатных особ столицы? — Хмуро глядя на такую же бледную, словно снег, бургомистра, спросила у той Эльга. — В нашем городе с момента его основания, вот уже более трёх сотен лет, не было никого из столичных аристократок. Вы помните, чем подобная проверка обернулась для соседнего города? — Взглянув на собравшихся, вновь спросила Эльга. — Я напомним: шестьдесят процентов отправились на костёр вместе со всеми своими детьми, бастардами,

не говоря уже о мужьях, родичах и любовниках. Все мы не без греха, и наши предки тому доказательства, и сейчас наступил тот момент, когда мы должны показать любовь своему народу, застывшему в шаге от от поднятия востания.

— Чего? — Подняв уставший, растерянный взгляд, якобы не понимающе спросила Вигберт.

— Того. — рывкнула в ответ чувствующая слабость оппонентки Бэтфорт. — Я уже три года твержу вам о чрезмерно высоком налоге, возложенном на плечи вольнонаёмного народа. Каждый день на улицах города вспыхивают конфликты, гибнут как обычные люди, так и дворяне, и ваша «добрая» подруга из рода Штольцгеров наверняка осведомлена об этом не хуже меня. Из-за подконтрольных им лавок и выброса недоброкачественной продукции по цене железа, недавно на рыночной площади началось настоящее побоище. Убито пять вольно рабочих и двое из аристократии, искалеченных даже и не считали. И ещё, уважаемая Вигберт, не объясните ли, чего добивалась Ваша подопечная, следившая за домом моего будущего зятя? — Уставившись на ту, спросила Эльга, но даже не предполагавшая о подобных интересах со стороны своей подчиненной бургомистр тотчас поспешила откреститься от каких-либо возможных посягательств на молодого простолюдина. Он ей был попросту не нужен.

— Это мой род поручил слежку за домом Вольфов уважаемой Олк, и, кажется, не напрасно. — Сидевшая до этого так же в тишине отозвалась банкирша. — Полагаю, Вы, Эльга, в отличии от меня и всех собравшихся, давно уже знаете истинное происхождение данного семейства, иначе даже не могу понять Ваш интерес к подобного рода блошиной породе. — В глумливой форме пролепетала Штольцгер старшая, но, заметив чистого рода непонимание на лице Бэтфорт, разочарованно вздохнув, пояснила:

— Нам известно лишь то, что Хельга некогда состояла с Эльгой в одной «Имперской тысяче», и сражалась под личным знаменем ныне покойной императрицы. Однако её смуглая кожа наводит на мысль о южных корнях. Может ли быть, что наша таинственная убийца как-то связана с «Вечной неудачницей Сигрид» или её матерью Хельгой? А может это проигравшаяся мышка, Илва, стала нашей таинственной фигурой, или и вовсе этот костлявый глист Глауд. На самом деле...

— Ещё одно слово о парнишке — и ищи себе пару-тройку дуэлянтов, Штольцгер. — Положив руку на клинок, грозно заявила Эльга.

— Боже упаси, в этом городе и одной такой самоубийцы не сыщешь, а ты сразу о тройке заговорила. Я ведь всего-навсего предполагаю. — Демонстрируя свою мерзкую белоснежную, не тронутую временем улыбку, проговорила Пенета Штольцгер.

— Ты предполагаешь, а я располагаю. В свете последних событий моя дочь лично присматривает за их домом. — Усевшись обратно на своё место, произнесла Бэтфорт.

— Бойтся, что даже суженный из черни убежит?

— Пенета! — Стукнув кулаками по столу, сберегла подругу от дуэли бургомистр. — Закрой свой рот. Извини, Эльга, все мы сейчас на нервах, и не время враждовать между собой. Требуется решать проблему с этой нежданной визитершей, режущей наших людей. Факта того, что её цели как-то связаны с Вольфами, отрицать нельзя. Что первая жертва, о которой я слышала, что Олк — обе крутились вокруг их дома и обе были убиты. Возможно — это случайность, возможно — нет, следует разобраться, и в этом вопросе я рассчитываю на твоих девчат. — Успокоившись, Эльга кивнула. Её не меньше других волновал вопрос убийцы, способного охотиться на столь обученных и подготовленных женщин. — Также, с

сегодняшнего дня мы понизим налог на торговлю рабами и в кратчайшее время соберем и отправим подарок короне в размере ежемесячного дохода. Деньги на это пожертвуют как верные имперской семье Лордессы, так и Вигенвагельши, что спокойно отработают потраченное за счет будущих сделок, ведь мы, как верные поданные её величества, в эти трудные дни как никогда ранее обязаны показать собственную преданность короне.

— Как прикажете поступить с ребёнком? — Дождавшись, когда все знатные особы выпьют за здоровье правящего рода, спросила прислужница.

— Бросьте её свиньям. Рабочим людям не стоит знать о появлении загадочного мстителя. — Проговорив это, бургомистр очередным жестом предложила всем собравшимся поднять бокалы. Сейчас, как и всю последующую ночь, они планировали пить только за две вещи — империю и вечное правление нынешней императрицы.

Слова Вигберт всем собравшимся были неинтересны. Её действия и решения говорили сами за себя. Стул, всё это время прочно стоявший под местными Лордессами, зашатался. Если в город и вправду прибыла ревизорша, то вопрос, когда на шею местной хозяйке накинут петлю, оставался лишь за временем, и тем, кого та попутно утянет за собой. Местная аристократия напугана, большинство из местного совета покинут город уже после сегодняшней ночи. Это их единственный шанс не попасть под подозрение, списав тем самым всё на собственную неосведомленность и действие продажных подопечных.

Если умы Лордесс сейчас и вправду были в огне и надеждах спасти собственное благополучие и жизни, то истинные Вигенвагены, напротив, полыхали от счастья и предвкушения. Больше десяти лет некоторые из них добивались данного послабления, ведь до сего дня каждая сделка, будь то покупка или продажа кем-то не из знати или местных жителей, облагалась непомерным налогом на недвижимость. Торговцы не могли купить себе дома, трактиры, производства и прочее. Всё это до сего момента могла себе позволить лишь знать, ну или уж очень недалёкие торгашки, терявшие на возведение и содержание подобных мест огромнейшие деньги. Но сейчас всё должно было измениться. Рабыни — животные, как их называли Вигенвагены. Не считаясь с их жизнями, их тянули на север десятками тысяч повозок, тысячами и сотнями кораблей и галер. У рабыни нет чувств, нет семьи, воли или права. Единственное, чем они могли обладать, — это желанием сослужить хорошую службу для своих господ.

Так думали Вигенвагены, но не сами рабы.

Друзья, сейчас книга только-только стартовала, и мне очень сильно нужна ваша поддержка: ваши комментарии, лайки, добавление в библиотеку и, конечно же, награды. Если вам нравится эта книга и её персонажи, то, пожалуйста, поддержите нас печеньками. 10 рублей вполне достаточно, ведь, как говорят на АТ, ваши награды помогают книги с рекламой и продвижением на самой платформе.

*С уважением, попрошайка Focsker. ^-^*

Не имевшую сил сопротивляться Хому, подхватив за ноги, выволокли на улицу. На её лице красовался свежий синяк, пальцы, пытавшиеся ухватиться за камень вымощенную дорожку, были переломаны и в большой своей части лишились ногтей.

«Лучше бы и меня убили в той подворотне» — слыша, как визжат который день некормленные клыкастые свиньи, думала подвешенная над их загоном девочка.

— Ну же, кричи, — Тряхнув ту за ногу, гыкнув, потребовала одна из стражниц. — кричи как раньше, чёртова блоха! — Мощный удар в живот выбил из Хомы последний дух, и та, потеряв сознание, обмякла. — Боже, надеюсь, хоть свиньи её костями не подавятся. Эти мелкие крысы вообще ни на что не способны.

Дуновение ветра лишь на мгновение отвлекло внимание стражницы, уже намеревавшейся бросить ребёнка. Мелькнувшая в метре от неё тень, не издавая и звука, несколькими взмахами своего сверкающего клинка отсекала той конечность, а следом и вспорола закрытое кожаной курткой брюхо.

Дитя вместе с кистями стражницы оказалось в руках неизвестной.

— Мои руки, руки!.. Эй, ты чего стоишь, помоги... — Сначала взглянув на отрубленные конечности, а после, обернувшись, попыталась позвать на помощь, находившуюся позади себя соратницу первая.

В лице её подруги по самую рукоять красовался нож. Буквально пробив шлем и череп, он пригвоздил одну из личных стражниц бургомистра к деревянной стене.

— Ну же, — пройдясь ещё раз по брюху упавшей на колени женщины, проговорил Глауд. — кричи. — Повторил тот, когда из её живота на землю стали вываливаться внутренности, и та закричала в последний в своей жизни раз:

— Имперская охотница! — Взревела та, когда лезвие мужчины вместе с бронёй пробило и сердце.

Всего несколько секунд, и по всему огромному участку, принадлежавшему бургомистру, стали загораться факелы и доноситься крики взбудораженной стражи. Завернув дитя в прихваченную по дороге наволочку, так беспечно оставленную кем-то сушиться на улице, Глауд, полностью опустошив свой второй и позаимствованный у змеи третий флакон усиления, со всех ног пустился наутек. По крыше резиденции, на стену, а после с неё в ров. В воду пришлось падать аккуратно, придерживая ребёнка, а после, плыть надеясь что та не захлебнется, затем выбравшись на сушу, вновь бежать, петляя тёмными улочками, требовалось спрятаться от поднявшихся в воздух ведьм. На ноги были подняты все патрули, казалась, вся стража этого города была поднята на уши, принявшись проверять все близлежащие к бургомистру постройки и дома.

«Сегодня я превзошёл даже самого себя, так беспечно разворошив самое настоящий осиное гнездо». — Когда мелькавшие огни остались далеко позади, глядя на маленькое бессознательное тельце в моих руках, подумал я.

Как бы девочка не старалась уберечь своего медведя, белое пузико испачкалось её же кровью. Одна из пуговок на глазу отлетела, сделав из игрушки настоящего калеку, на коего, в принципе, была похожа и его хозяйка. Не придумав ничего лучшего, я затащил её в подвал одно из соседних домов, вытряс той в рот последние капли оставшиеся во флаконе исцеления, а после, усадив на кусок какой-то ткани, нарисовал напротив неё кривую рожицу

с приставленным к губам пальцем, тем же, что она видела в подворотне. «Надеюсь, она поймёт».

— Прости... — Донёсся едва слышный голос девочки, явно незнающей, когда стоит открывать свои глаза, а вместе с ними и рот. Глупое дитя, неужели до неё до сих пор не дошло! — Ты спасла Хому, а Хома оказалась дурой и испугалась тебя, а ещё Хому, убьют, ей некуда бежать. Если она выйдет на улицу и пойдет к сёстрам, их тоже убьют. Все умрут из-за Хома. — «Или, может, не такое уж и глупое?». Притащить самого разыскиваемого ребёнка в городе домой я не мог. Полноценно объяснить той, как себя вести, где прятаться и прочее тоже. Не дай бог та каким-то образом вспомнит или запомнит мой голос, даже измененный, — могут быть проблемы. Вечно подкармливать ту и прятать в этом сыром подвале я тоже не мог. Ну за что мне это всё? Зачем я полез спасать это несносное дитя? Каждый день в городе гибнут десятки рабов, женщин, мужчин и их детей, и мне не было до них никакого дела, а тут...

«Рабы...» — Посетившая мою голову коварная мысль была крайне рискованной и опасной, не такой, как моя вылазка в одно из самых охраняемых мест города, но всё же. Благодаря им я мог заручиться тем, чего мне не хватало, а именно поддержкой. Сейчас на моей шахматной доске было всего несколько фигур. Одна самая сильная и весомая была моей, другая — менее значимая и почти бесполезная, родственная фигура, но семьей жертвовать на игровом поле я тоже не планировал. Мне требовались пешки, те, от кого я без зазрения совести мог избавиться, и на ум приходили лишь рабы. По городу могли бродить не многие из них. В основном их не выпускали из цехов, рабочих подвалов и их же ночлежек, но это что касается проданных. Другие же, раздетые догола, что создавало дополнительные сложности для побега, ждали своей участи в портовых складах на суше или же на своих ожидавших очереди на разгрузку кораблях, находившихся в море. О безвозмездной помощи последним речи и быть не могло: далеко, геморно, неблагоприятно, а вот портовые рабы могли сыграть мне добрую службу.

Покопавшись в голове мальчика, кроме всем известной информации я так ничего и не нашел. Да и откуда мальчишке его возраста знать о патрулях и их числе, тем более в районе знати, где тот был всего с пару тройку раз...

«Он ведь там был! Чёртова школа находится именно на этом сраном знатном берегу! Всё для ленивых и зажавшихся паршивцев. И самые свежие продукты только с моря, и учёба под домом, и до резиденций папки с мамкой рукой подать... Блестяще» — Всего одним легким движением можно было взорвать весь этот город к чёртовой матери. Всего-то и нужно накалить обстановку в массах, поднять бучу, вынудить городские власти стянуть свой резерв на противостояние с местными, а после освободить рабов, позволив тем выплеснуть скопившееся недовольство на головы своих хозяев. Идеальное преступление. Так, действуя из-за кулис, я мог добиться свержения местной власти и выдвижения той же с легка туповатой Хельги в местные органы управления, ведь, когда всё утрясется, озлобленный народ с большей радостью пойдет за кем-то из его кругов, чем за очередной аристократкой, доверия к коей нет абсолютно никакого.

Итак, ветер сменился, а вместе с ним и намеченный курс. Мне требовалось попасть на территорию знати, посетить школу, заручиться отличной характеристикой, побродить по местной округе, изучив обстановку, а также после завершения обучения подать заявку на помощь в бумажной волоките или прочем одной из гильдий: воров или убийц. Авантюра в моей ситуации крайне опасная — наверняка так скажут близкие, но если заручусь

поддержкой Эльги и её дочери Брун, то всё разрешится само собой, ведь даже если я соглашусь на венчание, к назначенному моменту город уже как минимум будет пылать, а как максимум — лежать у моих ног.

«Как же всё просто. Я нашел ответы почти на все волнующие меня вопросы»

— Извините, госпожа хорошая Имперская охотница, Вы о чем-то задумались? — «Ещё как задумался. За минуты я придумал план свержения местной власти, захвата города, создания собственной армии, а вместе с ней и государства. Я знал, как повернуть всё это с минимальным риском и максимальной результативностью. Черт возьми, я знал, как создать с нуля своё собственное гребаное государство! Вот только как поступить с одной единственной болтливой, сопливой, раздражающей своими вопросами девчонкой, так придумать и не смог. И что ещё за «Имперская охотница?»»

До своего окна на втором этаже по крыше соседних домов я не шел, а буквально полз. Ели живой, я с трудом открыл чёртовы ставни, весившие для меня сейчас целую тонну. До рассвета было ещё далеко, сегодня мне в роли мокрой водоплавающей крысы удалось вернуться домой пораньше, а это значило, что сегодня, возможно мне удастся поспать на пару часов дольше. Едва я скинул с себя одежду, лицом ударился об подушку, провалившись в сладкий сон, как нечто с грохотом врезалось в створки моего окна. Лень, слабость, усталость, словно после стокилометрового марафона мой усталый разум боролся с любопытством и чувством самосохранения. «Ещё пять минут» — в непривычной для себя форме требовательно повторял чужой разум.

Расплющив глаза, первым делом я столкнулся с серостью, царившей за щелями окна. Вполне возможно, была ещё ночь, и мне просто показалось. Только я подумал об этом, как непонятный шум за окном вновь повторился. Выругавшись, я высунул свою любопытную голову в окно, получив в ответ добрым порывом ветра, перемещенного с моросью. С минуты на минуту должен был начаться дождь.

Шум повторился, но только в этот раз он был чуть выше, словно, переместившись на нашу крышу, он вынудил меня встать на карниз и под другим, очень опасным в моем текущем состоянии углом, взглянуть на предполагаемого виновника.

На нашей крыше с перебитым крылом барахталась чайка. Молчаливая, словно мёртвая, она, взглянув на меня, вновь тыркнувшись, замерла, демонстрируя мне свой изящный клювик. «Попытайся я тебе помочь, и ты обязательно меня клюнешь, да?» — Подумал я, возвращаясь в свою комнату. Тащиться за этой птицей, да и в такую погоду было глупо. Я слаб, да и к тому же ранен, зелья усиления в таких количествах пить нельзя, множество моих связок и сухожилий сильно пострадали от излишних нагрузок, на их фоне обычное рассечение или даже стрела, застрявшая где-нибудь в груди, выглядела бы более безобидной. «Мне нет дела до чёртовой птицы, она ведь точно меня клюнет, или укусит, как и любая собака» — С этой мыслью я вновь залез на карниз, заглянув на крышу. К моему счастью и глубочайшему облегчению, птицы там уже не было. А, как говорится: «Нет тела — нет дела». Только-только я вновь позволил себе проиграть дуэль в поединке против своей подушке, казавшейся мне теперь самой идеальной на всем свете, как очередной, но теперь более отчетливый стук в окно вновь развеял приятное состояние полудрёма.

— Никого нет дома! — по слогам в подушку прокричал я.

— А где тот плохищ, который мне сейчас ответил? — Расценив данное заявление как игру, спросила находившаяся по ту сторону окна Брунхильда.

«Плохищ? Сколько часов прошло с момента моего возвращения и её визита?» Несмотря

на усталость, во время возвращения, я тщательно всматривался в каждую тень, тучку, и даже лошадиную кучу, оставшуюся на дороге. Никого не было, а значит, это всего лишь игра моего разума с её словами. — раздражённый навязчивостью молодой ведьмы, в спешке, взглядом пробежался по комнате. Благо, мне хватило сил спрятать и замаскировать все улики. Никаких следов быть не могло, осталось лишь выяснить, о чем говорила эта девушка.

— Помер этой ночью. Чего тебе, Бьянка? — в зависимости от её ответа и действий можно было понять, чего ожидать в дальнейшем.

Оконные створки распахнулись. Как ни в чем не бывало, ведьма влетела в мою комнату и зависла в воздухе. В её золотистых, слегка обиженных глазах было множество вопросов, задавать которые та не спешила.

— Ради птички ты даже на карниз полез, а для меня окно открыть сложно? — «Боже, только не говорите мне, что именно из-за этого сталкерша назвала меня плохишом!» Всё тело болело, некоторые мышцы неестественно опухли. Каждая клеточка требовала отдыха, сна и покоя, вместо которого я вёл светскую беседу с человеком, считавшим меня своим трофеем.

— Птичка, ради которой я полез на карниз, плохо кончила. Можешь поискать её тельце под окнами дома. — Суровый и жестокий ответ, по идее не суливший налаживанию наших с ней отношений, каким-то образом развеселил Брун, вызвав неуместный смех и улыбку на её лице.

— А вот и нет. — С её шляпки как по волшебству сорвался белый лепесток, по форме напоминавший кусочек чьей-то кости. Крутанувшись в руках ведьмы пару раз, он сначала принял форму неведомой мне зверушки, а после и вид всё той же чайки, подбитой на одно крыло. — Никудышный из тебя злодей, Глауд. — Вернув своё украшение в былую форму, произнесла та.

«Действительно» — Вспомнив об оставшемся в подвале голодном и напуганном ребёнке, подумал я. Отчего-то сейчас я смотрел на Хому не как на постороннего человека. Ребёнок напоминал мне прибывшуюя дворнягу, имевшую возможность каким-то образом вызвать в моем лице капельку сочувствия. Это дитя стало для меня чем-то на подобии питомца, за которым в тайне от родителей и посторонних мне предстояло присматривать. Вот только как? По расписанию кормить, поить, выносить дерьмо и надеяться, что она к нужному часу не сдохнет в сыром подвале? Подобного рода забота для меня в новинку. Я всегда думал лишь о себе и своих целях, зачастую не скупясь в выборе средств их достижений: шантаж, вымогательства, подкуп. Я без проблем манипулировал обычными людьми, называвшими себя «планктоном». Когда кто-то из них умирал, я ничего не чувствовал. Рождался — то же самое. Массовка, бродившая по городу — вот, кем они были. Однако этот ребёнок как-то умудрился стать чем-то другим. Пойдя на столь неоправданный риск, я совершил много глупостей, ошибок, едва не погиб, получив взамен лишь новую порцию эмоций, странных и чем-то схожих с теми, которые накатывали на меня в моменты удачной охоты. В благодарность я не получил ничего, кроме взгляда, боготворящего и верящего только в меня. Шикарное чувство. Интересно, отцы в моем мире испытывали те же чувства к своим детям?

— Идём, с низу тебя ждёт сюрприз, да и наши матери на первом этаже уже, скорее всего, начали обсуждение новых убийств. — Вновь вернув своему лицу некий пофигизм, проговорила Бьянка.

— А с чего ты решила, что мне это интересно? — Насторожился я.

— Даже сейчас, когда разговор касается этого, ты ведешь себя более общительно и заинтересованно. Тебе нравится слушать о трупах, но не нравится говорить со мной... — Чуть не сорвав дверь с петель, недовольно фыркнула ведьма, спрыгнув на пол со своего посоха, и направившись вниз, на первый этаж, где уже во всю шли некие обсуждения.

Холодный ветер вперемешку с моросью ворвался в открытое окно, которое ведьма за собой так и не закрыла. Тучи сгущались, где-то вдалеке над крышами дальних домов виднелись несколько мачт, прибывших в порт на разгрузку кораблей. На нас двигалась стихия, первозданная и неподконтрольная. Подгоняемая ветрами перемен, она, грозно сотрясая небеса, поднимала десятиметровые волны, обещая могучими порывами сорвать кровли и уничтожить всё, что только ей не по душе.

«Кажется, она обиделась» — подчеркнув схожесть между ураганом и Бьянкой, подумал я.

Наш район всегда был особо многолюдным. Вот только толпы собирались разве что возле местных кабаков и глашатай. Редко какая мастерская удостоивалась внимания, а тут...

Не знаю, как я умудрялся спать, когда подо мной бродило целое стадо слоних со своими выводками, но такая внезапно пришедшая популярность к мастерской матери меня слегка смутила.

— Что здесь происходит, Сигрид? — Растолкав пару незнакомых чумазных и беззубых кокеток, я попытался разузнать у старшей о происходящем.

— О, не прошло и двух дней. — Подскочив ко мне, подняла кружку сестра. — За Глауда и Хёхенгенду, сведшую нас вместе! — Толпа ликующе отозвалась. По мастерской прокатилось несколько щелчков, характерных отрывшимся бочонкам.

Восхваляя свою богиню удачи Хёхен, женщины отмечали сразу несколько событий, первое, и самое значимое из которых — уменьшение налога до ставки столетней давности. Это было просто невероятным событием, но ещё более невероятным стал срыв Тэтэнковских кандалов с шей местных Вигельвагенов — торговцев, тянувших на север всё, что плохо росло, долго хранилось и просто было не востребовано на юге. Кандалами называли налог, выплачиваемый человеком не знатных кровей при покупке местных земель, предприятий, строений и рабов. С его отменой и налоговым откатом теперь каждый крестьянин мог позволить себе на сэкономленные деньги купить раба, взять надел земли и возделывать его. Всё это сильно подняло авторитет местной правительницы в глазах её поданных. Недовольные резко стали счастливыми, а мне предстояло добавить в свои планы ещё пару пунктов, связанных с подрывом авторитета местного бургомистра.

Пакости пакостями, но сегодня в глазах матери я стал настоящим спасителем. Все эти «дамы» здесь и сегодня собрались лишь с одной целью — сделать заказ. Я заметил в числе присутствовавших старую знакомую с прозвищем «Пивная бочка». Женщина была навеселе, и всем собравшимся с восхищением и восторгом рассказывала, как с девяти проданных стрел подстрелила аж девять зайцев, а с последней, бесплатной, свалила сразу двух оленей.

Её пьяные байки у собравшихся ничего, кроме умиления и смеха не вызывали, разумеется, той никто не верил. Но, к слову, обжаренная оленья ляжка, лежавшая на нашем столе, была вполне себе настоящей. Именно эта женщина, разнёсшая по округе весть о «бесплатных» наконечниках, раздаваемых семьёй Вольф, и стала причиной собравшейся здесь оравы. Грядущие годы сулили крестьянам обогащение, именно сейчас им как никогда требовались инструменты, которых многие никогда в жизни даже в руках не держали. Им нужны были инструменты, а также рабы. К слову, ни того, ни другого в городе сейчас не было.

Будь данное действие спланированным, банкиры в роде Штольцгеро, имевших доступ к самой свежей информации, непременно подготовились бы к подобному, завалив прилавки своих лавок всем необходимым. Но, по словам тех же горожанок, ничего и негде не было. На прилавках всех городских ветрен в одночасье исчезли все инструменты — даже тупого куса металла, сгодившегося бы на роль ножа, было не сыскать — точно так же, как и не найти раба. Корабли заходили в порт постоянно, выходили из него тоже без загрузки. Так необходимый всем молодым «предпринимательницам» товар попросту не доезжал до торгового острова, исчезая по дороге.

Люди хотели металл, инструменты, рабов, землю. Они хотели всего и сразу, прекрасно понимая, что так не бывает. Единственное, что мы могли им дать — это инструмент, в крайне ограниченном количестве. Но как бы продать ещё и то, чего у тебя нет? Как оказалось, элементарно.

У нас был весьма скромный запас руды, и пусть мать была готова пахать как лошадь, приобщая дочерей к своему нелегкому делу, проблему это не решало. Прежде, чем я смог растолковать это Хельге и сёстрам, ушло много времени, и, думаю, потребовалось бы ещё больше, если бы не вмешавшаяся в разговор Эльга, объяснившая подруге всё более понятным языком.

Сбор и переплавка старых железяк для многих стало чем-то диковинным. «Неужто ли в краю гор не найдется подходящей руды?» — Кричали одни, когда другие, уже прикидывая, где взять сталь, начали подсчитывать цену данным изделиям. Я не был кузнецом, не был металлургом и химиком, и всё, что я знал — так это то, что подобного рода практики существовали в моём мире.

На первое время это должно было занять местные умы, а там глядишь, и поставки руды значительно увеличатся, и проблема с её нехваткой решится сама собой, ну а со временем и бум на инструменты утихнет. Они всё так же будут востребованы и нужны, но со спросом увеличивается и количество предложений. Требовалось как-то связать всех собравшихся работяг с нашей семьёй и кузней. Очень долго я подводил Эльгу к нужным выводам и словам. В вопросах, касательных денег, она показала себя не как командир городской стражи, а как набитая ватой здоровенная кукла. Начало темнеть, прежде чем до неё дошло, и она смогла озвучить Хельге «свою» гениальную идею по продажам с использованием временных контрактов.

— Это почти как со снабжением в армии. Сейчас вы получаете всё необходимое от одной Лордессы и по лучшей цене. Но, когда резкая нехватка исчезнет, — вы не бросите пришедшую вам на помощь и так же продолжите исправно получать и платить всё ту же сумму. — Предложение столь знатной особы, посетившей «чернь», пришлось всем по вкусу, и те, вновь подняв чаши, выпили за здоровье императрицы и местного Бургомистра, будь она неладна.

Я же, вспомнив о своей голодной «игрушке», оставшейся в подвале, убедившись в том, что закусившимся между собой Брун и Хельге нет до меня дела, проверил на занятость и отвлеченность всех остальных. Порядок. Кроме парочки бухающих женщин, до меня никому не было дела.

Тело всё так же ныло и ломило, словно при температуре. Одежда под настоящим ливнем и ледяным ветром промокла буквально в мгновение, маска показала свою первую слабую сторону. В дождь в ней всё было размытым, невнятным. Понял я это благодаря выступу, до которого во время перемещения моя нога не дотянулась всего каких-то несколько сантиметров.

Оцарапав до крови ногу, я, злой, замерзший, но всё же живой, добрался до всё так же валявшейся в уголке Хомы. От девочки жутко несло, она слишком буквально восприняла мои единственные сказанные слова «быть здесь», ведь, судя по луже, мочилась она так же прямо под себя.

Забившись в угол, она, замершими, уже переставшими трястись ручонками, поджимала к груди коленки, пытаясь хоть как-то подсознательно сохранить тепло.

В бурдюке, прихваченном с собой, ещё остался тёплый бульон. Накинув на девочку

плащ, я стал постепенно ту расшевеливать, растирать ладони, онемевшие руки и ноги. Безвольная кукла не подавала и звука, лишь изредка, словно пробуждаясь ото сна, поглядывая на мою светлую, очистившуюся от сажи из-за дождя маску.

— Ты подруга Имперской охотницы? — улыбнувшись, спросила она, когда я, желая проверить её живот на наличие травм, попытался взять в руки медведя. Ответом ей был немой кивок, и девочка, с неохотой отвернувшись, как в последний раз попрощалась с игрушкой. Пара гематом красовалась на рёбрах. Варварски, пальцами и без перчаток я открыл той беззубый рот, успевший каким-то образом потерять почти все молочные зубы. Причиной опухоли на лице была прокушенная каким-то чудом щека. Ничего существенного, и оставалось надеяться, что девчонка не потеряла все свои зубки во время пребывания в гостях у бургомистра, интерес к которой с каждой секундой у меня только возрастал. С чего такая доброта? Если она подозревает в нападении кого-то из крестьян, то логичнее было бы увеличить количество стражи, плотнее прижать непокорных, попутно устроив показательные казни, а тут совершенно другое.

— Имперская охотница... — Обратился вновь ко мне ребёнок. «Кто вообще это такая?» — Изменения мужского, пусть и юношеского, голоса на местный, более брутальный женский давалось сложно. Он имел свою тональность, из которой я постоянно выпадал, рискуя выдать фальшивое звучание.

— Кто такая Имперская охотница? — с трудом выдавив из себя вопрос, я заметил удивленно округлившиеся детские глаза. Каким-то образом это чумазая вонючка даже умудрилась надо мной посмеяться.

— Глупая Имперская охотница не обманет Хому. Она слышала сказку из столицы! — Показушно покачав головой, я принялся по крупице вытягивать из ребенка всё, что только она слышала. Вчера мне было не до этого, а сейчас у неё было хорошее настроение, а у меня время. Говорила Хома в спешке, точно так же, как и ела. Кормил я ту с рук, по кусочку вкладывая в её ладоши то мясо, то хлеб. Оценившая такую щедрость и принявшая ту за игру, малышка лепетала о какой-то фентезийной херне, перемешенной с суровой реальностью. Говорила она об императрице, каких-то испуганных знатных женщинах, и, как оказалось, обо мне. Именно я, ставший в их глазах тем самым сказочным палачом или Имперской охотницей из Ордена Вечной Тишины, навёл на город такой шорох. Заигравшиеся чиновницы просто испугались законной кары, пришедшей издалека. Во все века, во всех народах, имя Императора наводило ужас и уважение, иногда возводясь даже на уровень с богом, а тут на тебе. Посланица всезнающей императрицы, её дамоклов меч, лично явился покарать неверных. Причина столь резких изменений в городе с порицания на восхваление градоначальницы стала ясна. Пусть для убийства Хомы и не нужны были какие-то веские причины — свидетель, как никак..

Вигберт — местная бургомистр — боялась, что эта информация о «чудо-женщине» на фоне её щедрого поступка покажется слабостью, дав тем самым народу ещё одну причину показывать своё недовольство, мол: «Когда мы просили, вы игнорировали нас, а тут появился кто-то из столицы, и вот вам сразу, и мёд, и пряник». Неплохой ход, только исполнение подвело.

Информация, полученная от Хомы, оказалась бесценной. Впервые в моих глазах она с уровня милой зверушки наконец-то приблизилась к уровню прямоходящих. Я даже позволил себе положить той руку на голову, но, заметив, как на ту тотчас прыгнуло что-то маленькое и очень мерзкое, сразу одернул конечность. — «Вши» — колотнуло внутри меня. Мерзость,

от которой хотелось избавиться путём тотального сожжения всего города, победила милые глазки, и Хома опять вернулась на уровень «не очень милого питомца». Требовалось возвращаться. Велев той всё так же оставаться на месте, я направился домой.

Со слов и описаний Хома, на совете присутствовала и Эльга. Её сияющая броня и строгое лицо являлись хорошей отличительной чертой, и как сказала малышка, именно её воительницы вывели дитя на улицу. Бэтфорт — человек уставной, — у таких приказы всегда на первом месте, и, чаще всего, вместо сердца у них нечто вроде кодекса или свода правил, пред которым те не отступают даже представ перед самой смертью. А это значило, если не удастся растрогать Эльгу или как-то пробудить в ней любовь к окружающему народу, — придётся от неё избавиться. Со слов той же матери, она — сильный и умелый воин, к тому же её уважали подчиненные, простое убийство лишь больше разозлило бы местную стражу, настроив против меня и народа. Тут требовался другой подход.

Сначала предстояло во всеуслышание заявить о появлении представителя Ордена Вечной Тишины в городе. Мне нужна была информация об их фишках и том, как эти ребята расправлялись с неверными престолу. Книг дома не было, и возможное наличие в школе библиотеки, а вместе с ней и нужных мне знаний, могло сильно облегчить освоение нового образа. Я должен был как можно скорее показать горожанам, что в тени их домов появился неведомый защитник, убивающий лишь отпетых злодеев и коррупционеров. Став уличным мифом, восхваляемым простым людом, одно убийство Эльги, пусть и не полностью, но так же могло сойти мне с рук, заставив даже самых преданных поклонников усомниться в её непорочности, ведь не может же стоять уважаемая женщина в одном ряду с убийцами и казнокрадами. Так, в случае необходимости предстояло заставить думать местный народ. Но это потом.

Забравшись домой, я быстро переоделся в сухое. С каждым днём вещей в моём гардеробе становилось всё меньше и меньше. Моя чрезмерная осторожность грозила перспективой пойти на следующее дело без трусов. Нужно было пополнить запасы, благо, денег теперь у меня хватало. С кошельком этой змеюки Олк в этот раз я поступил немного по-другому.

Всё её серебро оказалось так же в моих карманах, сколько его там было — я даже не считал, но знал, что много. Золота у той тоже было прилично, и избавляться от него и тем более выкидывать я не стал, а припрятал в каменной кладке одного из местных домов. Использование его в настоящее время ничего, кроме ненужного внимания, не принесло бы, ну а в дальнейшем видно будет.

Проголодавшись, я вышел из комнаты. Из-за этой спешки и забот обо всех вокруг я совсем забыл поесть. Планируя заняться восполнением утраченных белков, жиров и углеводов, вновь вернулся на первый, к этому времени опустевший этаж, где меня ждала весьма любопытная и необычная картина.

На полусогнутых ногах стояли голые по пояс Брунхильда и Сигрид. Согнув спину под знак вопроса и спрятав руки за спиной, девушки балансировали своими кинжалами, расположившимися горизонтально по верх их выпуклых грудей. Пот лился с их лиц; стиснутые зубы и тяжелое дыхание больше отталкивали, чем привлекали, а вот их тела напротив...

Изящное тело светлокожей Брун могло похвастаться потрясающими формами. Умеренная подтянутость, лёгкая худоба и пышная грудь делали из той настоящую модель, которую, в свою очередь, захотелось сейчас нагнуть немного в другом направлении.

Сигрид же была совершенной противоположностью ведьмы. Я бы сказал, для любителей дам в формах она могла бы стать идеалом. Жилистая, высокая, с чётко видневшимся прессом, поверх которого красовались шрамы, и, конечно же, упругим, мощным задом, о котором могла мечтать любая фитоняшка моего мира. Грудь у сестры так же была весьма подтянутой, но, к сожалению, меньше, оттого и держать клинок той поверх своих холмиков было куда сложнее.

— Брун, ты хоть немного ей поддайся, не всех же боги с рождения таким коровьим выменем одаряют. — Неожиданно, едва сумев связать слова в единое предложение, проговорила Эльга, но дочери было не до неё. С виду, ей сейчас приходилось куда тяжелее, чем старшей сестрёнке.

— О, а вот и виновник наших споров. Глауд, выпить хочешь? — Обняв за плечо подругу, так же неожиданно обратилась ко мне Хельга, вслед за чем, не заметившая меня Бьянка, резко дернувшись, роняет свой кинжал на пол, а Сигрид с победным рёвом возвещает всех собравшихся о своей победе.

— Два-один, ведьма! — Хлопнув уснувшую на стуле Илву по плечу, всучила той в руку сосуд с элем.

— Что... — простонала младшая, чьи приоткрывшиеся глаза в непонимании разбежались в разные стороны. — Опять пить?... — Едва сделав глоток, остаток кружки та проливает на рубаху, а следом, запрокинув голову, через себя куляется на спину. Сделай я подобный финт и приземлился на голову — помер бы сто процентов. Слегка разволновавшись, я хотел было подойти и проверить у той пульс, но резко раздавшаяся храповая волна развеяла все опасения. Засыпая по ночам под этот гул старых тракторов и взлетающих кукурузников, зря я винил во всём старшую. Оказывается, виновата была-то вовсе не она.

— Чем это вы тут занимаетесь? — Обратился к не спешившим прикрывать чем-либо грудь девушкам я.

— Два холма — старая добрая бабская потеха. На грудь кладется клинок, после соревнующиеся начинаю выгибаться, усложняя тем самым себе задачу. Той, которая роняет — пробивают дважды ремнём по голой заднице. Снимай портки, Брун, или, быть может, хочешь попросить жениха о жесте доброй воли? — «Это ещё что и когда это я успел стать её женихом?» — Если второе, то так и быть, пусть Глауд поцелует меня в обе щёки и вопрос исчерпан. — Весело проговорила сестра.

Когда я с любопытством разглядывал фигурку Бьянки, та с надеждой поглядела на меня. Она видела мою заинтересованность в её теле, и, по-видимому, решила избежать телесного наказания, соорудив мне красивые глазки и во всей красе продемонстрировав свои прелести, чьи возбужденные пики, торчком смотревшие на меня, говорили сами за себя.

— Нет уж, пусть сама решает свои проблемы. — Надеюсь увидеть ту полностью ногой, с удовольствием протянул я, отчего матери рассмеялись, а сама ведьма разочарованно насупилась. Стягивая с себя свою коротенькую юбочку, она прибывала в бешенстве, наверняка вина меня в своём неизбежном поражении, когда Сигрид, в свою очередь, уже во всю разминала свой плечевой сустав и пробовала на прочность весьма широкий кожаный ремень с металлической бляхой на конце.

— Даже в игре своего мужика отстоять не можешь, а что будет, когда он окажется в твоём эскорте? — Вслед за этими словами показушная весёлая улыбка сползла с лица старшей Бэтфорт, а её последние слова оказались куда интереснее, чем шипящая и

проклинаящая весь белый свет ведьма.

— Хельга, — обратилась к той Эльга. — помимо убийства одной из перстней, этой ночью произошло и ещё кое-что. Скажу честно, подруга, — я, бургомистр, и все её приближенные в самой настоящей беспросветной и вонючей заднице.

— Что произошло, Эльга? — Плечом толкнув старую подругу, спросила мать.

— В нашем городе поселилось чудовище из сказок. — Изо всех сил пытаюсь показать собственную невозмутимость, с трясущимися пальцами проговорила Бэтфорт, и, кажется, я знал, о ком сейчас пойдёт речь.

Эльга, не скупясь на подробности и детали, доходчиво объясняла Хельге о происходящем в городе. Её страхи о возможной инспекции и последствиях отрезвляюще действовали на всех собравшихся. Выйдя на улицу, мать, игнорируя дождь, как стихию, набрала в ведро воды, а после, облившись, вернув себе частичку разума, вернулась за стол. По словам Бэтфорт старшей, на кону стояла её жизнь и жизнь всего её рода, одно лишь это вынуждало Хельгу — старую боевую подругу — вести себя серьезней.

Из последних сил терпевшая мою сестру, молчаливая Бьянка, по-видимому, не вникавшая в дела матери, так же присоединилась к разговору старух, не желая конфликтовать при мне с моей же сестрой.

Каждой из собравшихся была интересна эта загадочная женщина, режущая, как выяснилось, всех, кто был замечен за слежкой или какими-либо делами, связанными с семейством Вольф. Это было проблемой, пусть и никто и не подозревал нас в убийствах, но теперь всё внимание было приковано именно к нам. Требовалось провести серию отвлекательных манёвров, переключив внимание общественности на кого-либо другого.

Чутка позднее, Эльга призналась, что ту пугала вовсе не Имперская охотница, а методы её устранения и пустота, остававшаяся после убийств. На местах, где она работала, по-прежнему не было следов борьбы, а если брать в расчёт смерть одной из перстней, бывшей при этом самой настоящей шепчущей ведьмой, то силы нападавшей, скрутившей подобную, сравнивались чуть ли не с божественными. Дитя, ставшее свидетелем, видела, как убийца при помощи магии держит свою жертву в воздухе, не в руках, не на веревке, без свечений и духов за спиной. Та словно парила, это была точно магия, не оставившая после себя и следа!

— Так не бывает, ребёнок точно ошибся. — Покачала головой Брун, на что её мать, лишь выругавшись, предложила дочери заткнуться. Старая воительница и без комментариев непутёвой дочери знала, что так не бывает. От того и прибывала в замешательстве, вместе со всеми городскими ведьмами, пытавшимися понять источник силы незнакомки.

Дальше только хуже. Когда они были ещё в резиденции, бургомистр Вигберт, опасаясь быстрого распространения слухов о загадочной мстительнице, приказала избавиться от ребёнка, кинув ту свиньям на растерзание. Эльге это не очень понравилось. Во избежание проблем в городе, нужно было убить дитя, все это понимали, но не таким же варварским способом. Когда ту увели, Эльга попыталась предложить той лично расправиться и не мучать бедолагу, на что правительница лишь отмахнулась. «Не о чем волноваться» — так заявила она. И вот, спустя некоторое время, по всей округе разлетелись крики и звон сигнальных колоколов.

— Нас всех погубила её самоуверенность. Чудовище из столицы не просто так пощадило ребёнка. Оно лично предупредило нас, дало шанс, но мы его упустили. За всё время моей службы ещё никто не вторгнулся в резиденцию, и тем более, после подобного не вырывался из неё живым. А эта тварь сумела. Да и ещё так легко, с балластом на плечах! — Нервно почесывая расцарапанный до крови затылок, твердила Бэтфорт старшая.

Её страх не был связан с карающим имперским мечом или с личностью загадочной убийцы. Она боялась реального — моих сил и способностей. В её словах я был настоящим профессионалом, знавшим толк не только в омертвлении своих жертв, но и в слежке, диверсии, запугивании, маскировке, проникновении и прочем. Никто ещё в жизни так

сильно не хвалил моим навыки, отчего я даже испытал чувство гордости, перенеся возможное устранение Эльги куда-то в конец списка.

Вдоволь наговорившись, Эльга, не услышав от матери чего-то нового, попросила нас всех держать язык за зубами. Эта «умная» женщина не сомневалась, что вместе с исчезнувшим ребёнком правда и без нас скоро всплывёт, но чем позже — тем лучше. Ближе к ночи всё семейство Бэтфордов, мягко говоря, выглядело не очень — что едва стоявшая на ногах Эльга, что, наоборот, не спешившая садиться на стул Брунхильда, они выглядели подавленно и разбито. И неудивительно — со сменой власти движутся перемены, и, чаще всего, они не сулят ничего хорошего людям, отвечающим за удержание порядков при помощи грубой силы. Если поднимется восстание, то именно Эльге на свой щит придётся принять его первые удары, тем самым настроив людей против себя. В случае, если она не примкнет к протестующим, — её голова, с моей помощью или без, так или иначе всё равно окажется на пике у городских ворот.

На прощание мне всё же удалось вернуть интерес к жизни хотя бы младшей из Бэтфордов. К сожалению, мой вопрос о том, во сколько надо быть завтра в школе, услышала не только она, хотя, как мне показалось, говорил я тихо. Подскочившая Хельга радостно заявила, что обязательно меня разбудит, предложив и без того охмелевшей подруги выпить за моё решение, а после и вовсе не лезть под дождь и остаться у нас, но намекающий вопрос от Брун, где же она будет спать, вернул всё во круги своя.

Подлетевшая Сигрид с ноги распахнула двери, а после пальцем указала на возвышающийся над городом мыс, принадлежавший дворянам.

— Дома выспишься, ведьма. — Прорычала та, предлагая гостям побыстрее покинуть наш дом. «Она ревновала, и ревность эта была не сестры к брату, а иной».

Когда гости наконец-то разошлись, а мать со старшей решили продолжить свой маленький праздник, я наконец-то решился. В этой семье чувствовалась недосказанность. Несмотря на амнезию, у Глауда отсутствовал чересчур огромный кусок воспоминаний, касавшийся его детства и взросление в кругу семейства Вольф. Он был приёмным — я не сомневался, но кем на самом деле была Хельга? Этот вопрос всё так же оставался загадкой.

Сев напротив, я напоказ залпом выпил кружку не такого уж и крепкого напитка, специально показав к нему своё отвращение и тем самым расположив и позабавив сидевших дам, одна из которых по-прежнему так и не спрятала под одежду свою торчащую грудь. Сигрид взволнованно перебрасывалась с матерью фразами, предполагая, как следовало бы поступить их будущим родственникам, попутно не сводя с меня своих похотливых глаз. Она была пьяна, а алкоголь, как самый лучший растворитель, хорошо размывал все надуманные границы.

— Мама, — данная, мягкая форма обращения в этих местах была редкостью, и сам Глауд почти никогда так не звал Хельгу, отчего та, закашлявшись, подавившись вставшим поперек горла напитком, непонимающе поглядела на меня. — может, наконец-то расскажешь, где и как вы подобрали меня?

Женские глаза, никак не ожидавшие такого вопроса, изрядно меня повеселили. Сама эта информация не представляла для меня какой-либо ценности, а вот подробности прошлого Хельги, её быта и обязанностей, с которыми та была связана, напротив, играли важную роль. Врагов своих я знал, оставалось как можно лучше прочувствовать союзников. Ведь, по плану, «мамочка» должна была стать не последней городской фигурой. Требовалось разузнать, достойная ли та возложенных на неё ожиданий, или же мне стоит

подыскать другую кандидатку.

— Давно ты понял? — Тяжело вздохнув, заглянув в мои искренние и большие глаза, расширившиеся от наигранной обиды, удивления и смирения, последовавшего за последним, я кивнул.

— Чувствовал уже давно, но понял лишь когда Сигрид стала всё чаще грызться с Бьянкой. — Приплетая к этому растерянную старшую сестру, проговорил я.

— Ну так я же заботилась, подыскивала тебе пару получше и... — Под недовольным взглядом матери запричитала та.

— Ты и забота — вещи несовместимые. — Весело хмыкнул я, показав никак не изменившееся к родичам отношение. Мать, видя это, тоже улыбнулась, в очередной раз укорив непутевую дочь в какой-то ерунде.

Хельга долго молчала, гоняла по дну кружки остаток напитка, а после, не выдержав, наконец-то решила начать свой рассказ, бравший своё начало за долго до моего появления в их семье.

Старуха была потомственной воительницей, прошедшей целый обряд физического и магического укрепления. Ещё в детстве молодым валькириям из их племени каленым железом прижигали молочные железы, дабы в дальнейшем ненужный войну атрибут не мешал при стрельбе из лука или во время боя. Следом шла воинская подготовка. С семи до двадцати семи лет она верой и правдой тренировалась и служила империи, неся волю правящей семьи как на границе, так и за её пределами. Сотни битв, десятки ранений и всё лишь для того, чтобы после службы получить крохотный уголок в столице. Маленький, грязный и пыльный, но свой собственный!

После долгих лет службы, та долгое время не могла найти себя в мире. Пьянствовала, дралась, вела себя, как и все вышедшие в отставку рядовые служащие, пока не попала в подмастерье Плавающей стали девы по имени Эбегель. Мастер кузнечных дел разглядела в зрелой женщине потенциал, а также не полностью успевший опустеть кошелек с золотом, и приняла непутевую ученицу.

Эбегель Золотой лобок — так в шутку звали кующую друзья. Также в приятных и лесных воспоминаниях о строгой наставнице отзывалась и Хельга. Мастерница научила ту всему: работе с рудой, ковке, заточке, и даже тому, как жить, когда вокруг рекой не льётся кровь, моча и чьи-то слёзы утраты. Она показала матери мир без войны, и та сразу в него влюбилась.

Прошло больше года, прежде чем ветеран сотен битв наконец-то смогла ужиться в новом для себя обществе. Ещё через полгода она встретила с мужчиной, в последствии давшим жизнь Сигрид и Илве. Мужичок был тем ещё кобелем и плутом. Поговаривали, он промышлял тем, что спал с мастерицами, а после почти за даром покупал у тех продукцию и, многократно увеличивая цены, перепродавал в своей лавке.

В жизни матери он стал первым мужчиной, которого та не изнасиловала, не купила, и кто, пусть по пьяни, но самостоятельно лёг в её постель. Те пару дней в его обществе показались ей сказкой, о которой женщина, прожившая всю жизнь в походах и битвах, могла только мечтать.

Увы, всё хорошее имеет свойство быстро заканчиваться, и через неделю он исчез так же внезапно, как и появился, оставив Хельге подарок. Не верившая в то, что ещё сможет иметь детей, мать была на седьмом небе от счастья, узнав о беременности. Бегство любовника хоть и было слегка обидным, но несущественным фактом. Тот исполнил свою роль, а семья, тогда

она думала, что именно этот ребёнок станет её единственной настоящей семьёй. Думала и ошиблась.

Едва восстановившись после родов и вернувшись к своему молоту, Хельга, как мать, не имевшая возможности кормить своё дитя, привела в кузню рабыню-молочницу. Практика для этих мест обыденная, да и к тому теперь в мастерской Эбегель Золотой лобок было кому убираться. Дитя росло как на хмельных дрожжах. Хельга так же быстро постигала своё ремесло. Всё шло гладко, но в один прекрасный день стало ещё лучше. В день, когда мать в очередной раз заметила у своей кузни горе папаню, весь в грязи, избитый до полусмерти, он валялся у входа в соседний трактир. Постаревший до неузнаваемости, лишившийся нескольких зубов и своей элегантной шевелюры, тот растерял всю свою привлекательность, а после получил по морде от одной из своих прошлых жертв. Разумеется, мать приютила и выходила отца своего ребёнка, вслед за чем отмыла, придела и откормила, вернув его коже былой живой, румяный цвет. Окруженный заботой мужчина, не успевший позабыть вкус чужих сапог, ответил Хельге тем же. Четыре счастливых, полных утех и радости года пролетели словно один день, даровав Хельге ещё одно дитя, получившее имя Илва. И жили бы они счастливо дальше, да только в один из дней, когда она по делам отлучилась из кузни, забрела к ним одна знатная особа.

Искавшая какую-то безделушку, женщина при деньгах и статусе с ходу влюбилась в мужа Хельги, а после стала одаривать того подарками и вниманием, коего обычная плавящая метал женщина себе и в жизни позволить бы не смогла.

Сначала Хельга думала, что сможет договорится с аристократкой, заключив контракт двоебрачия, когда низшая по статусу жена переходила вместе с дочерьми в вассалы и подчинения высшей. Но, не имевшая детей Лордесса, жившая в кругах советниц самой императрицы, чего-то испугавшись, отказалась. Возможно, она переживала, что после свадьбы младшая жена прирежет её, получив через мужа часть её наследства, а возможно и чего-то другого.

Как итог, Лордесса приказала устранить всех, кто мешал её с мужчиной отношениям. На кузню напали, Эбегель вместе с рабыней, ставшей Хельге настоящей подругой, пожертвовали жизнями, защитив детей и дав тем самым матери возможность скрыться в улочках огромного города.

С пятилетней Сигрид и годовалой Илвой у неё не было другого выбора кроме как бежать. Из слов помогавших выбраться из столицы подруг, та поняла: всё обставили как несчастный случай, вполне возможно, её муж даже и не знал, что они живы, но рассказывать это было слишком опасно, ведь у неё на руках было две сильные девочки, рисковать которыми ради мужчины та не собиралась.

Вспомнив о старой подруге знатных кровей, Хельга на выданные старыми знакомыми деньги и переданную им не совсем законным путем дарственную на землю отправилась на север. Примерно через два года их скитаний на одной из дорог они наткнулись на повозку, заваленную утыканными стрелами трупами, внутри которой под горой тел плакал ребёнок. Так, собственно, на свет и появился Глауд Вольф. От своей фамилии женщины так же отказались в угоду собственной безопасности.

На вырученные с незаконной продажи своего дома деньги, Хельга при помощи старой подруги Эльги спокойно смогла приобрести лавку и даже договориться о возможной будущей учебе одного из её детей в местной школе. Сумму пришлось выплатить сполна, однако тогда, когда денег хватало, она их не жалела.

Мальчишка в пелёнках с первой встречи заинтересовал вечно таскавшуюся за Эльгой Брунхильду, ставшую тайком от матери приходить с ним поиграть после своих аристократических занятий.

Так прошли семнадцать долгих лет. Её мальчик повзрослел, и пришло время отправляться на учёбу. Более взрослые отпрыски аристократов, учившиеся вместе с Глаудом, стали замечать, как относилась к тому периодически прибывавшая в город на каникулы многообещающая ведьма. Многие из знатных семей хотели породниться с Бетфордами, и Глауд, на ком младшая концентрировала своё основное внимание, костью в горле стал для большинства, имевших на неё планы. Как итог, Штольцгеры принялись действовать первыми. Их потомки и прикорытники буквально со свету сживали парнишку, пытаясь довести того до самоубийства. Они хотели избавиться от Глауда, но тот слишком сильно любил свою семью, а главное — жизнь. Добрый, тихий, робкий, он в душе мечтал стать героем, служить под крылом великих ведьм. Сражаясь под гордым знаменем императорской семьи, он хотел нести за собой справедливость. Он желал дать людям то, чего был лишен сам: чувства спокойности, и уверенности в завтрашнем дне. Думаю, в последний свой миг он всё-таки смог исполнить свою мечту, ведь для сестры, которую тот грудью защитил от проклятия, он действительно стал героем.

«Штольцгеры...» — Внутри меня закипал праведный гнев. Эти выродки-ростовщики, уничтожили светлую душу, и небеса прокляли их, и проклятие это — я. С подачи старшей Штольцгер началась травля, с её же барского плеча началась и слежка за нашим домом. Попытка убийства так же возможно была её инициативой, а долг сестры лишь предлогом. Эта грязная сука играла с нами, прячась за силой и высотой стопок золотых монет! Думая, что никто не сможет преодолеть высоту её золотых стен, она день за днём, на протяжении более двух лет со света сживала наш род, и этому придётся положить конец.

Встал я, как и в первый день, под звучный удар материнского молота. На улице было всё так же темно. Не отдохнувшее тело чувствовало себя немного лучше, чем вчера. По крайней мере, теперь спускаться и подниматься по лестнице я мог не опираясь на стену. Заметив меня, Хельга, в очередной раз удивленно покачав головой, приветственно кивнула, а после вернулась к своей работе. Я же, разминаясь и растягиваясь, принялся за обыденное. В первую очередь — уборка за моими домашними свинками. Повсеместно по-прежнему валялись кувшины, местами были разбросаны остатки еды, но, что удивительно, исполнив мою просьбу, Сигрид всё же собрала посуду и вынесла её во двор, не забыв даже замочить. Или это за неё сделал дождь? Едва мои руки коснулись кучи, как тотчас на горизонте показался знакомый силуэт.

Полупоклоном приветствуя меня, из предрассветной темени, по вымощенной мною деревянной дорожке подошла соседская "кошка". Сегодня она была одета в более простые, обтягивающие её тощее тело вещи, из-под которых в области шеи я заметил непонятный рисунок.

«Рабский ошейник», или же «Печать слуги», как пояснила она. Всем местным рабам для предосторожности на кожу наносилось проклятье. Оно было чем-то вроде тех же кандалов, сдерживавших рабов от побега или умышленно причинения вреда своим хозяевам и их имуществу. Этот ошейник мог мгновенно убить ослушавшегося подчинённого или заставить его испытать невыносимые мучения. Обязательный атрибут на теле каждого невольника.

Закончив свой рассказ, та, зевая, забрала у меня деревянный таз с посудой. «За всё заплачено» — пояснила кошка, предложив мне отдохнуть. Было бы неплохо поспать лишний часок-другой, но у меня на это утро ещё были и другие планы.

Быстро прибравшись на первом этаже, взялся за готовку. Чищенный картофель весело дрыгался в чане с кипящей водой, а курочка на вертеле постепенно принимала положенный ей золотистый оттенок.

Не знаю, почему, но именно пюре с поджаренной, а не с сожжённой к чертовой матери курицей, сейчас мне хотелось больше всего, ведь от одного воспоминания того, что мои сёстры называли «супом» — хотелось плевать и бежать куда глаза глядят. Еда настоящих варваров!

Спустя некоторое время, на приятный запах исходивший от мяса слетелись остатки нашего сонного царства. Первой, как и положено, была старшая. Не успев умыться, та потянулась своими грязными ручонками к завтраку, за что и получила деревянной толчанкой по рукам.

«За дело» — ответив на недовольный вопросительный взгляд, шыкнул я, в след за чем сестра, сонно бубня себе под нос, поплелась к колодцу.

Как оказалось, одной упитанной курицы для этих верзил крайне мало. С пеной у рта, словно бешеные и никогда не евшие, женщины за считанные минуты разорвали ту на куски, оставив мне всего два маленьких кусочка. Картошка, залитая молоком и доведенная до однородной массы, так же дамам неплохо зашла, пусть и не как мясо, но всё же. Оставшийся блестеть котелок был отличным знаком успешно завершившейся трапезы.

— Ох, — держась рукой за пузо, сыто простонала Сигрид. — Святой Пётр мне

свидетель — после такой шикарной еды я к готовке Илвы ещё неделю прикоснуться не смогу.

— Да-а-а, сынок, порадовал старуху. — откинувшись на единственном в доме стуле со спинкой, пропыхла мать. — Ты и раньше вкусно готовил, но сейчас превзошёл даже самого себя. С тобой хоть харчевню открывай, мне уже и самой не хочется отдавать такое сокровище Бэтфортам. — Последние слова вызвали на лица родных приятные моим глазам улыбки, глядя на которые я чувствовал некий покой, внутреннее удовлетворение. Их судьба беглецов и скитальцев казалась мне такой близкой и родной. Судьба-негодяйка нещадно поигралась с их жизнями, и, быть может, лишь благодаря этому они всегда с улыбкой и теплом глядели на меня, давая тем самым то, чего я никогда не имел. И самое для меня необычное — так это то, что я хотел отплатить им тем же теплом в глазах. Хотел, но не мог, ведь я никогда и никого по-настоящему не любил.

Покончив с завтраком, я повторно вынес на улицу посуду, а также часть не стиранных вещей, не забыв при этом прихватить с собой и угощения для нашей временной помощницы. Кошка на улице показалась не сразу. Прежде, чем она вышла, я уже успел перемыть тарелки и даже замочить вещи.

— Угощайся. — протянул я той тарелку с одним куском мяса, взятым из собственной порции, и двумя небольшими ложками пюре. Рабыня явно недоедала, при этом много работая физически. Помочь той было несложно, да и к тому же именно благодаря таким вот малым и добрым поступкам мне, являясь настоящим чудовищем, удавалось сохранять человеческое лицо в глазах окружающих.

Отказываться та не стала, и буквально за минуту вылизала деревянную тарелку до блеска, а после, поклоном в пояс, благодарно мурча, протянула ту мне. «Странная традиция» — подумал я, взяв из её рук посуду.

Шершавый язычок кошечки коснулся тыльной стороны ладони, отчего даже у меня на лице проступило настоящее недоумения. «Она что, только что лизнула или поцеловала мою руку?»

— Благодарю, молодой господин, Катара не забудет Вашей доброты. — так и не взглянув в мои глаза, кошка, всё так же громко мурча, забрала одежду, отправив меня домой. «Чудной мир — чудная баба с чудными привычками» — Сказать, что я был удивлен — ничего не сказать. Руки в благодарность за еду мне всё же ещё никто не лизал.

Найдя максимально приличную одежду хоть немного подходившую для светского общества, обитавшего в школьных кругах, я слегка поколдовал над своей причёской и ногтями. «Красавец, как ни посмотри. Ещё бы только от худобы избавиться» — глядя в своё отражение в воде, подумал я, а после перевёл взгляд на небо. Сквозь темные тучи едва пробивался свет. Сильный холодный ветер, намекал, что вот-вот опять начнется дождь.

— Пора. — стоило спуститься мне на первый этаж, оповестила меня и сестёр мать. Две дамочки будут сопровождать своего любимого братишку непосредственно до самой школы. Хельга не собиралась рисковать тушкой сына, а это значит, что с этого момента внимание к моей персоне будет повышенное, и это плохо для моего «ночного я», а пока...

Двери распахнулись, на пороге стояла она. Безыменно одетая в свою белую блузку и короткую юбку, Бьянка ждала меня у входа. Не знаю, сколько та провела в ожидании, так и не решившись зайти. Я поприветствовал её взмахом руки.

Её золотистые глаза бегали по всему моему наряду. Нервно сглотнув, оценив меня, та перевела взгляд на себя и нервно прикусила губу. Она была обеспокоена своим

неподобающим видом.

— Как погляжу, здороваться тебя не учили. — Недовольно набычилась Сигрид, по своему расценившая мой приветственный жест и не последовавший в ответ от ведьмы какой-либо другой.

— Здравствуй, Глауд, хорошо выглядишь. — тотчас подала голос Брун. Этот робкий комплимент был принят Сигрид, и в последствии та даже позволила идти нам рядом. Забавно было наблюдать за этой комичной ситуацией, ведь сейчас для всех немногочисленных жителей, сновавших по улице, я в обществе самой настоящей ведьмы-аристократки и двух вооруженных сталью женщин казался самой настоящей вип-перосной. До рыночной площади и ближайших мостов, связывавших между собой три острова, мы дошли довольно быстро. Не обращая внимание на ещё большее количество появившейся в нашем регионе стражи, на всё так же появлявшихся то тут, то там детей, мы в тишине двигались к этой злосчастной школе. Пару раз от скуки я якобы случайно касался кисти Бьянки своими пальцами, с наслаждением наблюдая за тем, как та краснеет и пытается ответить тем же, а моя старшая сестрица в ответ делает всё, чтобы той помешать.

На берегу знати нас встретил патрульный пост из более чем двух десятков нервных, облаченных в сталь женщин и четырех ведьм. Увидев под шляпой лицо Брунхильды, те, вежливо поклонившись, пропустили дочь командира городской стражи и меня, а вот сестёр развернули восвояси.

С этого дня жителем трущоб запрещалось посещение знатных кварталов без разрешения или указа бургомистра. Некоторое время Сигрид пыталась доказать служившим важность своей миссии, но после того, как той в красноречивой форме предложили засунуть свою миссию в одно место, она была вынуждена отступить. «Дочери командира Эльги вполне достаточно для защиты обычного мальчишки» — чёткой линией подчеркнув разницу в наших с Бьянкой статусах, проговорила воительница.

Напоследок попросив сестёр купить нужных продуктов на ужин, я уговорил тех послушаться и не раздувать из мухи слона. Актриса из Сигрид так себе, а её представление по большей части предназначалось для молчаливой Брун, тем самым Сигрид показывала мою значимость и то, что за меня есть, кому по бороться.

Всего нескольких минут на улицах этого местечка хватило для понимания обстановки на царившей в данном регионе города. Известие о смерти Седьмого перстня, представлявшего интересы самой бургомистра, переположили райончик. У множества дверей стояла стража, обсуждавшая между собой причуды и страхи своих хозяев. Также по пути встретились пару уж совсем странных семей, решившихся на переезд.

Так, одна полная женщина, не слушая просьб своего плаксивого мужа, грузила того вместе с детьми в карету, проверяя имущество в соседних телегах. «Вернетесь, когда я буду уверена в вашей безопасности» — проговорила та, вслед за чем длинная колонна из десяти повозок и более тридцати всадниц, защищавших те, двинулась вперёд.

«Ну не могли же они меня испугаться?»

Тем временем мы достигли развилки. Дорога, упершись в высокие стены особняка, за пределами которого стоял то ли дом, то ли крепость, разделилась на двое. Одна шла вниз, к порту и судостроительной верфи, а вторая — ввысь по склону, к учебному заведению и местным увеселительным заведениям, расстроившимся вокруг неё. Как я и говорил, тут, за несколькими исключениями, обучались взрослые ребятки. Для всех местных первым приоритетом было воинское и ведьмовское искусство, и только после развития их ученики

могли приступить к умственной подготовке. Так, к слову, в первый местный класс могли попасть как шестнадцати-семнадцати летние подростки, так и бывшие служивые сорока лет и старше, нашедшие в своих карманах лишнее серебро для обучения.

К слову, Глауд, пропустивший почти весь первый и второй курс, был на втором году, а Бьянка, прошедшая подготовку в Багре, в перевод на нашенский — на третьем. Проходить учёбу три года здесь необязательно. Даже придя в первый день, ты мог потребовать сдачи выпускного экзамена, и, в случае успеха, сразу получить сертификат. Вот только я не знал, какие именно тут преподаются предметы, да и не нуждался в столь быстром и дерзком рывке. Сейчас, благодаря всё той же школе, я вполне легально мог находиться в самом центре логова моего врага. Требовалось получше изучить причал, места хранения рабов, и то, как их освободить, ведь, если на каждом проклятие, то их восстание становится попросту невозможным!

Учебное заведение выглядело дорого. Ведшая к нему дорога была вымощена из хорошего камня, а цветущие по бокам от неё сады казались чем-то неестественно созданным. Когда вокруг города и на его улицах почва ещё не успела пробудиться ото сна, здесь уже во всю чувствовалось буйство цветов, трав, и даже деревьев, успевших пробудить и показать всем окружающим свои первые лепестки.

К слову об окружающих: каждый из местных учеников имел с собой от одного до трёх личных телохранительниц. Подобного я не ожидал, думал, здесь будут правила или требования, ограничивавшие влияние посторонних, но нет. Телохранительницы являлись неотъемлемой частью доброй половины из местных персон. Кто в стальной броне, кто в коже или шёлке. Ведьмы и воительницы — их здесь было примерно столько же, сколько и самих учеников, и это являлось второй проблемой для восстания. До этого момента я заблуждался в простоте исполнения моего замысла. Тэтэнкоф был большим городом с большим населением и большим числом личной стражи у каждого из местной знати. Если я хотел свержения власти — мне предстояло не только подготовить к этому население и рабов, но и заручиться поддержкой хотя бы нескольких из местных Лордесс и их людей, а это, в свете их интересов и предпочтений, было практически невозможной задачей.

Когда мы зашли в учебный корпус, Брун сообщила о её необходимости посетить местную директрису и предложила пойти с ней. Занятия скоро начнутся, опоздать в свой первый день после возвращения — значит ещё больше привлечь чужое внимание, а с местной управляющей я итак успею познакомиться.

— Ступай, встретимся после первого урока у входа. — Мой ответ не сильно обрадовал ведьму, по факту и явившуюся в этом место только ради меня. Общаться с другими ей неинтересно, решать проблемы, вопросы и прочее тоже. Не став спорить, та кивнула, одарив меня на прощание своим золотистым взглядом.

Из памяти мальчишки выудил воспоминания о местной информационной доске. Быстро нашёл расписание и место лекции группы «Сиеста», к которой, собственно, и был приписан ранее Глауд.

В общей сумме, в этом одноэтажном здании было порядка двадцати разных аудиторий. Несмотря на умственную направленность данного места, о телесном развитии тут также не забывали, и помимо обычных лекций проводились и тренировочные занятия, самые продолжительные, сложные и интересные. Так, тут под воинские науки было отведено три зала: один — для развития магии и шестнадцать — для лекций и обучения, из которых только к четверем имел доступ простолюдин вроде меня.

Все учившиеся в Сиесте могли посещать лекции счетоводов, писарей, историков и библиотекарей. Свободно дать книгу на руки мне, разумеется, не кто не собирались, и изучать местные архивы можно было лишь на всё тех же парах. Глупо, но оправдано, если взять в расчет стоимость всё тех же книг, за порчу которых в этом мире и головы лишиться можно.

Все остальные залы отводились для обучения истинной аристократии: в группах по десять человек учились будущие Лордессы с разных окружных городов, отпрыски самых влиятельных торгашей, а также ставленники от гильдий, имевшие в своих городах статус не ниже тех же аристократок. Именно в подобной группе обучались вредители Штольцгеры, настроившие при помощи своего влияния местных против Глауда. Именно они, по факту, и станут теми, кто приведет меня к своим родителям — всего-то и нужно было выяснить, где те чаще всего бывают, с чем работают, что кушают, — и готово, а дальше дело техники.

В полукруглой здоровенной комнате с множеством столов, расположенных рядами и уходящих ввысь, собралось около двух сотен разношерстных персон. Сотня молодняка галдела, шутила, перебрасывалась между собой острыми фразочками и учебной утварью. Вторая же сотня, хмуро стоя за их спинами, глядела в потолок и на себе подобных стражниц. Ниже и ближе к учительскому столу разместились самые знатные персоны с двумя, а то и тремя плечистыми барышнями по бокам, что своими огромными тушами перекрывали весь обзор сидящим сзади. Далее, чем выше, тем меньше становилось стражи, и тем проще были одеты учащиеся. На галёрке и вовсе я заметил точно таких же никому ненужных отщепенек вроде меня. Пусть на центральных рядах и было много свободного места, но разглядеть оттуда хоть что-то казалось задачей невозможной, для такого коротышки как я. Галёрка — наше всё. Под множество удивленных и заинтересованных взглядов я быстро добрался до верха, а следом, убедившись, что за спиной никто не стоит, шлепнулся в уголке.

«Спиной к стене, нет стены, к пустоте». — В подобных людных местах, где всюду могла прятаться опасность, я предпочитал держаться обособленно, и, по-видимому, это меня и выдало.

Перед самым началом занятий в аудиторию зашли трое. Одна — молодая, стройная, светловолосая дамочка в темном, тканевом наряде, и двое её сопровождавших мечниц-близняшек, показавшихся даже мне на одно лицо.

Одна из воительниц, окинув зал хмурым взглядом, пальцем тыкнула на галёрку — как раз туда, где и расположился я.

«Ну началось...» — Вздохнув, попытался прикинуть, чего же мне ждать от этих очередных плечистых, и каких-то злых незнакомок.

Гремя стально, темнокожие воительницы, элегантно покачивая бёдрами и своими длинными, чёрными косами, уходящими аж до колена, вели свою госпожу наверх, прямо ко мне.

— Исчезни. — Хоть вокруг было и полно свободного места, рыкнула темноволосая, потеснив меня из моего уютного уголка.

— Бога ради, не трогайте мальчишку. — Усмехнулась голубоглазая девица, одетая в дорогой наряд с позолотой, слегка отличавшийся от тех, в которые были одеты седевшие на первых рядах аудитории. — Сдалось нам это место, других мало?

— Минимум потенциальных целей — отличный обзор, спина прикрыта, есть возможность сбежать через окно. Идеальное место. — Хмуро пробубнила вторая стражница. Эта баба своё дело знала.

— Я тебя умоляю, кому мы в этой глуши нужны. — Всех гербов местной аристократии Глауд не знал, но одного лишь взгляда на смуглую кожу сопровождающих, а также на линию загара между воротником и подбородком было достаточно для понимания — их хозяйка богатеяка, приезжая, но откуда? Столица, южные регионы империи? Сколько их, когда прибыли, зачем? Быть может, девчонка — дочь одной из торговок, а быть может и нет...

Показавшаяся в аудитории старуха, облаченная как на похоронах во всё черное, хриплым, но оттого не менее звонким голосом, потребовала от собравшихся тишины и внимания, вслед за которыми велела ученикам достать магические перья, чернила и бумагу. Ни того, ни другого, разумеется, у меня не было, но это не стало проблемой, ведь в подобной ситуации оказались ещё около четырех десятков человек, собравшихся на галёрке и чутка ниже.

На удивление, моя новая соседка, обладая и тем, и другим, не спешила приступить к записи. Зевнув, та, отмахнувшись, отдала команду своей стражнице, и женщина, сев рядом, принялась конспектировать вместо неё. «Поразительно...» — От подобного пофигизма у меня аж глаза закатились, и, заметившая эта соседка, томно вздохнув, улыбнулась, протянула мне кусок бумаги и перо. — Держи, если хочешь, у меня подобного в избытке.

— Какое расточительство, госпожа, он наверняка не умеет писать. — Произнесла вторая смуглая воительница. Доказывать что-то ей у меня не было никакого желания, как и заниматься бумагомарательством, ведь сейчас все эти люди слушали и записывали примеры из начальной школы моего мира. «Таблица умножения была финальным и выпускным элементом на втором году обучения» — эти гордые и напугавшие многих собравшихся слова едва не свалили меня со стула. Нахождение здесь было пустой тратой моего бесценного времени!

— Я с благодарностью приму Ваше подношение, любезная Лордесса. — «На этом занятии бумага точно не пригодится, а вот на следующих, связанных с изучением империей и её правил, возможно. Быть может я даже наткнусь на информацию, требующую более глубокого изучения. Кусок пергамента и этот непонятный магический аналог ручки пригодятся».

Некоторое время разлегшись на учебной парте, девушка гоняла ногами воздух, ковырялась кинжалом в зубах и переплетала конспектировавшей воительнице косу. Она занималась всем, чем угодно, кроме учёбы.

Да и мне было тоже не до этого. С интересом я разглядывал местных стражниц, многие из которых владели экзотическим для меня оружием, а также оснащением, коего я никогда не видел. Таким, к примеру, был один из браслетов сидевшей чуть ниже нас воительницы, в отличие от других, прибывшей в гордом одиночестве. У тыльной стороны её ладони едва заметно поблескивали три закрепленных малых пузырька. Со стороны их никак не обнаружить, и сам я заметил их лишь чудом, когда та копалась в своей сумке в поисках бумаги. Так, к примеру, столкнусь я с этой женщиной на улице, я бы не нашёл у неё пояса с зельями, не смог бы пробить её кольчугу, спрятанную под тканевыми одеяниями.

Шея и лицо — единственные её слабые места, компенсирующиеся неким механизмом по применению зелий, закрепленных на браслете. Возможно, их использовали как пилюли, выдавливая из украшения, или же они при помощи магии впитывались в кожу. Мысли об этом предмете полностью завладели моим разумом и глазами, не сразу позволив заметить, что ко мне обращаются:

— Эй, — толкнула меня в плечо блондинка — ты чего не пишешь, неужели и вправду не умеешь?

— Умею, уважаемая Лордесса, просто, как и Вы, не вижу в этом никакой необходимости. Данные примеры слишком просты и скучны для меня. — Коротко отозвался я, наблюдая, как, недовольно набывчившись, на меня взглянула одна из смуглых стражниц. «Чего она так взъелась?»

— По одеяниям госпожи видно, что она не Лордесса, а лишь Вигельваген, и, не зная этого, Вы собираетесь утверждать о знании счётных наук? Если Вы хотели произвести хорошее впечатление пудом лжи и фальши, то у Вас не получилось. Множество подобных Вам грязнокровок постоянно крутится возле нас, и если ты думаешь...

— Заткнись, Кира. — Фыркнула блондинка и стражница, послушно опустив голову, притихла. — Значит, ты утверждаешь, что способен подсчитать при помощи умножения, без счётов и бумаги, любые однозначные числа? — «Пусть я этого и не говорил, но да» — кивнул в ответ. Женщина являлась кем-то из неизвестной мне касты. Если каким-то образом удастся проникнуть в её окружение, и уж тем более заручиться дружескими чувствами, то одним поводом появляться в этих краях станет больше. Мне нужна была информация, связи и временные союзники.

В следующие минуты на мою голову обрушился поток задачек для первоклашки: от дважды два до своего финального коронного похоронного семью восемь. На все эти детские примеры я отвечал с ходу, и когда распалённая та даже перешла на двухзначные цифры, проверяя мои ответы при помощи бумаги, я продолжал отвечать, отчего рты сопровождавших ту телохранительниц раскрывались всё больше и больше.

— Сто двадцать семь умножить на триста пятьдесят восемь! — Едва не закипая от каждого моего последующего ответа, крикнула Вигельвагенша.

— Сорок пять тысяч четыреста шестьдесят шесть. — Спустя десяток секунд отозвался я, и растерянная Жозефина вопросительным взглядом упирается в записывающую за хозяйкой Каю, но та, запутавшись в записанных своих расчётах, пожимает плечами:

— Я... я, я не знаю правильного ответа, госпожа... — заикаясь, пытается по-новому сложить эти огромные для себя числа женщина.

— Пока не доказано — плевать, что сказано. — Рыкнула Кира. — Считай, Кая, я уверена, он просто так назвал огромное число, думая, что мы не проверим. — злобно глянувшая на подопечную блондинка парой добрых ласковых осадила воительницу, а после,

шантажируя урезанным жалованием, вынудила извиниться передо мной.

— Не ожидала в месте, подобном этому, увидеть юношу, считающего лучше Вигельвагенских счетоводов. Столь молоды и так умны, удивительно... — Затянула лесную песню блондинка. Кажется, я смог её заинтересовать.

Ответив любезностью на любезность, поблагодарил гостей нашего города за сказанные комплементы и перешел непосредственно к делу, а именно — к допросу. Как оказалось, Жозефина и вправду прибыла к нам издалека. С южной границы, если быть точнее. Её мать занималась покупкой и перепродажей рабов. Обычно они приезжали и гостили на севере всего пару дней, но, когда бургомистр сообщила об изменении налогов, мать Жозефины тотчас заявила о том, что дочь останется здесь как её представитель, а сама на первом же корабле отправилась за новой партией живого груза, коего в этих местах скоро станет гораздо больше. Также из её слов я узнал и о большинстве здешних представителей молодежи. К примеру, бóльшая часть из находившихся внизу являлись потомками побочных ветвей Лордесс — детьми второго сорта, не лишёнными богатых покровителей. Чуть выше расположились такие же, как и сама блондинка Вигельвагены, ну а о тех, кто ещё выше, она и думать не хотела. Также, к слову, та не поверила, что и я обычный ребёнок кузнеца, при этом не забыв надо мной подшутить.

— Пока настоящие, крепкие дети плавящих металл развлекаются с женщинами, такие порядочные худышки вроде тебя могут позволить себя спать разве что с числами или игрушками. — Её слова сильно позабавили Киру в тот момент, когда Кая лишь с сожалением поглядела на меня. Кажется, непорочная простота тела Глауда привлекла к себе ещё одну сильную женщину.

Как и сказала всё та же Кира, мы были людьми разных положений, и вокруг богатейки частенько вились мальчишки, желавшие её внимание, — так, к слову, когда я пару раз переводил своё внимание на преподавательницу, говорившую о чем-то другом кроме детских задачек, замечал, как, томно оглядываясь на наш ряд, вздыхали парни снизу, пытаюсь своими улыбками привлечь богатейку. «Мерзкая картина, ей богу».

Сама же Жозефина спокойно говорила со мной на равных. Общительная, красноречивая и остроумная — полная противоположность Брун. Как мужчина я ей был неинтересен, а как собеседник и нестандартная личность — на раз-другой вполне годился.

Забывшая, где мы находимся, она, рассказывая некую байку, привлекла к нам ненужное внимание преподавателя. Желая проучить нас, женщина поднялась по лестнице и с укором стала отчитывать не Жозефину, а именно её стражу и меня в том числе. Теперь каждый из присутствующих, успевший позабыть моё имя, знал «Глауд Вольф, не показывавшийся в академии больше полутра лет, не уважает учителя счётных наук», а я ведь той даже слова не сказал...

Вслед за её репликой по аудитории поползли перешептывания. «Бродяжливый кобелек вернулся» — послышалось откуда-то снизу, вслед за чем лёгкий смешок пробежался по залу, и даже сама преподавательница не постеснялась показать мне свою желтозубую и неприятную улыбку.

— Я надеялась, что Вы более умны, чем о Вас говорят, и мы больше не увидимся, — Прошипела кляча, из рта которой с токсичными словами, вырывался такой же, не менее токсичный запах стухших яиц. — но, увы, вчерашние рабы совсем позабыли о чувстве самосохранения.

Попытавшаяся встать на мою защиту Жозефина была тотчас принудительно

остановлена своими стражницами. В этом «святом» месте почти никто не имел права оскорблять или, тем более, нападать на учителя. Это было чревато не только исключением, но и куда более тяжелыми последствиями. Видя, что не все местные ученики её поддерживают, Присторелая лордесса не забыла упомянуть и мой статус, и статус моей семьи, добавив об неэтичности общения знатных особ с подобными мне.

Все, кто ещё не так давно смотрели на простолюдина Глауда с сожалением, резко отвернулись. Личная неприязнь преподавателя чувствовалось в каждом хриплом вздохе, каждом токсичном слове. Испытывала ли она удовольствие, издеваясь надо мной? Разумеется, вот только в её глазах было видно, что делала это она с чьей-то подачи. После каждой своей шутки она глядела вниз, за каждым осуждающим словом ждала какой-то реакции с первых рядов. Штольцгеры, сукины дети, без них тут явно не обошлось... И эта мерзкая жаба, по-пустому коптящая воздух, будет первой, кого мне придётся заткнуть.

— Скажите, сколько нынче платят за унижение учеников? — Мой резкий вопрос выбил из привычной позиции раскудахтавшуюся наседку, и пока та мешкала, требовалось наступать. — Вы не подумайте, знаю, учителя не самые богатые люди в нашем городе, и я понимаю Вашу заинтересованность в деньгах, выделяемым семейством Штольцгер для моей травли, и если у Вас действительно есть какие-то проблемы, — я готов обратиться к своим знакомым из семьи Бэтфорт. Уверен, если на Вас оказывается давление, то госпожа Эльга, — давняя подруга моей матери, — без колебаний вступится за Вас. — Говорил я чётко, во всеуслышание, отчего немая пауза повисла в аудитории.

— Да как ты смеешь! — Взорвалась негодуяще старуха. — Я же учитель с многолетним опытом, и была обязана сделать нерадивому ученику замечание! Это не уважение, я буду жаловаться директору и настаивать на твоём отчислении, щенок! — «Жалуйся, кому захочешь. Эльга, для которой я единственный шанс отправить свою дочь в престижнейшую Багру, все равно вас всех на место поставит. К тому же...»

— В подобном случае, я, Жозефина Кэтингем, выступлю в роли свидетеля и защитника молодого Глауда. При всём уважении, наставница, я и мои слуги отчётливо слышали Ваши слова. Парень долгое время не ходил на занятия, а Вы, как и это заведение, получив плату за обучение, этому и рады были?! Не говорит ли это о прямом нарушении ученического устава? Статья первая, подпункт пятый, каждый имеет право на беспрепятственное обучение и защиту. Защиту, мисс, коей Вы, как я поняла, парню так и не дали? — «А у голубоглазой-то есть зубки?! Даже уставы по пунктам знает. Эта мелкая торговка явно не так проста, и в моем мире стала бы хорошим юристом!»

— Вы этого не докажете, Жозефина, Вас тогда и в Тэтэнкофе не было. — Покраснев от злости, сбавив тон, прошипела старуха.

— А я и не планирую. Обвинять будете Вы, а мы с милым Глаудом лишь защищаться, и, поверьте, последнее мне, моей матери и семейным констеблям рода Кэтингем, имевшим опыт службы в имперской страже, даётся куда лучше именно защита. Пока не доказано — плевать, что сказано. — Приподнявшись со своего места, самодовольно прошептала старухе Жозефина.

Удар колокола, а следом и поднявшийся в аудитории гул завершили первую в моей жизни лекцию в ином мире. Из плюсов: я был уверен, что эта старая копия бородавочника, одетого в человеческие одежды, завалить на финальном экзамене меня не сможет. Отчего-то мне казалось, что для подобного ей понадобился бы калькулятор или целая счётная палата. Также мне каким-то образом удалось обзавестись крайне влиятельной знакомой. Пусть ту

сейчас и отчитывали её же слуги, но я был той благодарен за оказанное внимание. Ну а в третьих: во время нашей перепалки я всё же заметил того, кто представлял в нашем конфликте интересы третьей стороны.

Мальчишка с каштановыми волосами сидел в окружении сразу трёх телохранительниц. Вслед за завершившимся уроком и потерявшими к нам какой-либо интерес учениками, старуха не поспешила с позором покинуть аудиторию, а направилась именно к нему, дословно пересказывая каждое моё слово, и уже через каких-то пару минут к нам с Жозефиной двинул сам рыжик со всей своей многочисленной свитой.

Крепыш был на голову выше и в полтора раза шире меня. На его поясе, как и на поясах его друзей, красовались позолоченные мечи. За спинами же мальчишек стоял десяток боевых женщин. Некоторое время парень играл со мной в гляделки, а после, переведя взгляд на девушку позади меня, проговорил:

— Это не ваше дело, Жозефина Виг* Кетингем. Этот засранец не стоит того, чтобы из-за него ссорились такие богатые семьи, как Штольцгеры и Кетингем. Он оскорбил учителя и должен понести наказание.

— Забавно, а мне показалось, что именно учитель первым высказал неуважение. — Подмигнув рыжику, проронила блондинка. Кажется, беснующий отпрыск пришёлся той по вкусу.

— Он всего лишь грязный... — Стиснув зубы, не обращая на меня внимание, зашипел пацан.

— Он — вольный горожанин города Тэтэнкоф, и теперь находится под покровительством и защитой моего дома. Ещё одно слово, Эрен, и мы будем говорить с тобой и твоей семьёй совершенно по-другому. забыл своё место? Я напому. Ты всего лишь третий по счёту отпрыск, родившийся от любимого слуги, а я — прямой потомок. Пусть наши матери одинаково плохо относятся к Бетфортам, но ещё одно слово, и клянусь, я встану на их сторону, а вместе с этим и перетяну на неё свою мать. Выбирай. — Издав гортанный рык, здоровяк Эрен, обозвав меня парой добрых слов, отправился восвояси, а я, в очередной раз, вынуждено поблагодарил свою спасительницу.

— Да ладно, если в семье кузнеца такие счетоводы и смельчаки, то боюсь представить, какие там Плавающие метал*. Кстати, ты и вправду знаешь Бэтфордов? Можешь меня познакомить с Бьянкой? — А вот и то, ради чего всё это затевалось. Не по доброте же душевной одна из возможных соратниц Штольцгеров вступилась за меня. Возможно, эта коварная синеглазка с самого начала знала, кто я, и всё это было лишь маленьким представлением для главной цели — возможности проникнуть в окружение несговорчивой и нелюдимой Брунхильды.

— Разумеется, я как раз собирался вас познакомить. — Глядя в эти хитрые довольные глаза, проговорил я.

Виг* — Сокращение от титула «Вигельваген», использовалось для выделения статуса персоны Жозефины.

Плавающая метал* — Женщина-кузнец

— Что за кошёлка? — С прищуром выдала Брун, когда мы вместе с Жозефиной оказались у главного выхода.

— Следи за зубами, Бэтфорт, или... — Вступилась за хозяйку Кира.

— Или что? — Рука Бьянки легла на кинжал. Кажется, та была на взводе. Ей требовалось куда-то выплеснуть всю негативную энергию, накопившуюся за время, проведенное на лекции.

— Или пожалеешь. — Ответным жестом смуглокожие сёстры шагнули вперед, взявшись за мечи.

— Ведьмы ни о чем не жалеют. — Во второй руке Брун полыхнул посох, и сёстры, спинами пряча свою госпожу, тотчас стали пятиться назад.

— Поразительно. Так, значит, ты и вправду закончила первый курс Багры? — Глядя на посох, вынырнула из-за широких спин своих телохранительниц Жозефина. Её детские глаза и неподдельный интерес к оружию и посоху Бьянки ничуть не смутили ведьму, напрашивавшуюся на добрую драку.

Решительности в действиях смуглых воительниц поубавилось, когда те узнали об уровне подготовки Брунхильды. Разница в их силах и способностях была слишком велика, но лишь ради восстановления чести своей госпожи строптивая Кира продолжала лезть тигру в глотку.

— Извинись перед хозяйкой. — Потребовала та.

— Слабаки вроде вас не в праве у меня чего-то требовать. — Драка была неизбежна...

— Ты всего лишь ведьма без эскорта, не уважающая силу стали и мощь наших тел. Кажется, тебе пора преподать урок. — Сунув руку в кошель, смуглая Кира, схватив горсть медяков, кинула их прямо в Брунхильду. Монеты со звоном посыпались на пол, привлекая внимание собравшихся. Именно таким жестом в этом мире вызывали на поединок.

— И что, ты вот так позволишь своим подчиненным действовать без твоего на то согласия? Как я понимаю, ты сражаться с ними в тройке не планируешь? — Обратилась к Жозефине Бьянка.

— Боже упаси, ты ведь из Багры, зашибешь ещё ненароком, а я, между прочим, единственная наследница. А вдруг, ещё хуже, калекой останусь, как мне потом перед милым Глаудом в мире показываться? — После этих дразнящих слов, уже рука Бьянки полезла в кошель за монетами. Кажется, она намеревалась вынудить Кэтингем почувствовать в этой дуэли. — Шучу-шучу, он не в моём вкусе. Пожалуйста, Брун, давай обойдемся без жертв в твой первый учебный день.

— Согласен, Брунхильда, эти женщины на занятии отстояли мою честь, защитив от нападок со стороны преподавателя. Пожалуйста, не убивай их. — Играя роль пай-мальчика, прижавшись к Бьянке и схватив ту за руку, коей девушка держала кинжал, проговорил я, отчего бедняга, смутившись, опустила свой клинок.

— Меня сейчас стошнит... — Видя такое наше поведения, выругавшись, заявила Кира. «Меня, если честно, тоже. Вести себя как самая настоящая женщина из моего мира забавно, но немного противно».

— Лишь ради тебя, Глауд, я сохраню этой уродине её обсмаленное солнцем лицо.

В предвкушении боя между ведьмой и обычными людьми, Жозефина, прибывая на седьмом небе от счастья, весело высказывала мне свои предположения о том, как

завершится битва. Девушка совершенно не стеснялась ставить на победу Бьянки. Так, с её же слов, у сестёр было примерно десять процентов на победу. И поражение её свиты, ту совершенно не заботило.

Для дуэли столь знатных особ несколько учителей поспешно выделили тренировочную площадку, а также, заботливо оповестив своих учеников, собрали целую толпу зрителей, в основном болевших за свою фаворитку и представительницу города Брунхильду. Та являлась местной знаменитостью, и то, сколько парней радостно выкрикивали её имя, немного смущало лишь на меня поглядывавшую с центра арены девушку.

— До первой крови? — Словно гром среди ясного неба прозвучал вопрос мужчины в мантии учителя, и все мини-трибуны тотчас замерли в тишине. Так же молчали и воительницы, ногами пытавшиеся прочувствовать мягкий песок под собой.

— До потери сознания? — Вновь спросил тот, и девушки, щекоча нервы всем собравшимся, кивнули. Судя по всему, был ещё и третий, более кровавый вариант решения местных проблем и споров.

Никаких правил, никаких ограничений. Ставший за судью учитель, подчеркнув, что убийство недопустимо, отошёл в сторонку и произнес:

— Бой! — А следом тотчас извлёк из-под плаща ремень с более чем двадцатью флаконами исцеления, болтавшимися на нём в колбах.

Вздымая пыль, Кира с места бросилась на Бьянку. Она желала зацепить ту прежде, чем ведьма успеет сотворить заклинание. Клинок блеснул в её руках, и когда до Брун осталось каких-то полметра, та, замахнувшись, отказывается от удара, уходя в сторону.

Две стрелы, выпущенные из ручного арбалета, припрятанного в перчатке Каи, тут же влетают в невидимый щит Бьянки, вслед там же застревает и сабля Киры. Невидимое поле буквально перемалывает деревянные стрелы и вырывает оружие из рук разгоряченной воительницы. Оставив рукоять своего изогнутого клинка, Кира продолжая атаку вытаскивает из-за спины два парных клинка. Используя магию ускорения, смуглая воительница на время буквально растворилась в воздухе, а после, из неоткуда выныривает уже за спиной неподвижной Бьянке, таранной атакой пытаясь пробить прочное защитное поле. Влетев лбом в невидимую стену и вызвав лёгкую рябь в воздухе, Кира отлетает в сторону, вслед за чем ещё пара стрел и какой-то брошенный нож вновь застревают в барьере. Перейдя в рукопашную, обе сестры бесполезно рубят и кромсают воздух, на что Бьянка, лишь довольно улыбаясь, играя на публику, показушно поправляет юбку.

— Ведьму может победить только другая ведьма. — Вслед за этими словами, из уст Бьянки вырывается какая-то тарабарщина, а после — щелчком пальцев, она создаёт звуковой хлопок, а вместе с ним и волну, разбрасывающую воительниц в разные стороны. Обе сестры лежат в отлучке, поединок завершён полной и безоговорочной победой Брунхильды.

«Пиз**ц» — невольно вырвалось из моих уст. Как я только смог убить тех двоих? Не понимаю...

Публика ликует, мужчины скандируют имя Бьянки, а та, как ни в чем не бывало, перешагнула через поверженных воительниц подошла к учителю. В руках наставника блеснул некий предмет, вскоре оказавшийся у ведьмы в кармане.

— Освобождение от магических занятий. Мы не в Багре, и вряд ли в этом месте найдется хоть один наставник, сравнившийся бы с Бьянкой по чистой магической силе. Заранее вручив той аттестат по данной науке, они смогли сохранить перед учениками своё лицо. — Без каких-либо переживаний о своих подопечных, произнесла Жозефина.

— Эта невидимая стена, которую та использовала, знаешь о ней что? — Кэтингем так же имела свои интересы на Бэтфрт младшую. Сейчас, после проверки её людьми способностей Брун, я уже не сомневался. В глазах молодой Вигенвагенши прямо пылало желание как-то использовать Бьянку, вопрос оставался лишь за тем, как именно она собиралась это сделать.

— Немного. — Почесав макушку, отозвалась блондинка. — Это очень маназатратное и сильное заклятье, идеально подходящее для скоротечных сражений в дуэльном или турнирном виде поединков. Чем менее заметна стена, тем лучше её создательница контролирует свою манну. Твоя подруга вышла на арену уже с заранее подготовленным заклинанием. Эта ведьма своим подлым приёмом буквально вынудила моих стражниц рвануть в бой первыми, в надежде не дать той сотворить защитное заклятье, но...

— Но оно было сотворено ещё задолго до того, как мы появились в академии. — Выплеснувшая весь накопившийся негатив на попавшихся под руку Каю и Киру, слегка посвежевшая Бьянка даже с лица похорошела. Вполне возможно Бьянка с самого утра готовилась к чему-то подобному.

— Эльга опасается нападения людей Штольцгеров на Глауда. По этому и велела мне быть во всеоружии. Кстати, надеюсь, Вольф, ты не забыл главное требование?

— Требование? — Непонимающе переспросил я у ведьмы.

— Мы становимся семьей, а взамен ты помогаешь мне с учёбой. — Лицо Бьянки было красным как бурак, кажется, таким вот незамысловатым образом, не привыкшая клеить парней ведьма, хотела загнать Глауда под свой каблук. Ещё бы, после столь сокрушительной победы и всех тех лестных од, воспетых в честь неё другими мужиками... «Вот только, кто кого ещё под каблук загонит, милочка?».

— А когда это я согласился стать твоей семьей? Между прочим, Кэтингем так же не дурна собой, и весьма обеспечена. Может, я её выберу, а? — Слегка отдалившись от Бьянки, едва заметно плечом коснулся груди Вигенвагенши, отчего та, глядя выпученными глазами на расвирепевшую Брун, резко попятилась назад. «Не только тебе, девчонка, использовать меня в своих целях».

— Бьянка, успокойся, а ты, Глауд, не приплетай меня к этой истории! — Когда ведьма в очередной раз потянулась в свой карман за монетами, затараторила торговка. Брун совершенно не понимала человеческого юмор, не признавала других женщин, и вообще, в очередной раз, после моих слов замкнулась в себе. Все здесь собравшиеся для неё были лишь массовой толпой, в толпе которой та постоянно держалась позади меня. Послушный и безвольный зверёк нуждался в хозяине, который направил бы всю её энергию в нужное русло.

Странная система местного обучения казалась за пределами максимально нежизнеспособной. Между первым занятием, шедшим около полутора часов, прошел перерыв, длиною в час, вслед за чем вновь прозвучал колокол, созывающий учеников на занятия. Отказавшись идти на лекцию «писарей» своего курса, Брунхильда увязалась за нами с Жозефиной. Последняя, кстати, дождавшись, когда её подопечные придут в себя, уже и сама не рада была тому, что связалась с ведьмой. Ревность Брун её пугала, а также заставляла беспокоиться о безопасности хозяйки телохранительниц, ведь, по факту, тем даже прикоснуться к Бьянке так и не удалось. Дружеской атмосферой и не пахло...

По длинному и широкому коридору, увешенному здоровенными портретами бывших учителей этого заведения, мы шли в сторону аудитории, пожираемые сотнями непонимающих и осуждающих взглядов. Картина максимально комедийная: лордесса,

торгашка и нищий. Благо, мне и окружавшим меня дамам было абсолютно безразлично чужое мнение.

Очередная большая аудитория, ещё не успевшая заполниться учениками, встретила полупустыми рядами на всех своих высотах. Желая показать силу и влияние, Брун жестом предложила занять первые ряды, вызвав усмешку на лицах сопровождающих нас воительниц. «Спина прикрыта, имеются пути для отступления» — именно с этими мыслями все мы вновь неспешно разместились на последних рядах, где всё та же ведьма чувствовала себя максимально не комфортно. Все её классовые привилегии, старания и усилия по моему обольщению аннигилировались нашей со стражницами Жозефины простотой.

Длинные столы верхних рядов были цельными, с такими же цельными лавками. Опасаясь вторжения в моё личное пространство, Бьянка, села от меня на расстоянии двух локтей. «Кажется, я слегка переборщил» — видя печальные глаза и то, с каким опустошенным видом та пытается записывать диктуемый материал, подумал я.

Писать та не умела от слова совсем. Путала буквы и стороны, в которые они смотрели. Так, вместо обычной «И» у нас появлялась необычная для этих мест «N», хвостик «У» смотрел в совершенно другую сторону, а буква «Ш» и вовсе заменяла той пару-тройку других букв. В купе с отвратительным почерком, понять написанное становилось невозможно. Язык моего мира и здешний были идентичными на девяносто девять процентов, исключением являлись лишь новые титулы и слова, обозначающие исконное и незыблемое главенствование женщин в этих землях, могли меня слегка запутать. Вот только от этого мне — человеку, некогда изучавшему графологию*, проще не стало.

Взяв выделенный в моё пользование листок, подаренный Кэтингем, я вплотную пододвинулся к Бьянке.

Сначала требовалось восстановить осанку, ибо со спиной, выгнутой дугой, много не позанимаешься: затекут плечи, нарушится кровоток, а вместе с ним ты быстрее устанешь, устанут твои глаза, вслед за чем занимающийся, отвлекаясь на неудобства, полностью растеряет свою концентрацию, а вместе с ней и интерес к своему занятию. Далее — перо, тут уже и мне самому пришлось сначала приловчиться. Магия магией, а залить листок огромной черной кляксой было секундным делом. Двумя руками я помог той правильно расположить пальцы, приловчиться с силой давления на пергамент и выбором размера букв для письма. Здесь не было линейчек, не было строчек — лишь чистый лист.

Попросив у той же Бьянки её кинжал, я сделал вид, что хочу использовать его как линейку для черчения нужных зон, а сам тем временем попытался ощутить хоть какую-то разницу между оружием ведьмы и моим. Ничего. Помимо кривого лезвия, совершенно не подходившего в качестве линейки, я не заметил ровным счетом никаких отличий. Возможно, они при помощи своей силы как-то активировали прорубающие защитные поля способности оружия. данный вопрос требовал более глубокого анализа, но позже. Вернув оружие, я на глаз расчертил несколько строчек, слегка неровно, но на первый раз сойдет. После, выведя возле каждой заглавные и малые буквы, потребовал от Бьянки медленно и красиво прописать каждую, вслед не забыв добавить, что, если ей удастся вывести хотя бы одну подобающую букву, то я разрешу ей сводить меня в кабак или пивную. Жозефина тотчас возразила, мол, мужчине нечего делать в подобных местах, а Бьянка, лишь хихикнув, принялась за работу, «Я угощу тебя самым лучшим тэтэнковским элем» — проговорила та, уже успев прикинуть, как напоит меня и будет делать всякое. Брун была той ещё девицей, однако и я ведь тоже не подарок, да и к тому же молодое тело требовало разрядки. Мне всё

сложнее становилось общаться с полуголой ведьмой, сохраняя при этом спокойствие.

С интересом оборачивающиеся ученики, а также их немногочисленные стражи, расположившиеся на верхних рядах, стали постепенно сползаться к нам, прислушиваясь к пояснениям и советам, коими я нещадно посыпал уши пыхтевшей над клочком бумаги Бьянке. Некоторые, игнорируя наставницу, рассказывавшую о "бабочках" и мудрёных словах, зародившихся в «какие-то века и какие-то года», стали так же практиковаться в прописи. Занимавшаяся до этого конспектирование на уроке местной математики Кая с радостью уступила место своей вечно злой и недовольной сестре. Как оказалось, смуглянки имели проблемы в разных дисциплинах, и Жозефина, получившая хорошее образование, уже давно могла бы сдать все положенные экзамены, да только не желала этого, ведь после учёбы той пришлось бы проводить всё свободное время в материнских делах, а та была слишком ленивой. Так говорила она, попутно объясняя своим подчиненным те или иные вопросы, касаемые учёбы. Голубоглазка заботилась о своих подопечных, она знала о ценности образования, и попутно пыталась обучить всему своих стражниц, считавших это лишь глупой прихотью со стороны щедрой хозяйки. Это трио было весёлой компанией, где каждый заботился о каждом.

Тем временем, в очередной раз из-за всеобщего внимания мы навлекли на себя хмурый, не сулящий ничего хорошего взгляд молодой бледнокожей преподавательницы.

Ледяная Гера, или в простонародье Гертруда, — с виду молодая и неопытная девица на самом деле являлась первоклассным алхимиком с богатым жизненным опытом и двумя освободительными войнами за спиной. Этой сорокалетней особе, каким-то магическим образом удалось сохранить личико, да и фигуру, коей могла позавидовать даже Виг Жозефина. Пусть преподавательница и пыталась всеми силами скрыть свои прелести под мешковатой темной мантией, но пропустить подобное мой острый, мужской глаз не мог. Да и к тому же Глауд помнил её, как единственного учителя, к которому сам проявлял симпатии, ведь та никогда его не задирала. Требовательная к своему предмету, стриженная под каре, с необычным красным оттенком глаз, Гера казалась холодным, бледным трупом, напоминавшим больше злобного вампира, нежели хорошего человека.

— Ранее, кажется, Вы уделяли больше почтения и внимания моему предмету, молодой Глауд. — В полный голос протянула она, всё так же сидя на другом конце аудитории за своим учительским столом. «Опять он» — захихикали в кабинете. «Точно отчислят недалёкого» — поддержав друга, подтвердил другой голос.

— Молчать! — Рывкнув, прервала все последующие смешки Гера. — Вас не затруднит объяснить мне, почему уважаемая Бэтфорт находится здесь, рядом с Вами, когда занятия её группы сейчас проходят в другой аудитории? — «Твою мать, и вправду могут отчислить, ведь сейчас меня действительно отчитывали за дело. Из-за своей увлечённости, я позволил себе лишнего...»

— Прошу меня простить... — Эта женщина являлась достойным человеком, извинившись и признав тем самым свою ошибку, я бы мог отделаться простым испугом, но резко подавшая голос Брун вновь спутала все карты.

— Потому, что Виг Хнора — тупая баба и ужасный учитель. — Не вставая с места грубо произнесла Бьянка. Причиной такому её поведению служил статус. Сейчас Брунхильда, несмотря на все правила учебного заведения, находясь на занятии низшего по статусу преподавателя, одним лишь своим присутствием оказывала той честь, и недовольства Геры той казались надуманными и предвзятыми.

— Даже так... — Хмыкнула наставница, для которой титул Бьянки, ровным счетом как и для меня, ничего не значил. Поднявшись со своего места, та, громко постукивая своими спрятанными под мантией каблуками, по лестнице направилась к нашему ряду. — Покажите то, чему Вас не смогла научить уважаемая Хнора, и чему смог простолюдин Глауд. — Гордые и весьма продуманные реплики Гертруды вызвали очередную волну перешептываний, раскатившуюся по залу, и в этот раз, намереваясь серьезно пристыдить нерадивых учеников, та не стала их сдерживаться.

— Пожалуйста. — всё так же стоя в полупоклоне, я передал той в руки прописи.

— У Лордесс Бэтфорт проблемы с буквами «Ш», «И», «П»? — С ходу оценив каждую из каракулей, преобразавшихся лишь к концу строки, спросила Гера, и я положительно кивнул. — Многократное повторение и переписывание — это основа всех основ... Хм... А зачем здесь эти линии? — Разочарованно вздохнув, спросила Гера, намеревавшаяся увидеть нечто большее.

— Это не просто линии, уважаемая Гертруда, — отозвался я, подойдя чуть ближе и ткнув пальцем в одну, а после и в последующие. — каждая из них имеет свою высоту и создает приблизительно равные по размерам строки. Так, к примеру, как Вы и сказали, через многочисленные повторения ученик при помощи мышечной памяти сможет запомнить, какой по размерам должна быть заглавная буква, а какой — малая. Да и к тому же, не знаю, чему ведьм учат в Багре, но, смею предположить, что язык их отличается он нашего, людского, и у Бьянки в письме частенько проскакивают неизвестные мне символы.

Поднеся ко рту указательный палец и прикусив того своими белоснежными зубками, Гера задумалась, а после, кинув на стол листок и стянув с ладоней темные перчатки, несколько раз хлопнула в ладоши.

— Блестяще Глауд. И Вы, лордесса Бэтфорт, прошу простить за то, что усомнилась в способностях Вашего наставника. Могу я узнать, у кого за годы Вашего отсутствия Вы научились подобному каллиграфическому навыку?

— Долгая история, уважаемая Гертруда. — Растянув лицо в наигранной улыбке, отозвался я.

— Превосходно, я обожаю долгие истории. — Ещё раз хлопнув ладонями, проговорила женщина. — Итак, Глауд, Брунхильда, после занятий жду Вас в своём кабинете на чашечку чая, а пока прошу быть немного тише.

С этими словами рухнули мои надежды на прогулку по портовой области, а также мечты о кабаке Брунхильды. Старуха Хельга четко дала понять, во сколько я должен был быть дома, и мне, как пай-мальчику, несильно хотелось её разочаровывать. Ну, если только совсем немного...

Графология* — наука, изучающая почерк.

Третьим занятием было вольное посещение «читательских залов». Нас буквально загнали в здоровенный пыльный кабинет с пятью старшими наблюдателями внутри, вынудили взять в руки какие-то книги и делать вид, будто мы читаем. На самом-то деле, чем только местные ребята тут не занимались.

Одни, попрятавшись за дальними стеллажами, пили вино; другие во всю кокетничали с дамами и мужчинами других потоков явившихся сюда за развлечениями. Даже заметил пару стражниц, пристававших к смазливому парнишке с собачьей улицы. Строя из себя недотрогу, тот набивал цену, пока желавшие «расслабиться дамы» подсчитывали имевшееся с собой серебро.

Я же с Бьянкой разместившись за одним из множества свободных письменных столов, продолжал поглядывать за тем, как она старательно выводит буквы, между делом почитывая «Хронику городов севера».

История данного региона насчитывала за собой множество странных происшествий, объяснить которые без вмешательства высших сил было попросту невозможно. Так, к примеру, история освоения этих земель началась с того, что уставшая от бесконечных войн имперская семья, собрав «Великую тысячу», состоящую из лучших воительниц и ведьм, отправила ту на север в надежде найти пригодные для существования людей земли. Первая же преграда, с которой столкнулись местные, унесшая жизни более трети всей группы, — цепь непреодолимых гор, именуемая Ледяными Копиями.

«Нависшие над южной границей темные скалы, чьи ледяные шапки невозможно разглядеть под облаками, бесконечными снежными лавинами губили храбрых мужей и жён юга, а холодные ветра и воздух, создателем коего являлась сама смерть, не позволяли ведьмам её величества перелететь сквозь божественную преграду, за коей продолжал скрываться не тронутый человечеством север». — Именно такими были первые упоминания и попытки освоения дальних рубежей перед тем, как Вигенвагенши, потерпевшие в море кораблекрушение, случайным образом миновав «Пасть Карибдуса» — до этого непреодолимую водную преграду на тот же север, — попали на вполне себе обитаемые и пригодные для жизни берега, температура на которых была куда выше, чем в регионе Ледяных Копий. Оправдывалось такое климатическое явление, несшее за собой вполне сносные зимы, теплым течением, заканчивавшим свой путь у берегов Тэтэнковского региона. Местные аборигены с добротой и радушием приняли потерпевших кораблекрушение пришельцев. Напоили, одели, и даже помогли тем добраться до другой стороны Копий, где одна из Вигенвагенш и обнаружила устье знакомой «Темной реки», чьи воды были неестественно черными. Как оказалось, под скалами проходила подземная река. Очень узкая и местами опасная, она едва вмещала в себе небольшое северное каноэ, используемое местными как главное плавательное средство. Как итог, отчаянные торговки, искавшие путь дамой, и стали теми, кто проложил первые пути на север. И уже спустя полсотни лет, империя, проложив два маршрута по реке и морю, полностью захватила и подчинила себе местные племена, утопив северных спасителей своих поданных в собственной крови. «Люди одинаковы во всех мирах».

Следующая попавшаяся мне книга описывала столичный быт, а также привычку южан носить под теплыми одеждами эльму — ткань, способную настывать и становится холодной

от любого дуновения ветра. Если на юге такое отлично помогала в противостоянии жаре, то на севере носили одеяния из подобной ткани разве что в конце лета — перед или во время жатвы. «Ничего интересного».

Далее следовала книга, на неизвестном ломаном языке, чьи символы лишь отчасти могли напоминать буквы. Именно подобные загогулилки я порой и замечал у Бьянки, подсознательно использовавшей для себя более понятный язык. «Книга заклинаний?» — Мелькнувшая мысль в моей голове вызвала интерес и азарт, пробежавшийся дрожью по всему телу. А вдруг я смогу освоить ту самую магию? Смогу летать и становится невидимым, а также пользоваться силой без зелий, уничтожавших мои рецепторы. Ведь, лишь спустя некоторое время, когда слух и нюх стали восстанавливаться, я понял, насколько губителен для организма скоротечный прилив энергии.

Дождавшись, когда моя ручная ведьма закончит со своим «заданием», вернувшись за стол, я положил перед той книгу на неизвестном языке.

— Можешь прочесть? — спросил у той я, на что Бьянка, ухмыльнувшись, прочла лишь пару слов, а затем, с коварством поглядев на меня спросила:

— Неужели, всезнающий учитель, не знает селезийского языка южных ветров и первых ведьм? — В её голосе чувствовался сарказм. Подыграв той, я подтвердил свою неосведомлённость, на что ведьма, опять хихикнув, вновь спросила: — И что мне за это будет? «Компания искавшей во всем выгоду Кэтингем слишком сильно и быстро тебя портит, Бьянка». Хмыкнув, я предложил ей самой выбрать свою награду, а после, вновь тыкнув пальцем в книгу, потребовал: — Читай.

И почитала Брунхильда на отлично, бегло, с чувством, толком, расстановкой, в принципе, так же, как и перевела детскую силезийскую сказку. «Чего я только ждал...» — глядя на весело хохочущих Киру и Каю, тяжело вздохнув, я отправился обратно к стеллажу, поместив рассказ о юной путешественнице обратно на полку. Было ещё несколько разнотипных книг о ремёслах, алхимии, и селезийских притчах, из которых я не смог извлечь и пары полезных предложений. Названия трав, городов, регионов и прочего... О всем говорилось как о чем-то естественном, мол, все и так всё знают, но ни одной карты или картинки, банального рисунка я так и не нашёл. Возможно ли найти нечто подобное в открытом доступе, или для этого требуется доступ к более секретной и закрытой информации? Быть может, Лордессы имели доступ к другим местным залам. Опрос Бьянки ничего не дал. Такого здесь отродясь не было.

Я был разочарован. Разбит, подавлен, но ровно до того момента, когда мы, пообедав, явились на последнее сегодняшнее занятие. Физическому развитию и крепости тела в этом мире уделялось особое внимание. Почти каждый из окружающих нас говорил о зельях, укреплении, магии, и о том, как бы попасть в столицу, Багру, или на службу имперскому роду. В торгаши из черни рвались единицы, да оно и неудивительно, ведь там для начала дела требовался стартовый капитал, который, в свою очередь, сколотить честным трудом мог или весьма удачливый, или на руку нечестный гражданин. А личная сила, так же способная открыть перед обладательницей множество дверей, являлась вещью бесплатной, и той, у многих собравшихся было даже в избытке.

— Разбейтесь на пары, выберете партнёров, с сегодняшнего дня начинаем усиленное обучения дуэльному искусству. До выпускных и отборочных осталось не так много времени, так что постарайтесь. Это ваш единственный шанс бесплатно попасть на северный турнир, а там и до вступления в ряды столичной гвардии рукой подать. И помните: в первую очередь я

вижу в вас своих учеников, благородных и доблестных воительниц и воителей, и лишь потом Лордесс, Вигельвагенов или уличную чернь.

На площадке было около полутора сотен учеников и учениц, не считая их оставшейся за пределами арены стражи, больше походившей на разношерстное и очень нервное войско. Мастер Дэйда по прозвищу Гора, являвшаяся потомком одной из немногих уцелевших северных семей, оказалась одной из сильнейших и самых уважаемых воительниц Тэтэнкофа. По всему городу ходили легенды о числе её побед на дуэлях и полях сражений. Некоторые говорили, что в поединках один на один её счёт личных побед перевалил за две-три сотни. Она успешно справлялась как с ведьмами, так и с обычными воительницами. Именно у неё мне и требовалось обучиться противостоянию готовым к сражениям ведьмам.

Вот только с этим возник целый ряд проблем. Суровой, выбритой на лысо даме, ростом под два метра, не было дела до сопляка вроде меня. Заметив пристроившуюся ко мне в спарринг-партнеры Бьянку, та матом отогнала ученицу от «костяного принца». Заявив, что Брун ненароком может зашибить кого-то вроде меня, женщина поставила сильнейшую из своих учениц себе в спарринг-партнёры, предложив мне помахать деревяшкой с кем-то в моей весовой категории.

Бьянка отказалась, а после напрямую выдала наставнице причину. Ведьма опасалась увечий, которые могли мне причинить подопечные Штольцгеров. «Не одна из Багрэ не будет глядеть, как другие женщины мутузят их будущих мужей». — Эти слова Брун сильно позабавили Дэйду. Немного подумав, та сначала нашла мне в партнёры какого-то лупоглазого коротышку, а после и сама предложила Брун сражаться в непосредственной близости от нас, тем самым держа меня в своём поле зрения, вслед за чем, пройдясь среди учеников и выставив тех по парам, вернулась к своей первой цели.

— Не бойся, Бьянка, я не опозорю тебя в глазах жениха. — В глумливой форме произнесла наставница, а после, подстегивая ту, добавила: — Сильно не опозорю. — Как тряпка для быка, чувствовавшая своё превосходство, Брунхильда, показав зубки, щёлкнула пальцами, а следом, прошептав что-то, вызывающе махнула наставнице рукой.

— Начали! — Рывнула Гора, и сходу взмахом своего деревянного меча, полыхнувшего синим свечением, отразила воздушную атаку, коей не так давно Бьянка победила смуглых сестёр. Моя ведьма прям пылала желанием доказать оппонентке свою силу. Вслед за ещё одной, точно такой же спокойно отбитой атакой, наставница, пошатнувшись, едва не попала под удар плотно сжатого порыва ветра, принявшего форму кулака.

— Можешь контролировать магию в двух направлениях? Неплохо. — мантия Дэйды, задравшаяся от ветра, показала всем застывшим в изумлении стальной доспех в полном комплекте, прятанный под толстой и тяжелой рясой. — Настоящая воительница всегда готова дать бой. — Ноги женщины, блеснув красным свечением, буквально вдавливая ту в землю, погрузились на несколько сантиметров в камень, вслед за чем, выдержав паузу и удар, наставница лично кинулась в атаку со скоростью, коей ни один смертный из моего мира в подобном облачении не мог достичь. Быстрее любого бегуна-спринтера, она всего за два прыжка преодолела более двадцати метров, и мощным ударом деревянного меча, столкнувшись с невидимой броней Бьянки, заставила ведьму пошатнувшись отступить. — Чего глазеем? Я сказала начали! — Найдя возможность не только вести поединок против столь сильного соперника, но и приглядывать за учениками, требовательно рывкнула та.

Тренировочная арена оживила. Молчавшие и с интересом наблюдавшие за поединком болельщицы в виде личных стражей, разрываясь, криками поддержки стали подсказывать

своим хозяевам как махать, рубить и колоть.

— Защищайся! — Крикнул парнишка моего возраста, по-колхозному замахнувшись, надеясь одним сильным горизонтальным ударом попасть по моим рёбрам. Уклониться — предостаточно времени, победить его, пройдя под рукой, поставив подсечку и следом приставив к горлу деревянный клинок — слишком просто и подозрительно. Вместо этого принимаю удар, и тут же об этом жалею.

Плечистый малый обладал не дюжиной грубой силой, превосходя меня если не втрое, то как минимум вдвое. Я едва смог устоять на ногах. — Силён. — сорвалось с моих губ, и, что удивительно, я не услышал в ответ насмешек или гадостей. С благодарностью отозвавшись на моё единственное слово, парень поинтересовался, как я, и могу ли продолжать наш поединок. «И такое бывает?» — Видя моё удивление и легкую растерянность, тот лишь улыбнулся, а следом пояснил.

— Я потомственный воин из знатного рода, чьи мужья более трёх поколений служили протеже у множества знатных ведьм. — «Слабовата техника у тебя для потомственного воина, хвастунишка. Жаль, после этих слов мне придется тебе продуть.»

— Продолжим. — едва успел отозваться я, как коротышка вновь кинулся на меня с яростью в своих выпученных больших глазах. Каждый раз, когда наши мечи сталкивались, он издавал некий выкрик, больше похожий на стон. Строя из себя ошарашенного вражеским напором несмышлёного юношу, я с трудом сдерживался от раз за разом накатывавших на меня приступов смеха. «Ки-ия!» — Привыкший, что я не атакую, крепыш, забыв об осторожности, в прыжке попытался достать до имевшего преимущество в длине рук оппонента. Всё выглядело настолько абсурдно, что я, не выдержав, сделал шаг в сторону, уклоняясь, и тем самым пряча своё искажившееся в неуместной улыбке выражение лица.

Не знаю, откуда под ногой мальчишки появился этот камень, но тот оступается. По инерции, летя вперед и стараясь не рухнуть, он, руками едва не касаясь земли, задирает голову и...

Разгоряченная сражением Лордесса так же, как и я, решившая уклониться от вражеского выпада, с ужасом замечает парня за своей спиной, и, спустя секунду, его лицо встречается с деревянным мечом другой воительницы. Глухой нокаут.

«Так незапланированно, я стал победителем своей первой дуэли, забавное чувство...» — Вместе с испугавшимися дамами, помогая бедняге прийти в себя, я продолжаю наблюдать за сражением Бьянки и Горы.

За то время, пока мы с «лупоглазкой» развлекались, выбритая дама порядком успела устать, и так же измотать Бьянку. Воительница, сменившая более двух сломавшихся деревянных мечей, с легкостью продолжала уклоняться, а следом контратаковать, тем временем, когда моя ведьмочка, прибывая в полной растерянности, раз за разом создавала одни и те же заклинания в одних и тех же последовательностях. В Багре их хорошо учили: действия её были слаженными, чёткими, всегда последовательными, и оттого мастеру Дэйде и не составило большого труда разработать стратегию противостояния Бьянке. Я видел, куда смотрела эта хищная, стальная птица: не на руки, окружение или вооружение моей Брун, а на её губы. Чёртова Гора знала заклятия из ведьмовского арсенала, знала силестийский, и могла читать по губам.

Не успевшая даже толком применить заклятье Бьянка вновь растерянно пятится. Одних лишь её сомкнутых, а следом протянувшихся трубочкой губ хватило для Дэйды, предсказавшей её будущую атаку, используемую на дальней дистанции. Вновь своими

резкими прыжками та сближается, наносит серию ударов, что, с каждым последующим, прогибают купол всё сильнее и сильнее. Вновь Бьянка, отступая, готовится использовать заклинание малого радиуса и вокруг себя. В очередной раз Гора отступает, разрушая планы ведьмы. Умелая, умная, вёрткая и сильная, она также владела неизвестным мне боевым искусством, усилившим тело смертного и позволявшего творить недоступное человеку. Должен признаться, только что в городе появился тот, кто был мне не по зубам, по крайней мере, сейчас.

В этой тактике не было чего-то сверхъестественного, и, будь Брун слегка умней, то давно бы догадалась и прикрыла чем-нибудь рот, или же просто отворачивала голову, прячась губы за всё той же большой шляпой. Хотя, в подобной ситуации, когда тебя теснят и мозг сконцентрирован полностью на обороне, на анализ поведения противника редко хватает времени. Их силы неравны. Сражавшаяся на сто процентов всерьез Бьянка проигрывала оппонентки с деревянным мечом, бесилась, злилась, хотела задавить ту сырой силой, и в очередной раз допускала глупые, детские ошибки, и когда деревянный макет клинка, пробивая защиту ведьмы, вплотную приблизился до кожи Брунхильды, учитель разорвав дистанцию остановила поединок.

— Достаточно. — смахнув со лба единственную капельку пота, произнесла она. — Вы достойно себя показали, Лордесса Бэтфорт, однако после нашего поединка, надеюсь, поняли, Вам есть, куда расти. — взгляды женщин пересеклись. Злобная, обессиленная Брунхильда, исчерпав весь свой внутренний резерв, едва стояла на ногах, до конца стараясь показать мне и всем окружающим силу и гордость своего рода. Проиграй она, — потеряла бы уважение окружающих учеников, своего будущего мужа, а также пошатнула веру в силу Багрэ, обучавшей самых влиятельных ведьм на всём континенте.

Наставница так же ничего, кроме головной боли и чувства собственного величия, не приобрела бы. Унижать учеников она не собиралась, точно так же, как и проигрывать им. Своими действиями она спустила с небес на землю считавшую себя непобедимой девицу, отстояла собственную честь, честь данного учебного заведения и его персонала, а также дала увидеть ученице её несовершенство и слабость, которую той предстояло преодолеть.

«Очень умный ход, мисс Дэйда, даже слишком для этого средневекового общества».

За данную тренировку Бьянка больше ни с кем так и не сразилась. Уставшая, ссылаясь на отсутствие достойных помимо учителя претендентов, она с позволения всё той же Горы наблюдала за тем, как меня по площадке гоняют другие, приставленные всё той же наставницей ученицы. Моя неожиданная победа над подававшим надежды мужчиной слегка удивила Дэйду, из-за чего та стала уделять мне и моим спарринг-партнерам излишнее внимание. Пришлось остаток занятий строить из себя неумеху, периодически позволяя в ученический процесс вступать Брунхильде, блокировавшей абсолютно все пропускаемые мною удары. И самое обидное в том, что противостоял я по скорости практически равным себе полноценным бойцам, у которых было чему поучиться. Вот только вступавшая в каждый опасный момент ведьма со своими пояснениями место старого доброго подсрачника и нагоняя от более опытного партнёра лишь вредила мне своей гиперопекой. Ведь боль, лучший учитель.

Итогом трёх часов, проведенных на тренировочном поле, стала естественная дрожь и слабость во всем моем теле. Без зелий усиления я не мог соперничать с местными женщинами. Медленный, неповоротливый, хрупкий как соломинка, но довольный собой, я, с гордо поднятой головой, чуть ли не в обнимку с Бьянкой покидаю арену. «Может, оно и к лучшему, что ведьма не дала меня мутузить, почему зря» — рассуждал я, попутно пытаюсь понять причину пристального взгляда всё той же наставницы. Сегодня из учительского персонала своим вниманием меня не одарила разве что одна из библиотекарей, и это слегка напрягало. Я стал слишком беспечной и заметной персоной. По большой степени, всё из-за Брунхильды, её статуса и интересов, преследуемых остальными в отношении неё. И если одну знатную особу в виде Брунхильды, я был готов терпеть. То со второй возникло несколько непредвиденных сложностей. Желая разузнать побольше о рабах и Вигенвагенах, я случайно подцепил себе на плечи ещё один груз в виде Жозефины. Скучавшая по началу голубоглазка, вставшая на мою защиту лишь ради расположения и внимания Бьянки, быстренько пересмотрела свои взгляды на меня. Каким-то образом я из грязной черни стал «настоящим другом», с которым и по кабакам, и по учительским кабинетам "побродить нескучно".

Просторное помещение выделенное наставнице Гертруде, напоминало больше лабораторию некоего безумного гения, чем учителя. Утыканный несколькими одновременно работающими агрегатами, с виду казавшимися обычными дистилляторами и множеством разбросанных бумаг, кабинет угрожая вспыхнуть в любой момент мне сразу не понравился. Он реально был опасен, собственно, как и женщина, прикрывавшая глаза неким подобием самодельных очков, увлеченно беседовавшая сама с собой. Заметив, что в её обитель кто-то вторгся, та тот час требовательно произнесла:

— Сок корня мёртвой цикории слейте с перегонного, добавьте в раствор эльтрадо, накройте диомой, встряхните, а после принесите образовавшуюся смесь. — Не отвлекаясь от какого-то эксперимента, оперируя десятком незнакомых нам слов, потребовала та.

— Чего? — Наполненная непониманием, словно услышав просьбу сотворить проклятье и призвать самого дьявола, спросила Кэтингем.

— Оу, простите, кажется, я обозналась, вы... Зачем пришли? — Её красные глаза сквозь изогнутую призму прозрачных стёкол казались мне ещё более нечеловечными.

— Вы же сами нас вызвали? — Удивление сменилось негодованием. Кажется, Жозефина, отказавшаяся от каких-то своих вечерних планов в угоду ведьмы и её паренька, готовилась к словесному взрыву. Решив воспользоваться забывчивостью наставницы, я уже собирался покинуть обитель местного мастера, но, как обычно, всё изменила Бьянка. С ходу определив нужные материалы, она передала на скорую руку смешанные ингредиенты Гертруде, по-видимому, спутавшей нас со своей лаборанткой, помощницей, или как они тут назывались...

В отличии от нас, Бьянка неожиданно проявила интерес к увиденному, и даже не постеснялась спросить у женщины, над чем та так кропотливо трудится.

— Лордесса Брунхильда, Вы, вроде, долгое время жили на юге в Багре? Скажите, в Ваших местах рассказывали о феномене Тэновых Платоядниц? — на тонкий, словно перышко материал, находившийся в стеклянной колбе, легла принесённая Бьянкой консистенция, что, спустя секунды, зашипела, вспенилась, полыхнула и превратилась в залу. Выругавшись, наставница небрежно откинула в сторонку предмет своих наблюдений и перевела взгляд на нас, всё так же ожидая ответа.

— Данный феномен мы не изучали. — Коротко ответила Брун.

— Ещё бы, ведь он встречается лишь в одном единственном месте на материке — хищном лесу, что уже вплотную подобрался к границам нашего чудного города. Феномен этот заключается в проявлении насекомыми коллективного разума, что при охоте и кормлении роя значительно превосходит разум человека. Именно подобным разумом и обладают Тэновы Платоядницы, или северные бабочки — самые красивые и самые страшные существа Тэтэнковского леса.

Взмах их крыльев подобен эффекту, создаваемому при применении первобытной магии или тому сиянию, что можно увидеть в самые холодные северные ночи. Соприкосновение их маленьких лапок с человеческой кожей вызывает у последнего чувство эйфории, что сильнее чувства, испытываемого при оргазме. Потрясающие существа, вам не кажется? — В глазах учителя промелькнули нотки сумасшествия. Переглянувшись между собой, Брун и Кэтингем кивнули, им так же, как и мне, стало интересно послушать о чудном лесу и его обитателях. Заметив наш изменившийся настрой, наставница хмыкнула и продолжила.

— Эйфория — это хорошая штука, вот только, к сожалению, это будет последним, что вы почувствуете перед смертью, ведь северная бабочка села на вас не из-за богатого внутреннего мира и доброты, которую излучает ваше сердце. Села она лишь потому, что учуяла в вас свой ужин. Думаю, вам известно, что человеческое тело имеет свойство потеть, а вместе с потом оно выделяет и соль, манящую этих тварей. Так вот, если в пределах этого леса за вами увяжется одна — знайте, вы на прицеле уже у тысячи кажущихся со стороны милых и красивых монстров с превосходящими по прочности даже сталь крыльями, ведь, какой бы крошечной и легкой та не выглядела на первый взгляд, — вылезшая из кокона Северянка с самого своего первого момента после преобразования весит не менее трёхсот грамм.

Представляете, что будет с человеческим телом, когда его облюбуют тысяч пять-шесть подобных острозубых, плотоядных тварей, отогнать которых без магии можно разве что булавой, или молотом? Эти кровопийцы будут цепляться за вашу одежду, стараясь замедлить и расслабить беглеца, когда их станет больше, и под тяжестью их крыльев идти будет уже невозможно — они повалят вас на землю, и только тогда, когда вы будете потными, усталыми и немощными, они примутся медленно, кусочек за кусочком, отрезать от вас

пропитавшуюся солью одежду, кожу, мышцы. Благодаря той же магии, позволяющей этим монстрам перемещаться, вы будете видеть, как ваши внутренности разлетаются по расцветающему красными красками северному лесу, испытывая при этом неопишное наслаждение. — Закончив свой рассказ, Гертруда, печально опустив голову, вновь взглянула на серое крылышко, по-видимому, и принадлежавшее одной из этих плотоядных бабочек.

— Вы уже видели подобное? — Спросил я у наставницы.

— Разумеется, так умирали мой муж и его мать. — Холодно отозвалась красноглазая. — Все мы были частью исследовательской экспедиции, насчитывавшей более пятидесяти человек, занимавшейся изучением причины возникновения столь опасного вида. Борьба с ними была и есть настоящей проблемой, изучением которой северные правители занимаются и по сей день. Никому из нас ведь не хочется, чтобы в один прекрасный день рой из пары десятков миллионов таких вот чудовищ накрыл один из городов, и уж тем более мигрировал на юг. — То, в какой шуточной форме женщина упомянула о смерти родственников, позабавило лишь меня, а вот девушки в очередной раз серьезно напряглись.

— Вы, Глауд, весьма смыслённый и рассудительный молодой человек. За Вашими плечами стоит две влиятельные семьи — Бэтфорты и Кэтингемы, и если бы Вы...

— Отказываюсь. — Пока меня не нагрузили очередной работой, заботами и прочей белибердой, прервал наставницу я.

— Но дослушайте, Вам заплатят стипендию, так же Вы получите привилегии, допуски, и...

— Сказал же, нет. — Ещё раз перебил ту я. — Вам нужно влияние и внимание двух семей к проблеме регионального масштаба, а не я. — она хотела использовать нас для борьбы с тварями в непонятном мне магическом лесу, где я после её же рассказов без напалмов, огнеметов и танков даже и показываться не собираюсь. Не хочу я видеть, как кусочки маленького Глауда разлетаются по весеннему цветущему лесу. Захватчу власть в городе, создам армию, подготовлю всё необходимое и может быть тогда и займусь проблемами спасения мира, а пока моё четкое:

— Нет, я в этом участвовать точно не буду. Можете попросить Бьянку, думаю, её мать выделит солдат, а семья Кэтингем средства. Но я, Вы меня извините, к этим плотоядным штукам даже на расстояние выпущенной из лука стрелы не подойду.

— Почему Вы так рьяно пытаетесь доказать окружающим, что Вы трус и злодей, Глауд? Я же по глазам вижу, что Вы не против присоединиться к такому мероприятию, как спасение города, или даже целой страны. Только подумайте, о вас заговорят как о герое!

«Не против я буду только в том случае, если смогу с уверенностью сказать об успехе данной авантюры.»

— Риск — дело благородное, уважаемая Гертруда, но очень неблагодарное. И я предпочту умереть в угасающем мире последним, зная, что его уже не спасти, чем сложу голову первым в глупых, детских мечтах о том, что кто-то выполнит мою работу лучше, чем это могу сделать я.

Дальше спорить мы не стали. Оставив несколько лестных слов о моей методике обучения письму, наставница поблагодарила нас за уделённое время, а также попросила девушек рассказать своим семьям о скрытой угрозе городу, вслед за чем мы наконец-то покинули это жуткое место, после посещения которого я больше никогда не смогу с прежним умилением и простотой взглянуть на грёбанных бабочек.

Все эти школьные мероприятия с их длинными перерывами на всякую херню заняли у

меня слишком много времени. Солнце близилось к закату, а я не на сантиметр не приблизился к порту. Да и к тому же чёртова погода так же путала все карты. «Эй, дамочки, а давайте-ка в штормовой ветер и ливень прогуляемся по докам работорговцев и пообщаемся с рабами?» — Мда, даже думать не хочется, как они отреагировали бы на подобное предложение.

Карета, посланная заботливой матерью Эльгой, спасла шкурку серийного убийцы от очередного возвращения домой в безобразном виде. Распрощавшись с «новыми друзьями», погрузившись в крайне самобытный транспорт, любуясь друг другом и видами за окном, карета двинулась к мосту по не самому короткому маршруту, огибая город по живописной улице, на которой жила лишь знать. Бьянка с гордостью поспешила показать их особняк: строение похожее на замок своей вычурностью и размерами отчетливее других виднелось за стеной дождя. Когда мы проезжали шедший к тому поворот, ведьма в надежде спросила, не заскочу ли я к ней на кружечку чая, но, как порядочный сын, я, разумеется, отказался. День итак грозился остаться в воспоминаниях как не самый лучший в моей жизни: новые друзья, внимание стольких людей, учителей и прочее. Теперь, покажись я без маски в людном месте, и каждая собака будет знать, кто там был. К тому же, к Штольцгерам, как и к их верным псам, из-за той же Бэтфорт подобраться я так же не сумел. «Оно тебе не нужно», «Они опасны» — твердила Бьянка, когда карета позволяя нам побыть вместе по дольше наворачивала очередной круг по всё той же улице богачей.

Не знаю, была ли эта божья милость или наваждения, но небеса все же сжалились надо мной, послав толпу голых, закованных в цепи женщин и мужчин, шедших под дождем и конвоем, в противоположном от рынка направлении.

— Куда их ведут и почему они в цепях? — Я видел то, что мне не следовало. Цокнувшая языком и запоздало поспешившая задержать штормку Брун, тяжело вздохнув, поглядела на меня.

— Они рабы, купленные на рынке, и направляются в земли своих будущих хозяев. — «Эта дорога шла из порта, а не рынка, Бьянка, ты, как и я, это прекрасно знаешь, но забудем о твоей маленькой лжи, сейчас меня интересует совершенно другое».

— Почему они в кандалах, разве у них нет рабской печати, ведь с ней куда проще перемещать рабов? Не понимаю, к чему тратиться на железо? — С облегчением вздохнув, та ещё раз, с улыбкой заглянув в мои глаза, пояснила:

— Нанесение метки — это очень затратный, как в плане силы, так и времени, ритуал. Так, к примеру, ему подвергают рабов, живущих вблизи своих господ. В тех же лесных хозяйствах, шахтах и рудниках редко клеймят гибнущих каждый день рабов, предпочитая использовать старинные методы контроля вроде надзирающих и стражи. — Столь долгий рассказ от ведьмы растопил мои внутренние страхи. Начать мятеж в самом сердце города по-прежнему оставалось легче лёгкого — всего-то и нужно проникнуть, подкармливать до нужного дня, а после, когда всё вокруг вспыхнет, освободить, предоставив если не оружие, то информацию о его местоположении.

К сожалению, рабы — всего лишь часть пазла. Помимо их имелось ещё множество деталей: частные армии Лордесс и Вигельвагенов, личные ресурсы Гильдии воров и убийц, а также местные жители. Вспыхни мятеж прямо сейчас, — и эти стороны разрушат все, до чего дотянулись их длинные руки. И в момент, когда в городе не останется знати, рабы примутся резать граждан, а те в ответ рабов. Как итог, население уничтожено, город, как и вся инфраструктура, разрушен, и я — король Пепелища, исполнив все свои коварные

замыслы, сижу у разбитого корыта. И всё это, при условии, что население и знать не сплотятся при виде новой угрозы в виде всё тех же рабов повстанцев. Нет, так дела не делаются...

Сейчас этот город не готов к подобным переменам. Ему нужен герой, что сплотит разрозненные касты, поможет нуждающимся и укажет сбившимся с праведного пути дворянам нужный путь. И сейчас, думая об этих мерзнущих под проливным дождём женщинах и мужчинах, я наконец-то понял, с чего мне следовало начну.

— А многие в городе позволяют себе столь беспечное использование этих варваров? Они ведь опасны, представь, если кто-то из них сейчас бы вырвался и напал на нас. — Играя испуганного юношу, я, резко пересев на сторону Бьянки, положил свою руку поверх её. Зрачки ведьмы расширились, губы пересохли. Держа её за руку, почувствовал её пульс. Сердцебиение ускорялось, руки ладони потеть. «Брун, дай то, чего я сейчас желаю больше всего. Поделись информацией неизвестной этому глупому юноше. Завоюй его доверие!» — глядя в эти огромные, золотые глаза, внутренне требовал я.

— Глупый... — Её пальцы коснулись моей челки. — Кто же у себя под боком станет держать зверей, да ещё и без намордника. Их ведут к стене, откуда по утрам, будущие хозяева и транспортируют свой товар на рудники — Решительно собрав всю свою «женственность» в кулак, та резко попыталась меня поцеловать, отчего наши носы и лбы неприятно тюкнулись друг об друга. Столкнувшись, словно со стеной, я, тут же отшатнувшись, рукой схватился за нос, из которого тотчас полилась красная жижица.

Домой меня привезли, мягко говоря, не вовремя. Мать, высказав Бьянке пару ласковых, попросила ту на обратном, коротком пути, проезжая через торговый остров, сообщить ожидавшим всё так же появления Глауда сёстрам о его возвращении. «Кто же знал, что в дождь мы выберем самый длинный маршрут?». Следом началось форменное осуждение и выдача наказаний. Меня отправили в свою комнату, а молодую ведьму буквально выпроводили за дверь. Мать была очень недовольно и её можно понять, ребёнок в первый день учёбы исчезает, вдобавок в подобном, не самом безопасном для простолюдина месте, а после, как ни в чем не бывало, возвращается ночью. Должна же она была как-то на это отреагировать.

Попытавшись встать на защиту Бьянки и оправдать наше столь позднее возвращение, я услышал нежное для себя «ты ещё ребёнок», вслед за чем, громко топнув ногой, заявив об обратном, отправился в свою комнату.

Требовалось как можно быстрее подготовить снаряжение и еду. Помимо аристократов и рабов, у меня ещё был маленький кролик, которого требовалось кормить.

От трофейного оружия предстояло избавиться. Спрятанные мною под деревянный пол клинки являлись неопровержимой уликой, но, к сожалению, другого нормального оружия у меня нет. От эльфийского шёлка в своём сегодняшнем арсенале я так же отказался. Кожаные перчатки, к которым та прикрепленна, в прошлый раз изорвало в лоскуты. Требовалось поискать нечто покрепче. Также, по пути к городской стене, которую сегодня собирался исследовать получше, в надежде найти, временное пристанище рабов, я планировал заглянуть в лавку травников. Дурные мысли крутились в голове, и приоткрытое вслед за налётом окно не являлось добрым знаком.

Дождавшись ухода Бьянки, а следом и возвращения сестёр, пришлось выждать ещё немного. Заботливая Сигрид, пришедшая пожалеть обидевшегося на мать братца, получила в свой адрес пару не самых приятных слов, вернулась на первый этаж. Завтра за них я обязательно попрошу прощения, а пока мне требовался покой и полное нежелание окружающих со мной общаться.

Добившись своего, укутавшись в плащ, я вылез через окно, оставив ставни чутка приоткрытыми. Дождь лил не прекращаясь. Настоящий ливень буквально затапливал улицы, размывал дороги, максимально осложнял моё передвижение по крышам. Ступать приходилось медленно и осторожно. «Надеюсь, Хома умеет плавать, ведь в наличии хороших водостоков в этом городе я сильно сомневаюсь...» — Сначала показавшаяся мне забавной, а после до жути взволновавшая мысль вынудила ускориться. Буквально сорвавшись с места, я бросился к старому подвалу. Это глупое дитя наверняка будет до конца сидеть в этой чёртовой яме, пока та не заполнится доверху и не утопит её.

Быстро перебирая ногами, я, пару раз спотыкаясь, едва не падая, летел по крышам. Неуместная спешка чуть не сгубила меня, в момент когда я оступившись, звучно грохнулся рёбрами на черепице ветхой двухэтажки. Перепугав подорвавшихся хозяев едва сумел избежать непосредственного столкновения с испугавшейся и выбежавшей на улицу хозяйкой. Следующей преградой на моём пути стал патруль. Пятёрка местных воительниц в коже и стали мирно выполняли свои обязанности. Убедившись в отсутствии среди них дамочек в ведьмовских шляпах, способных, как мне казалось, видеть куда лучше обычных

людей, я нервно дождался, когда те свернут за поворот, а следом, прибавив шаг, ускорился. Столь близко стоявшее здание сегодня казалось мне как никогда ранее далёким и недостижимым. Отчего-то я волновался, переживал, думал, что не успею. "Но к кому? Ненужному грузу, бесполезному человеку, опасному свидетелю?"

— Лучший вариант, как я считаю, — избавиться от мелкого спиногрыза, оставить ту в подвале, и пусть сама решает свою судьбу. — шепотом проговорил я.

«Но ведь она всего-навсего ребёнок, к тому же доверяющий и верящий в свою спасительницу — Имперскую охотницу!» — вторил мой внутренний голос.

— Я не герой! — понимая, что сбился с пути и свернул куда-то не туда, в злобе и отчаянии вдарил кулаком по стене. В дождливую, холодную и мерзкую ночь, всё что я мог так это кричать, в надежде, что моё альтер эго наконец-то заткнётся, позволив мне сделать то, что нужно. Тяжело дыша, мокрым рукавом я вытер пот со лба. Вгляделся в окружающие меня размытые пейзажи и успокоился.

В прошлой жизни я всегда был злодеем и всегда считал себя именно таким. Перед тем, как отправить очередную мразь на тот свет, я не давал ей второго шанса, не предлагал исправиться, а просто брал и делал то, что умею. Решительный, преследующий свои собственные, четко прописанные идеалы, я был буквально неуловимым и, если бы не та проклятая болезнь, сложившая меня, то, быть может, я и не оказался в этом чёртовом мире, не думал бы о спасении ненужной мне пешки, и не мучался в совестных терзаниях...

В глазах мелькнули счастливые лица Хельги, Сигрид, Илвы, а также всё такие же золотые глаза Бьянки. Отчего-то именно сейчас разум выдал старое, детское воспоминание Глауда, обещавшего молодой начинающей ведьме всегда быть вместе.

За следующим поворотом я наконец-то обнаружил искомое. Поправив маску, залетел в подвал. Уровень воды поднялся мне по самую грудь. Из-за низкого дверного проёма, пришлось подныривать.

В центре комнаты, обеими руками схватившись за деревянный столб, у самого потолка барахталась девчонка. Отталкиваясь руками от воды, я приблизился к ней, и с трудом, словно не умеющую плавать кошку, отодрал от опоры, вслед за чем, заткнув той рукой нос и рот, вновь поднырнув, вытянул из злополучного подвала.

— Имперская охотница, ты пришла... — Кашляя и срываясь на плач, произнесло дитя. Она и вправду меня ждала, и, похоже, мне придётся пристроить её на новое, пусть и не самое безопасное, но точно более удобное местечко.

— Хома, пойдешь со мной.

Идея по поводу использования ребёнка — крайне сомнительная и рисковая, но и вести себя как герой я не могу, да и не собираюсь. Я не герой, поэтому и использую её жизнь так, как мне угодно, на верную смерть, конечно же, не отправлю, — питомец, всё-таки, но поработать ей придётся.

Лавка собирателей-травников, как и предполагал я, оказалась вскрытой. Закрытая для вида, под своими деревянными стенами и засовами она прятала два трупа. Муж с женой оказались убитыми: как в лучших театрах и драмах, с перерезанными глотками, на сыром, грязном полу, среди мусора и остатков разбитой мебели, они лежали, взявшись за руки. Первый этаж обнесли начисто, не оставив и пучка каких-либо трав. На втором ситуация, скорее всего, идентичная, но чем чёрт не шутит. Найти здесь какой-нибудь ножик или ещё что, так же было бы не плохо.

Чья-то злая шутка, оставшаяся на втором этаже, даже мне — человеку с большим

жизненным опытом, показалась крайне жестокой. В кровати, среди пустых пузырьков из-под снадобий и прочего, едва слышно постанывая, звала своих детей слепая, немощная старуха. Её белые как сама луна глаза глядели в потолок; дряхлые худые руки среди валявшихся в её постели пузырьков пытались отыскать хоть один наполненный. Судя по виду тел внизу, их убили дня три назад, вслед за чем кто-то глумливо поднялся сюда, а после высыпал на старуху полный рюкзак самых дешёвых и не востребуемых местных зелий, коими и питалась всё это время не имевшая сил подняться женщина.

— Йозеф, Йо-зеф... — Едва слышно звала мать убитого сына, раз за разом повторяя его имя. «Не повезло тебе, мать» — подойдя к ней и взяв за протянутую руку, подумал я.

Лицо старухи испуганно сморщилось. Старые пальцы, пройдясь по моей ладони, быстро определили, что перед ней стоял не её сын. Мёртвые белые глаза уставились на меня, вызывая мурашки и дрожь по всему телу. — По-мо-ги... — По слогам прошептала старуха.

И я помог, так, как умею.

Лезвие с точностью до миллиметра вонзилось прямо в сердце. Теперь, не взирая на то, кем она была при жизни — хорошим или плохим человеком, старуха могла претендовать на место в раю рядом со своим сыном, ведь, как говорилось в одном стихотворении: «Лишь убиенных щадят, отпевают и балуют раем»*. «И за право отправиться туда, порой приходится подождать» — Глядя, на только-что убитую мной, подумал я.

Была ли она хорошим человеком? Кто знает. Хотел ли я убить её? Нет, но и оставлять едва живую старуху, рассчитывая на милость средневекового мира, я не мог. Так пусть лучше в новом мире прокликает она меня — своего убийцу, чем, мучаясь, помирает в этом от голода, холода и своих болезней.

Второй этаж, помимо нескольких закатившихся под кровать колбочек, так же был обчищен. Из местных богатств — разве что несколько листов пожелтелой бумаги, да волшебное перо, подобное тому, которым я пользовался в академии.

Не побрезговав взять оставленную нападавшими сумку, я скинул туда пергамент и флаконы, вслед за чем, вернувшись на первый этаж и заглянув на кухню, собрал всё доступное железо, коим можно было колоть, рубить и протыкать.

Ждавшая всё это время снаружи Хома, увидев меня, хотела что-то спросить, но всё так же приставленный к губам палец ту остановил. Всё, что нужно, я ей итак скажу, и она, кажется, наконец-то стала это понимать.

У деревянных ворот, являвшихся слабым местом любой стены, горело пять разной яркости огней, по одному на «башнях-близнецах», расположившихся над воротами. Один — непосредственно у самих ворот, где сейчас ровным счетом никого не было; один, более яркий и, похоже, магический — у некой коморки; и один, по-видимому, принадлежавший караулу у конюшни. Итого: пять источников света, четыре потенциально опасных группы. Бьянка говорила о месте, где рабы ждут, когда за ними прибудет наниматель. Вряд ли для удобств «товара» стали зажигать магические светильники или тратить масло для факелов. Скорее всего, их, напихав как килек в бочку, закрыли в каком-нибудь сарае. Как по мне, для этих целей подошла бы и конюшня, но увы. Дав все нужные Хоме указания, я в первую очередь проверил ту. Вместе с лошадьми, устроившись на соломке поудобней, дрыхла и играла в карты беспечная стража. Окон в конюшне не было, выход так же только один — тот, который сейчас, к слову, был прикрыт.

Подперев опорой деревянные врата конюшни и понадеявшись, что ни одна из женщин не решит выйти под дождь справить нужду, я осторожно двинулся дальше. Источником

магического света, как и предполагалось, стала ведьма. Устроившаяся в весьма уютной коморке, сидя за письменным столом и подсвечивая себе своим же посохом, она мирно заполняла какие-то бумаги, напевая себе под нос незамысловатую мелодию. «Где же вы, мои милые пешки» — смысла подпирать двери ведьмы я не видел: вспоминая силу Бьянки, подобная идея казалась мне бессмысленной. Почти полчаса я, ползая, прыгая и бегая, искал место где, могли держать «товар», и наконец-то нашёл его.

На небольшом отдалении за выгребными ямами, под дождём, на голой земле расположилось более пятидесяти тел. В основе — женщины, смуглые, крепкого телосложения с чётко выраженным мышечным рельефом. Свежая партия так же была разбавлена малознакомыми мне видами. Так, к примеру, я хорошо разглядел несколько полужвериных силуэтов, чьи глаза, ярко блистая в ночи, глядели в мою сторону. Чем ближе я подбирался к их расположению, тем чётче замечал, как вместе с моим перемещением в сторону смещались их взгляды. Они точно видели меня, и сейчас очень внимательно наблюдали за моими действиями.

Охраняла тех, на удивление, всего одна женщина, что, будучи полностью уверенной в прочности тяжелых кандалов и цепей, спокойно закинув ногу на ногу, отдыхала в явно возведенной самими часовыми самодельной будке.

Из ночи в тень, из тени в плотную к стене, вслед за чем крадусь к повозке и ползком к сторожке. Расположившись спиной к стене, то ли специально, то ли случайно та максимально осложнила возможность подобраться к себе незаметно. Будь здесь второй часовой, возможно, я и не сумел бы подобраться, но мне в очередной раз повезло.

Не постеснявшись проползти в грязи, я, чумазый и испачканный, явился перед той подобно ночному кошмару. От страха и неожиданности, воительница, подпрыгнув на месте, роняет своё копьё, и, едва успевая набрать в грудь воздуха для выкрика, получает мощный втык прямо в лицо. Не зная, как быстро обмякшее тело очухается, я запихнул женщине в рот кляп, а после, связав по рукам и ногам, оставил в сухой сторожке. Смерть подопечных Эльги мне сегодня не нужна, и именно объяснение этого рабам сейчас являлось самым сложным пунктом в моём плане.

К моменту, когда я подошёл к прикованным, те, благодаря всё так же сверкавшим глазами в ночи кошкам, встретили меня с протянутыми вперёд руками. Молча потряхивая кандалами, они просили об освобождении.

— Кто говорит по-нашему? — произнёс я, и рабыни, быстро переглянувшись, руками и взглядами указали на одну из смуглых коротко стриженных женщин.

— Все мы немного говорим на языке заклятого врага. — Произнесла коротко стриженная громила. — Чего ты добиваешься, маска, и зачем, будучи одним из граждан империи, говоря на имперском, облачённый в их одеяния, помогаешь нам?

Тело женщины украшали множество шрамов, грудь прижжена, отсутствует ухо и пара пальцев на левой руке. Воительница, как ни погляди, ещё и наверняка боевитая.

— Местные властительницы довели город до отчаяния. Они залили его дерьмом и людской кровью, и нам, как карающим клинкам империи, это не нравится. — Мои слова не на шутку разволновали женщин, некоторые, рассчитывавшие на помощь, разочарованно вздохнув, повесили носы, потеряв веру в возможное спасение.

— И поэтому ты решила обратиться к нам — врагам, — люто ненавидящим твоих хозяев? В тебе столько же наивности сколько и безумия, имперская собака... — Рыкнула короткостриженная. Женщина понимала только язык силы, и уважала лишь сильных. Что ж,

придётся играть по её правилам.

— Ещё раз назовёшь меня собакой, и следующей ночью я заявлюсь в порт, и вместо того предложения которое собиралась сделать вам, вырежу всех твоих сестёр, прибывших в этот город. — Мои слова вынудили воительницу стать серьёзной. Поиграв массивной челюстью, та, потупив взгляд, более смиренно спросила:

— Чего ты от нас хочешь? — «Так бы сразу, девочки».

— Власти, и вы мне в этом поможете. Сейчас я освобождаю вас, даю оружие, помогаю выбраться за пределы стены и расположиться там, вслед за чем буду снабжать вас необходимой информацией о торговых караванах и людях, покидающих и приезжающих в город. Вы будете нападать на нужных мне людей, я, в обмен, спасаю ваших близких из оков рабства. Вы — накормленные, сытые, при деньгах и режете своих заклятых врагов, я же, — достигаю своих целей, какие вам знать не обязательно. И ещё: когда всё закончится и город отчистится от скверны, обещаю, каждая из вас получит свободу, а также возможность остаться служить под моим началом или покинуть город, вернувшись домой на корабле, наполненном золотом, шелками и металлами. — С этими словами, ножом подковырнув замок с начала на руках короткостриженной, а после и на её ногах.

— Выбирайте: мучительная смерть в рабстве на рудниках, или спасение с возможностью убивать тех, кого вы так сильно ненавидишь. — Мои уверенные слова зародили в сильных сердца надежду. Маленькую, едва заметную, но реальную, за которой в свою очередь потянулись и слабые.

— Почему, Маска? Почему именно нас, своих врагов, ты просишь о помощи? — Взяв в руки переданный мною клинок, некогда отнятый у Гадюки Олк, спросила рабыня.

— Потому, что враг моего врага — мой друг. — Своими ладонями сжав её большой кулак, ответил я.

— Что мы должны сделать?

*Глауд надеялся на то, что все погибшие насильственной смертью очищались от грехов и могли попасть в рай.

Всех приветствую, на связи Focsker.

Друзья, мне очень не хватает ваших комментариев, касающихся сюжета. Пожалуйста, поделитесь своими взглядами на героя, его окружение и мир.

P.S.

А то, глядя на актив и то, как стороной книгу прошла реклама от АТ, аж руки опускаются.

Неужели всё настолько плохо?

Миновав запертых в конюшне, мирно дремавших стражниц, рабыни, измазавшись грязью, медленно приближались к закрытым на ночь воротам. Часть, слившись с окружением и гулом дождя, отправилась к башням, где дежурили самые проблемные часовые. Другая группа занялась воротами, даже открытие которых являлось той ещё проблемой.

Резко замелькавшие на башнях силуэты бесшумно и синхронно справились со своими обязанностями. Вот только от использования плана «Б» нас это не уберегло.

Неудержавшие на руках затворную балку рабыни с грохотом роняют тяжеленную деревяшку на одну из своих соратниц, та падает — в коморке волшебницы задрожали огоньки. Стоя у самых ворот, я услышал, как нервно застучали кулаками дремавшие в конюшнях стражницы, требуя у одной из непричастных к моей шалости подруг отворить двери.

Жестом показав рабам, что они могут бежать, беру один из факелов и машу им Хоме. После чего, бросив в грязь, сбиваю пламя. Сигнал подал — настало время малышке доказать мне свою полезность.

— Помогите! — заверещало дитя, привлекая тем самым внимание выскочившей на улицу, чертыхающейся ведьмы. — Имперская охотница! Здесь имперская охотница! — истошно, до хрипоты вопила Хома, всё дальше уходя от ворот. «Молодец девчонка». Двигаясь к месту нашей с ней встречи и глядя, как, позабыв о долге и задачах, ведьма тот час вскочила на метлу и взмыла в небо, подумал я.

Пару раз замечая мелькавший надо мною силуэт, удачливо прятался во тьме подворотен и чужих крыш. Девочку, к счастью, нашёл раньше поднявшейся в воздух «лётчицы», метавшейся в растерянности из стороны в сторону. «Интересно, сколько времени пройдёт перед тем, как они обнаружат пропажу?» — думал я, прижимая и попутно пряча от дождя ластившуюся, весёлую и улыбчивую Хому, для которой всё являлось некой игрой, цену проигрыша в которой дитя так до конца и не осознала. Или, быть может, делало вид, ведь в отличие от меня, выросшего среди «гуманного» общества, она каждый день видела смерть и, возможно, так к ней привыкла, что присутствие костлявой стало неотъемлемой частью любого из её «обычных» дней.

Очередной опасный заплыв на берег знати Хомой воспринялся как вызов. Вцепившись руками в мой плащ, та, не умея плавать, как бревно с пропеллером, молотила ногами воду, когда мы перебирались на другую сторону. Хорошо, что дождь, к которому я постепенно стал привыкать, скрыл благой мат, вырвавшийся из моих уст, когда на пол пути она, выбившись из сил и чуть не утопившись, отпустила мой плащ. «Дети...»

Когда мы добрались до нужного места, мне потребовалось немало времени для подготовки и исполнения последнего на сегодня замысла. С трудом накидав несколько кляксоподобных знаков на листке бумаги, одно из посланий сунул Хоме, попутно объяснив, что той можно говорить, а что нельзя. Два других листочка взял с собой. Как и при преодолении реки, воспользовался зельем усиления. По-другому перебраться через высокую трёхметровую ограду, у которой постоянно бродили часовые, мне бы не удалось.

Перелезши через забор, рухнул в растущий рядом кустарник, потом, минуя многочисленные караулы, подобрался к окнам замкоподобного особняка. Дождь, барабана своими огромными каплями по мне, деревьям, окнам и крышам, только усиливался, хотя и

без того казался сплошной, падающей с неба водной стеной.

Пройдя весь первый этаж по кругу и заглянув в каждое окно, не заметил знакомых мне лиц и взобрался по камням на второй, где так же, проявляя чудеса акробатики, посмотрел во все окна. «Где же ты, Эльга?» Матеря про себя сраное средневековье и его высоченные замки, поднялся на третий этаж, где уже во втором окне, наконец-то, нашёл искомое. Несколько манипуляций, пара подарков на прощанье — и можно возвращаться за Хомой.

Дитя нервничало, да ещё бы: люди той, которой я собирался поручить её защиту и опеку, не так давно пытались скормить малышку свиньям, при том не забыв поколотить. Её страх и робость чувствовались в каждом движении, однако, как и в прошлый раз, она послушно повторяла за мной каждое слово, словно кукла, делала всё, что только я требовал. Она доверяла мне, всецело вручая свою жизнь в руки незнакомца, который и сам до конца не знал, что из этого выйдет.

***

Ночь для Эльги Бэтфорт выдалась бессонной. Треклятый дождь не давал покоя. Ворочавшуюся из стороны в сторону старую воительницу тяготило беспокойное чувство. Сейчас, будто попав в молодость, когда между вашим лагерем и лагерем врагов чистое поле, она инстинктивно чувствовала чужие взгляды, мысли, словно тот самый старый враг вновь глядел на неё из прошлого.

Едва камень успел коснуться её окна, женщина, подорвавшись, выхватила из-под подушки клинок, а после, подскочив к стене, с опаской принялась вглядываться в заполнивший ночную пустоту дождь.

Не заметив кого-либо, она уже была готова отправиться раздавать подсрачники проспавшей хулиганку страже, как вдруг взгляд её пересёкся с куском ткани и вложенной в неё запиской. Буквы нечёткие — дождь почти полностью уничтожил магические чернила и пергамент, но, к счастью, разобрать слова и уловить суть послания женщина смогла.

«Эльга Бэтфорт, моё имя вам ничего не скажет, поэтому представляюсь по должности. Я командующая первого тайного элитного подразделения — Ордена Вечной Тишины.»

Желаю узнать ответы на несколько вопросов:

Первый: действительно ли верный страж Тэтэнкофа не знает о Северном сговоре?

Второй: готовы ли вы при получении личного указания её величества встать против особ, носящих фамилии Тэгены и Штольцгеры?

Третий: сможете ли вы исправить допущенную ранее ошибку и позаботиться о той, кому не суждено погибнуть в этом конфликте?

Если на все эти вопросы вы ответили согласием, то прошу, не опасаясь, поглядите вниз, там вы увидите мою посланницу и получите следующие инструкции».

— Северный сговор? Семейства Тэгенов и Штольцгеров затеяли мятеж? Какая, к чёрту, ошибка? Разумеется, я от кончиков стоп да макушки головы верна короне, что за бред?! — Вопросы вспыхивали сотнями в воспалённом старческом мозгу. «Какое, к чёрту, предательство?» — думала Эльга, ведь, прожив в одном городе с этими поистине великими семьями несколько десятилетий, она бы и не помыслила, о том, что кто-то из них, трусливых крыс...

Вместе с раскатом грома тревожная мысль посетила голову воительницы: «Почему те всегда хотели от неё избавиться? Недосказанности, конфликты... Несмотря на то, что Бэтфорты всегда закрывали глаза на их взяточничество, эти две семьи никогда не

подпускали Эльгу к ведению внешней политики в отношении тех же соседних северных городов».

— Мятеж, в моём родном доме... — Нервно сглотнув, Эльга, по пояс высунувшись в окно, увидела стоящую под дождём малышку. Ни капли не боящуюся смотреть той прямо в глаза.

— Быть не может... — Долго не думая, усилив тело при помощи внутренней энергии, воительница, спокойно спрыгнув с третьего этажа, приземлилась перед ребёнком.

Хома была по колено здоровенной Эльге, и пусть её и трясло, как осенний лист на ветру, девочка, всё так же твёрдо стоя на месте и веря в свою спасительницу, произнесла:

— Послание от Имперской охотницы. — Протянула в руках такой же завернутый в тряпочку клочок бумаги.

«Я в вас не сомневалась. И не хочу, чтобы вы сомневались в моих возможностях. Орден следит за вашими действиями и ждёт содействия. Считайте это платой за пролитую невинную кровь и поблажки, из-за которых в Тэтэнкофе во всю расцвела коррупция.

Мы есть — всё, и мы повсюду. От нас не скрыть и капли пролитой невинной крови. Не верите? Тогда взгляните на одежду вашей дочери...

Глава семейства Бэтфорт, ваш род застыл между молотом и наковальней, советую задуматься над этими словами».

Дочитав, Бэтфорт старшая резким движением спрятала клочок бумаги в своей ночнушке, а следом, стоя всё так же под дождём, оглядела лужайку с множеством росших на ней кустов и деревьев. «Сука, завтра же прикажу всё к чёртовой матери срезать и сжечь...»

Тяжело вздохнув, она взглянула на ребёнка и спросила:

— Тебе ещё есть, что сказать?

Немного помолчав, ребёнок кивнул, тем самым удивив хозяйку и того, кто из тени продолжал наблюдать за этой необычной парой.

— По маленькому хочу... — Ответ девочки вызвал на лице воительницы улыбку. Вслед за чем та, взяв дитя на руки, в один прыжок оказалась на своём же третьем этаже.

«Кажется, убивать ребёнка женщина не планировала, вот только неужели любопытство не возьмёт верх?» — подумал Глауд, и уже спустя секунды в окне вновь показалась голова Эльги, с интересом поглядевшая вверх.

— Святые угодники... — выдернув торчащий из камня нож, обронила Бэтфорт. Нервно проведя рукой по шее, она, вновь заглянув наверх, попыталась отыскать хоть какой-то клочок бумаги, но, так того и не обнаружив, произнесла: — Вполне возможно, что, ответь я по-другому, уже давно бы валялась с перерезанной глоткой или и вовсе отрубленной головой.

Собрав самых верных воительниц, Бэтфорт старшая в спешке приказала тем подготовить свою лучшую комнату, а также приставить к ней караул. Подобного развития событий Эльга никак не ожидала. Эти убийцы, Орден или как они там себя называли в послании, прямым текстом угрожали её дочери и единственной наследнице Брун, являвшейся одной из сильнейших, как считала сама Эльга, ведьм в Тэтэнкофе. Её непроницаемое поле хвалили и местные мастерицы, и даже бывалые преподаватели Багры; никто не смог бы прикоснуться к Брунхильде без её желание.

Влетев в спальню дочери, словно ураган, женщина, распахнув двери гардеробной, принялась раскидывать немногочисленные одеяния своего дитя.

— Ты чего творишь? — продерев глаза, сонно проямлила дочь.

— Где твой сегодняшний наряд, в котором ты ходила на занятия? — перебирая юбки и платья, взволнованно рявкнула старуха.

— Чего? — помотав головой, словно ослышалась, спросила дочь.

— Где, чёрт тебя побери, твой наряд?! — взревела мать, тем самым слегка испугав девушку.

— На кресле, — коротко отозвалась молодая ведьма, на что мать, опять выругавшись, упомянула лихим всех слуг и дочь, «настолько занятую», что даже на вешалку одежду повесить свою не может.

Чуть ли не носом тыкаясь при свете факелов в одежду, Эльга сантиметр за сантиметром осмотрела сначала блузку, а после, чертыхнувшись, наконец-то обнаружила искомое на юбке. Маленькая расплывшаяся и подсохшая красная точка неопровержимым доказательством запечатлелась на одежде её дочери.

— Откуда кровь, Бьянка? Ты не говорила, что сегодня на занятиях тебя кто-то ранил. Ты кого-то избивала? Бога ради, скажи, что это именно так.

— Я никого не избивала, и никто ко мне без моего ведома сегодня не прикасался, Эльга, — думая, стоит ли говорить о произошедшем в карете матери или нет, ответила та.

— Тогда, пожалуйста, ради всего святого, объясни, как это пятно очутилось на твоей юбке? Чья это кровь, дочка?! — На лбу воительницы проступил пот. Напуганная, беззащитная даже в собственной крепости, она пыталась понять хоть что-то. По-настоящему ощутить чужую, преследовавшую её семью силу, казавшуюся сейчас той чуть ли не божественной.

Глядя в искажившиеся то ли от злобы, то ли от ужаса глаза матери, Бьянка, не представляя, что так сильно могло её переполошить, слегка помолчав, ответила:

— Это кровь Глауда...

От сказанного сердце Эльги едва не сбилось с привычного ему ритма. Плюхнувшись задницей на мягкую кровать дочери, та едва слышно произнесла:

— Если ты хоть что-то плохое сделала с сыном моей доброй подруги, я тебя лично придушу.

— Я ничего плохого не сделала! — вскочив, возразила матери ведьма, а после, вспомнив, как случайно разбила тому нос не до конца развеявшимся барьером, добавила: — Почти...

Всю последующую ночь, до самого рассвета, Бэтфорты обсуждали творившееся вокруг их города и рода. Выслушав рассказ дочери, Эльга поделилась своим. Старая воительница давно считала, что этому месту нужна свежая кровь, вот только поддержки у неё никогда не было, и сейчас, когда в Тэтэнкофе появилась третья сила, она наконец-то сможет действовать.

Абсолютной веры к незнакомке у неё не было. Пусть та и спасла дитя, фактически оставив его заложником, она прямым текстом предупредила о слежке за её дочерью и наследницей, а также сыном рода Вольф. И если дочку Эльга ещё сможет как-то защитить, даже от целой армии убийц, банально закрыв в крепости, то вот мальчика ждал крайне печальный и горький конец. В мастерстве воительниц Ордена Вечной Тишины, успевших показать свои способности на её улицах, она не сомневалась. Как и в том, что вместе с парнем на тот свет может отправиться разом и всё его семейство, включая её старую подругу.

Ставить стражу бесполезно. Призывать на патрулирование ведьм? С оплатой их услуг разве что имперская казна справится. Сама Бэтфорт едва могла позволить себе содержать пару тройку ведьм, а о поддержании постоянного сигнального барьера и речи идти не могло. «Бэтфорты в отличии от Штольцгеро не гадят золотом».

Всё, что она могла сейчас, так это оповестить о случившемся подругу и наблюдать за действиями и поступками тех самых проклятых визитёров, свалившихся на её старые уставшие плечи. Ждать, к слову, пришлось не долго.

С первыми лучами солнца постовая ведьма, нёсшая дозор у одних из нескольких городских врат, вкратце отчиталась о бегстве рабов и появлении на улицах той самой «сказочной охотницы». Ведьма говорила долго, замысловато, всеми силами пытаясь прикрыть самую главную и жирную свою ошибку, а именно: саботаж и бегство рабов...

— Между молотом и наковальней, значит... — Повторив слова из послания, капитан велела подчинённым собрать отряд и отправиться на поиски беглянок. Трупов после побега не было. Не могли же орденские и тут успеть отличиться? Да и зачем им вообще рабы?

Глядя в потолок своей комнаты и наслаждаясь приятным прохладным ветерком, дувшим с моря, я наконец-то смог почувствовать себя счастливым. Этой ночью мне удалось осуществить всё задуманное и без косяков. Впервые...

Под звуки моего личного будильника, начинавшего день строго в одно и то же время, переживал лишь о мелкой засранке Хоме, посещение которой для меня теперь являлось задачей непосильной. Кто знает, куда Бэтфорт старшая запрячет дитя и как долго станет с той нянчиться. Возможно, и вовсе стоило отправить малышку с рабами, да только это ещё опаснее, так как бегство такой большой группы наверняка поднимет беспокойство в городе, и у капитана не останется другого выбора, кроме как послать отряд на поиски беглецов.

Связь между нами предстояло ещё наладить. Я взял с рабыни обещание, что каждую ночь одна из её людей будет дежурить и ждать меня в зарослях у восточной стены. Мне требовалось поторопиться и обзавестись необходимой для преодоления стены экипировкой. Хотя бы той же верёвкой, а ещё лучше веревкой с кошкой — крюком.

Также не стоило забывать и о домашних делах — как порядочный отпрыск я обязан создавать вид бурной деятельности. Учиться, показывая окружающим, как «сильно» я хочу стать частью одной из гильдий. Тренироваться, надеясь на опыт и мастерство той же Горы, которая единственная, на мой взгляд, сейчас была мне не по зубам. И, конечно же, при всём этом я ещё должен изучать портовый район, завоёвывать уважение окружающих ко мне и моей семье, а также попутно пытаться вывести все грешки ростовщиков Штольцгеров и бургомистра Тэгиноф.

«Трудишься-трудишься без выходных, по ночам и с переработками, а тебе даже спасибо никто не скажет. Где средневековые профсоюзы? Вот кому жаловаться молодому убийце вроде меня?!»

С этой глупой шутки и начался мой очередной «обычный» день. Спустившись на первый этаж, в роли обиженки поприветствовал чувствовавшую вину за вчерашнее мать. По факту я не был виноват в том, что опоздал, но ей требовалось показать своё главенство и вес её решений. «Мой дом — мои правила, да, Хельга?»

Заполнявшее первый этаж зловоние — по-другому запах, доносившийся из котелка слегка смущал.

— Доброе утро, братишка... — Зевая, со второго этажа неспешно спустилась в чём мать родила Сигрид. Подобная картина тотчас напомнила, сколько этому телу лет. В лёгких тканевых штанах оттопырившийся бугорок можно было увидеть из другого конца комнаты. Согнувшись над котелком, я попытался снять его, дабы прикрыть мужскую срамоту, а попутно и вылить кислотную хрень, которую вчера кашеварили мои сёстры, а быть может, и сама Хельга.

Женская ладонь с чувством плюхнулась на мою задницу, не забыв при этом сжать её. Едва не ткнувшись головой в открытый чан, не скрывая удивления, я обернулся. «Совсем с катушек слетела?» — немой вопрос в моих глазах сильно позабавил Сигрид, сорвавшуюся на смех.

Порывшись в вещах матери, сестра подобрала какие-то штаны и заговорила:

— Глауд, а ты немного изменился: попка плотнее стала, да и сам пару кило поднабрал. — Приодевшись, сестра вновь подошла ко мне и, крепко обняв, добавила: — Я

раньше переживала: мол вдруг мой тощий братишка случайно насквозь проткнёт своим костлявым копьём будущую жену, вот хохма-то будет.

«В члене нет костей...» — закатив глаза, оттолкнул от себя потную и грязную сестрицу.

— Иди умойся, Сигрид, — фыркнул я.

— Но я ведь только оделась?! — недовольно выдала она. — Хотя, если ты мне в этом поможешь, я не против...

«У неё что, течка началась?» — когда руки воительницы застыли на моих бёдрах, промелькнуло в голове.

Рыкнувшая на обнаглевшую дочь Хельга быстро пояснила, чей Сигрид отпрыск и что с ней будет, если она в ближайшее время не приступит к работе. На сегодня, завтра, послезавтра да и на целые недели вперёд — кузня не без моей помощи обзавелась заказами. Сейчас Хельга осваивала новое для себя занятие: переплавку. И пока она набивала в ней руку, старшая дочь занималась тем, что умела, а именно: точила, стругала, носила и выносила.

Удивительно, но первый этаж даже для меня сегодня показался чистым. Ни тебе разбитых кувшинов из-под вина, ни объедков. Посуда в деревянном тазу на улице, да и к тому же помытая. Вчерашний конфликт тому причиной? Или, быть может, мои грязнульки наконец-то поняли, как порой приятно жить в чистоте? Не знаю...

Сегодняшний завтрак прошёл крайне спокойно. Продуктов в доме почти не было: кажется, все они вчера пошли на эту баланду, которую я вылил в выгребную яму на заднем дворе. К слову, никто и не расстроился.

Молча ели варёные яйца и вяленое мясо из личных закромов матери. Ели, что самое приятное для меня, в тишине. Грязной посуды после сегодняшнего завтрака почти не было.

Выйдя на улицу, заметил бродившую вдоль стены соседскую кошку. Дамочка чего-то ждала, и, как только заметила меня, я понял, чего именно.

С мытьём пары тарелок за пару минут я и сам мог справиться, она это прекрасно видела и чувствуя, что в ней не нуждаются, после приветствия засобиравлась восвояси.

«Держи косточку», — с этой мыслью кинул ловкой кошке варёное куриное яйцо. «Твой завтрак, соседка». Глядя, как та с поклоном в девяносто градусов смотрит мне в след, вернулся домой и принялся собираться на учёбу.

Бьянка прибыла как по часам. На этот раз никаких прогулок пешком, только карета, десяток суровых наездниц и заспанное лицо ведьмы.

Брунхильда, испытывая стыд за вчерашнее, позволила нам двоим ехать в тишине и спокойствии. Разглядывая улочки, дома, людей, я всё так же пытался запоминать мелочи, приметы окружающих. Связав себя с учебным заведением, незаметно утратил возможность посещать торговую площадь, следить за настроением улиц и проживающего на них народа. Из-за банальной нехватки времени не получалось находиться везде и сразу. Исходя из этого, требовалось подойти к вопросу под другим углом.

Будучи запертым в стенах академии, я не мог повлиять на старшее поколение рабочего класса, занятого в своих мастерских и на полях. Трудяги были недоступны. Именно трудяги, но не их дети.

Классовое неравенство влияет на всех. И подобное место, сконцентрировавшее в себе все уровни прослойки, являлось настоящим рассадником людских пороков. Сегодня следовало найти подобных мне: отщепенцев, бродяг, попавших в академию лишь за счёт титанических усилий своих родителей. Наверняка этим ребятам приходилось не сладко, и

мне предстояло слегка ухудшить их положение, а после, когда они окажутся в отчаянии, протянуть руку помощи, тем самым полностью завоевав доверие бедолаг.

Да и к тому же не стоило забывать о другой крупной и весьма значимой проблеме: Штольцгеры и их потомки. Один из сильнейших и важнейших родов города Тэтэнкоф. Пока они живы, мне, даже взяв в жёны Бьянку, не удастся спокойно существовать. Не сумею породниться, эти ребята примутся мстить и вставлять палки в колёса до тех пор, пока одна из двух сторон полностью не уничтожит другую.

К сожалению, лично устранить эту семью я не мог. Одно их существование в этом городе помогало населению видеть ту социальную пропасть, разделявшую нищих и богатых, и именно нищим при моей непосредственной помощи предстояло свергнуть своих царей. Если бы я лично убил Штольцгеров и всю местную верхушку, народные волнения на время могли утихнуть. «Буржуи получили бы своё, справедливость восторжествовала», — и подобного исхода следовало избежать любой ценой.

В головах крестьян не должна присутствовать третья сила, способная решить их проблемы. Озлобленная, уставшая и измученная Чернь, для исполнения моего плана обязаны ненавидеть аристократов. Именно этого сейчас я и добиваюсь, и именно этим придётся мне заняться в академии. Как и тогда, на рынке, столкнуть между собой как можно больше семей.

Учебный день повторялся, первые часы в академии, как и вчера, предстояло провести в компании старой ворчливой бабки, которая при виде Бьянки вела себя тише воды ниже травы. Ещё одной отличительной особенностью стало увеличение количества учащихся, расположившихся на задних партах. Причиной тому были всё та же ведьма и наш рыжеволосый друг Эрэн, переместившийся со своей свитой поближе к верхним рядам. Больше часа тот, скрежеща зубами, слушал, как я мило беседую с Брун, а та хихикает, краснеет, обменивается со мной касаниями, изо всех сил пытаюсь строить прилежную ученицу, хотя её шаловливые ножки, обвивающиеся под столом вокруг моих, говорили совершенно об обратных интересах.

Опоздавшая из-за проблем в семейных делах почти на всю лекцию Жозефина, прибывшая сегодня лишь в сопровождении Каи, также подметила крайне скверное расположение духа «милашки» Эрэна. Вигенвагенша по секрету рассказала о рабах, каким-то чудом сумевших этой ночью высвободиться из цепей, раздеть и обезвредить городскую стражу, охранявшую ворота, при этом ещё и никого не убив.

«Чудо чудесное», — так отозвалась об этом происшествии Кэтингем, ведь из той связки, отправлявшейся этим утром на рудники, их семья потеряла всего двух не самых дорогих женщин. В отличие от тех же Штольцгеров, которые лишились двух дюжин*.

Истории о преследовавших семейство ростовщиков неудачах в свете последних событий приобрели более масштабный размах, чем хорошо влияли на моё настроение. Да и поведение их потомков, так любезно рассеявшихся прямо перед нами, не могло не радовать. Этот молодой «аристократ», окружённый своей свитой, находившейся с ним только из-за статуса папочки, не видел или отказывался видеть истинное отношение окружающих к своей персоне. «Всегда прав, уверен в сказанном и возвышен». Он не стеснялся красным словцом напомнить «место» не только другим ученикам, но и даже друзьям.

Помогая всё той же Бьянке, я поневоле стал свидетелем очередного гнусного поступка юнца. Эрэн, решивший занять место в центре, своей выходкой неожиданно расположил к себе пару молодых девушек, судя по одежаниям являвшихся детьми уважаемых ремесленников

с их же берега. Кучерявая и конопатая девчушка, расценив этот жест как символ доброй воли, обернувшись к «возвышенному» отпрыску, попыталась с тем заговорить и даже сделала бастарду комплимент, получив в ответ оскорбление.

— Эрэн, ты, случаем, бляение овцы не слышал? — хохоча с собственной шутки, проговорил рядом сидящий малец, вгоняя в краску девушку.

— О, а я думал, это чья-то отрыжка... — Нога парня со стуком ударилась о спинку длинной лавки на которой сидела кучеряшка, после чего тот, схватив девушку за волосы, потянул на себя, спровоцировав реакцию стражи, обнажившей свои клинки.

— Что у вас там происходит?! — грубо рявкнув, вмешалась старая наставница.

— У ученицы в волосах запуталась соринка, а я лишь помог той от неё избавиться.

— Лжец, — зашипела стражница, закрывшая госпожу спиной и взглядом уткнулась в десяток направленных на ту мечей.

— Вот как? Тогда не стоит ли молодой Виг поблагодарить уважаемого Эрэна из семейства Штольцгеров за помощь?

«Да они издеваются? Она ведь прекрасно всё видела!» — я начинал злиться.

— Простите, — едва слышно ответила девушка, уткнувшись лицом в стол.

— Вы что-то сказали, горожанка, ох, простите, оговорился, Виг? — Хохот стражи мальчишки, как и его спутников, прокатился по всей аудитории.

— Про-сти-те, — стиснув зубы, чуть громче ответила та, и в её кучерявую голову тотчас прилетел скомканный кусок бумаги.

— Помощь ей наша не понравилась?! Возвращаем! — Вслед за первой бумажкой полетела вторая и третья, но вставшая между вырожденками и бедолагой стражница с гордо выпрямленной грудью приняла на себя все эти детские нападки.

Взгляды местных учащихся в большинстве своём показывали равнодушие. Пока тех не трогали, они могли и посмеяться, и посочувствовать, но как только беда приходила на их порог, сразу же опускали головы и смиренно принимали любое ненастье, упавшее сверху. Сколько, наблюдая такую мерзость, по-настоящему смеялось и поддерживало этого засранца? Сколько ещё они собирались терпеть подобное к себе отношение? День, месяц, учебный год? Имея тёплые дома, в которые могли вернуться, семьи, о которых должны были заботиться. Они побоялись встать на пути у власти, системы, тем самым положив начало самой древней и до сих пор ни разу не завершившейся мирным путём классовой борьбе.

«Они боятся всё потерять, а я нет».

— Хватит, Эрэн, ты ведёшь себя неподобающе для сына столь знатного рода.

Одеревеневшие лица всей аудитории со скрипом обернулись. Внимание собравшихся сконцентрировалось на мне.

— И кто же смеет меня учить тому, как должен поступать аристократ? — Поднявшись, с вызовом взглянул на меня рыжий. — Блоха из собачьего переулка? — Усмехнувшись, тот взглядом оценил зал — хохотали сейчас лишь его приспешники и стража. Кажется, до мальчишки дошло, в этот раз он перегнул палку, но... «Отступить уже поздно, верно, Эрэн?»

— В каком же плачевном положении твой род, если даже у несчастной блохи больше чести, чем у благородного отпрыска. — От моих слов охнула даже Жозефина.

— Щенок, да я с тебя кожу живьём сдеру! — Рука Эрэна легла на клинок. Сейчас нас разделяло несколько рядов и добрые пять метров, отчего назревший конфликт больше напоминал лаянье двух спрятанных за забором дворняг.

— Опыта не хватит, щенок. — Оскорбление, сорвавшееся с моих уст, стало весьма

серьёзной причиной для нашей последующей дуэли. Бастард понимал это так же, как и то, что на мою сторону в случае надобности встанет Бьянка, вполне способная противостоять его стражницам. — Чего стоишь, ты, кажется, обещал с меня шкуру снять, тебе с этим помочь или ты как большой мальчик хоть раз в своей жизни сам что-нибудь сделаешь?

— Большой мальчик... — прыснув в ладошку, хихикнула Бьянка.

— Лордесса Бэтфорт смеётся с отпрыска Штольцгеров.

— Ещё бы, ты слышала, как его этот дворовой кот уделал?

— А мальчишка-то ничего, теперь понятно, что ведьма в нём нашла...

Внезапно на Эрэна со скоростью лавины рухнуло повсеместное порицание. Косившиеся на него с отвращением вчерашние жертвы взглядами желали тому смерти, хихикали, порождая сплетни и тем самым пожирая «доброе имя его семьи».

— Глауд, я, Эрэн Дэ* Штольцгер, вызываю тебя на поединок чести. Никакой магии, защитников, слуг, зелий и артефактов, только ты и я! — Дерзко глядя на обеспокоившуюся таким заявлением Бьянку проговорил здоровяк, рассчитывающий на своё превосходство в росте и грубой силе.

— Разумеется, я принимаю ваш вызов. — Ответив полупоклоном, для придания ситуации большего контраста, я щедро запустил ему в лицо одним единственным медяком, завалившимся в моём кармане. — Это в благодарность за твои усилия, малыш, — вогнав финальный гвоздь в уничтожение репутации мальчика, произнёс я.

Дэ* — приставка, обозначающая бастарда.

Дюжина* — двенадцать.

Ждать начала занятий по телесному развитию никто не собирався. Едва с учебной звонницы сорвался первый удар колокола, одна из обиженных моим поступком стражниц, обнажив клинок, попыталась задеть меня в резком прыжке.

— Прекратите это безумство! — выкрикнула старуха наставница, вытащив из-под учительского стола колокольчик, чей звон тотчас собрал в нашей аудитории больше двух десятков местных стражниц.

— Дэ Штольцгер, угомоните свою подопечную, или я буду вынуждена сообщить о её поведении главе рода Пенеде! — упоминание последней отрезвляюще подействовало на обиженку, чей клинок остановила даже не Бьянка, а всё так же сидевшая спокойно за своим столом, смуглая Кая.

— Только ты и я, Глауд. Сегодня, на этом же перерыве! — ядовито сплюнув, рыкнул рыжик. Я же, глянув на пол, с облегчением вздохнул: токсичная слюна паршивца не проела деревянный настил, а значит, эта древняя хибара, называемая академией, случайным образом не рухнет, если я вспорю тому брюхо и запачкаю такой же ядовитой кровью окружающие арену колонны. Не знаю, как так вышло, но этот выродок умудрился вывести меня из себя.

Когда я в окружении Брун и Жозефины, спускаясь, поравнялся с рядом сидевшей с красными глазами кучеряшкой, ведшей себя уж точно не как положено дамам этого мира, охранявшая её стражница, склонив голову, проговорила:

— Благодарю, но вам не стоило вставать на нашу защиту...

— Это не ради вас, — всё так же хмуро, прибывая в настоящем бешенстве, честно ответил я, вызвав своей «скромностью» неописуемый восторг на лицах всех собравшихся: как стражниц, так и их подопечных.

Эрэн видел мою физическую слабость и прекрасно знал о силе Брунхильды. Опасаясь поражения одной из своих приспешниц, паршивец решил лично со мной разделаться, рассчитывая на грубую физическую силу и навыки, коим его точно обучали в роду. Ведь, помимо большинства других мужчин, замеченных мной в этом мире, за его телом я не заметил излишних жировых отложений или свойственной беднякам худобы. Напротив, тот обладал сильной спиной, широкими плечами и кулаками. В нынешнем физическом состоянии, дерись мы на тех самых кулаках, мои удары оказались бы тому нипочём. Но благо кулачный бой — удел черни. Аристократы предпочитали пускать кровь при помощи своих именных клинков. И сейчас мне предстоял выбор: взять в руки копьё, стараясь держать человека выше и сильнее себя на дистанции, или воспользоваться преимуществом своей комплекции и подобрать нечто, способное дать мне мобильность и преимущество.

К моменту, когда мы оказались на арене, от варианта с копьём я оказался. На блокировку ударов Эрэна у меня банально не хватит сил, и я рискую оказаться поваленным на землю. А это значило, что если я не планирую ставить блоки, то мне придётся парировать, перенаправлять, уклоняться и бить на контратаках. Шпага являлась лучшим решением, но, к сожалению, на оружейном столе, доступ к которому предоставила сама Дэйда Северная Гора, её не оказалась.

— Может, посоветуете что-нибудь, наставница? — спиной чувствуя пристальный взгляд громилы, в шутку спросил я.

— А смысл? Ты ведь и так прекрасно знаешь, что тебе нужно, — застав меня врасплох, отозвалась воительница.

— Да будет вам, откуда... — хотел отшутиться я, но великанша тут же перебила.

— Не играй со мной, мальчишка. Ты думал, я не замечу твоего шутовского вчерашнего поединка? — «Кажется, она видела меня насквозь». — К чему весь этот цирк, Глауд? Ваши статусы разные, но по силе, могу сказать, вы равны, а это опасно. Ведь именно в равных поединках гибнут хорошие войны. Так почему ты так сильно желаешь крови Эрэна?

— Люди Штольцгероv напали на меня и моих сестёр, при этом чуть нас не убив. Как думаете, что должен чувствовать горожанин, глядя на того, по чьей милости в его груди красовался огромный металлический штырь? — Для обмана хитреца скажи тому правду. Ну или как в моём случае — частичную.

— Какое оружие ты ищешь? — спросила Гора.

— Гибкое, прочное, лёгкое, — ответил я.

— Такого не существует, иначе каждый носил бы с собой подобное, — разочаровывающе произнесла воительница, а после добавила: — Однако есть у меня один ножичек.

Из-под собственной мантии Гора вынула тонкое и длинное лезвие, неподходящее для блока или пробивания доспеха, однако идеальное для проделывания дыр в кольчуге.

— Мой собственный клинок, имя ему Дырокол. Сейчас на твоём сопернике почти нет брони и он перед тобой фактически беззащитен. Самое то для точечных ударов. Вопрос лишь в том, сможешь ты до него дотянуться или нет.

«Дотянусь, будьте уверены». Кивнув в ответ, взглянул на соперника. Рыжий парень, пафосно фехтуя сразу двумя полторными мечами, с вызовом тарачился в мою сторону.

Сейчас всё выглядело немного по-другому. Ни меня, ни Эрэна никто не поддерживал. Трибуны замерли в тишине, а наблюдатели, глаза, боялись произнести и слова. Штольцгеры, элита из элит, и пусть рыжий и являлся всего на всего бастардом, значимость семьи, стоявшей за ним, не кто не отменял.

«Давай, малыш, облегчи задачу, вызови меня на смертельный поединок и ценой собственной жизни заставь свою мать в открытую действовать против семьи какого-то крестьянина».

— Жалкий слизняк, сегодня я покончу с тобой раз и навсегда, — не став кидаться пафосными речами и «очень страшными» взглядами, на всю арену возвестил парень.

— За что? За то, что Бьянка выбрала меня, а не одного из твоих братьев аристократов? — обернувшись к собравшимся ученикам, спросил я. — Или за то, что не позволил тебе издеваться над ни в чём неповинной девушкой, прикрываясь громким именем семьи и наставницы? — Так же присутствовавшая на трибуне старуха, видя, с какой ненавистью на неё смотрят ученики, злобно насупилась. — Сегодня ты опозорил честь титула лордесс, Эрэн. От одной лишь мысли о том, что прекрасная Брун одного положения с подобным тебе, у меня внутри всё сжимается. — Черда томных вздохов пронеслась по трибуне. Мужчины здесь не привыкли говорить женщинам комплименты и подобное, расценивалось как признание в любви. Вот и Бьянка от моей реплики, натянув шляпу по самые уши, под переместившийся на ту взгляд трибун прятала своё покрасневшее лицо.

— За всё... — не ощущая за собой какой-либо поддержки, рыкнул тот. — Наставница, я требую поединка насмерть. Родичи не простят меня, если я не покараю чернь за столь мерзкую и наглую ложь.

«Правильно, ненавижу меня в свой последний час...» — наблюдая, как трибуны с волнением обсуждают вызов, подумал я.

— Ваши мотивы, Де Штольцгер, мне ясны и понятны. Однако мы не восточные варвары. Я не допущу того, чтобы молодые мужи империи колотили друг друга до смерти на потеху толпы. Поединок до потери сознания. Пускайте друг другу кровь сколько хотите, но не убивайте — таковы условия академии, — склонив голову, произнесла Дэйда.

— Наставница, — уважая выбор сильнейшей, так же склонив головы и принимая её волю, отозвались мы.

Команду к началу поединка мы оба восприняли спокойно. Эрэн из-за уверенности в себе и собственной победе. Ну а я в ожидании его первой атаки, от которой, собственно, и зависела моя дальнейшая судьба. Ведь, окажись он скрытым гением клинка, в очередной раз поддавшегося эмоциям, меня мог ждать не очень хороший финал.

— Ты так и будешь стоять и пялиться на меня, тупая псина? — постепенно приближаясь, рыкнул Эрэн.

— Дамы вперёд. — Подозвал я парня пальцами. Лишь в момент его атаки, осознав, какую чушь сейчас ляпнул.

Лёгким касанием Дырокола, я увёл рубящий удар в землю, разочарованно глядя в полные ярости глаза рыжего. «Дерьмовый, оказывается, из тебя боец, Эрэн».

Следующий его взмах вынуждает меня сделать заднее сальто. В спине с непривычки что-то хрустнуло, отчего я, рукой схватившись за поясницу, попятился назад. Толпа истерично заржала, а подумавший, что я таким вот образом пытаюсь его опозорить, Эрэн кинулся в очередной раз на меня в лобовую.

Его грубая и резкая техника, без переходов и продолжений комбинаций, позорила не имевшего возможности даже коснуться меня война и того, кто его учил. Варвар махал своим мечом, словно оглоблей или кочергой, даже не пытаясь показать красоту фехтования. Вот только вся шутка заключалась в том, что сейчас Дэйда больше удивлялась не его умению, а моему «таланту» уклоняться. Ожидавшая приблизительно равного боя воительница пыталась понять, кого именно своим решением она спасла от неминуемой гибели.

Заметив за собой потливость и усталость, в очередной раз уклонившись, я поднырнул под ударом Эрэна, а следом, оказавшись у того за спиной, отвесил чувственный подсрачник. «Так, малыш, злись ещё сильнее, этой ночью тебе предстоит долгие размышления о том, как отомстить семье, плавящей метал, за такое унижение».

Взревев, Эрэн в очередной раз бросается в атаку. Стараясь зацепить меня хоть одним из своих полоторных мечей. Из прошлого моего урока парень ничего так и не усвоил. Спрятав клинок за спину, вновь спокойно прогнувшись, уклоняюсь от короткой комбинации, оказываясь у противника за спиной. Сильный удар плоской стороной клинка вновь обрушивается на многострадальную задницу мальчишки. Именно данная часть тела была выбрана мной для воспитательных целей. Вполне возможно, что, если рыжий сделает правильные выводы и не станет обижать всех, кого только может, я, разобравшись с его матерью и семьёй, оставлю того в живых.

— Сукин сын! — Рыча, снова вспахал землю своими мечами рыжий.

Третий удар по заднице из-за моей неопытности в обращении с подобным оружием распарывает парню штаны. По его оголившимся ягодицам течёт кровь.

— Ты бьёшься без чести! — кричит тот, промахиваясь. «Какая, к чёрту, честь, когда ты почти в два раза шире меня и к тому же выше?» Очередной удар по пятой точке создаёт ещё

один порез.

За половину поединка я не сказал и слова. Лишь уклонялся и, когда Эрэн открывался, контратаковал. Импульсивный, горячий, униженный, он раз за разом допускал одни и те же ошибки, получая от меня новый неприятный режущий удар. Глупое дитя никак не хотело учиться. А я не мог придумать, как направить его на правильный путь.

Кто-то когда-то сказал: «Дети неповинны в деяниях свой родителей», — и сейчас я, готовый с этим согласиться, искал в себе силы и возможности разглядеть в этом горячем юноше хоть частичку сострадания и доброты, позволившую бы мне в будущем сохранить ему жизнь.

Двадцатилетний, не успевший сполна прочувствовать все прелести и невзгоды этого мира, он вполне мог действовать по наводке главных представителей рода. Послушно выполнять их приказы, завоёвывая тем самым уважение и право носить собственное имя. Я надеялся, что эти его издевательства — всего лишь ширма, за которой он прятал сожаление.

Я искал в нём человечность, коей никогда не видел в себе, и, к сожалению, так и не нашёл.

Устав играть с этим ревушим зверем, я перешёл в нападение, используя серию быстрых и не сильных ударов. На кровоточащем теле, голубой крови я не видел ни на его заднице, ни на спине. Эрэн — обычный мальчишка, не получивший должного воспитания. И это был мой специальный и последний для него урок.

Победитель в нашей дуэли очевиден. Доведя несчастного до состояния полного изнеможения, я перевёл взгляд на затаившие дыхание трибуны.

— Убей... — послышался чей-то голос оттуда.

— Накажи выродка! — выкрикнул ещё кто-то.

«Убей его», — потребовала тёмная сторона моей личности. Пелена из воспоминаний прошлой жизни заволокла разум. В них я видел допившегося до могилы отца и пьющую который год мать, не стеснявшуюся обвинять меня во всех своих смертных грехах. Подсознанием я чувствовал перегар, вырывающийся из её рта, и удары, которые она и её последующие хахали оставили на моём детском теле.

Забавно, те воспоминания, позабытые мною в прошлой жизни, настигли меня в этой. Я наконец-то вспомнил, за что так сильно не любил людей.

Тёмная пелена из недр моей чёрной души завладела разумом, лишила зрения и слуха. Единственное, что я сейчас мог чувствовать, так это запах крови и желание... Чужое, неконтролируемое, требующее показать сбившемуся с пути агнцу истинную природу боли. «Я убью тебя, Эрэн».

Живучий парнишка, демонстрируя чудеса стойкости, бросил один из своих клинков. С трудом обеими руками удерживая последний. Сейчас напротив него стояло настоящее чудовище. Беспощадное, оно не спешило завершать их поединок, требуя, как и все собравшиеся здесь, крови. Его крови...

— Хватит... — опустив свой последний меч и пятясь перед наступавшей угрозой, едва слышно произнёс парень. — Прошу... — перебирая окровавленными ногами и стараясь не споткнуться об какой-нибудь залежавшийся камень, добавил тот, но его никто не слышал.

— Я сдаюсь! — бросив оружие и обеими руками схватившись за горло, прокричал парень. Но окружающие не услышали и звука.

Когда клинок Глауда вознёсся над головой Эрэна, при помощи перемещения наставница Дэйда едва успела в последний момент спасти жизнь одному из своих учеников.

Мощный удар и последовавшее за ним онемение в руках и предплечьях сильно удивили наставницу, и та с неподдельным ужасом взглянула на Глауда. Только что парень использовал магию. При этом не сказав ни слова?

Трясущимися от напряжения руками Гора отвела удар в сторону, а после, прижав потерявшего над собой контроль ученика к груди, произнесла:

— Всё кончено, Глауд, ты победил.

Тишина повисла над ареной и опустившимся на колени Эрэном. Сегодня впервые за десятилетия кто-то не просто восстал против порядков, созданных знатью, но и сумел при всём этом выйти из сложной ситуации победителем.

— Глауд победил! — вскрикнула кучерявая девчонка на трибунах.

— Вот он, наш чемпион! — поднявшись с места, также выкрикнула Жозефина, поддерживаемая звучно захлопавшей в ладоши Каей.

Именно так — под овации и редкие выкрики собравшихся на трибунах учеников — начал меняться весь север.

Кабинет деректора Академии Тэтэнкоф, Рубии Тэгенев.

— Я требую немедленного отчисления этого оборванца, а также порки и прилюдных извинений, он опозорил наш священный род! — грозно стукнув кулаками, потребовал мужчина, носивший солидный костюм главного слуги семейства Штольцгеро.

— Боюсь, это невозможно. Глауд победил в честном поединке. И тому больше четырёх сотен свидетелей, — глядя на рухнувший со звоном перед собой мешок с золотом, категорическим отказом ответила директор Рубия. — Или вы хотите опозорить имя нашей академии так же, как ваш отпрыск опозорил ваше?

Старая шестидесятилетняя Тэгенев, являвшаяся младшей сестрой местного бургомистра, сполна успела насытиться аристократическими замашками и выкрутасами учащихся в её академии. Ведь именно из-за подобных «законных требований» она, ещё будучи учащейся, после победы в дуэли была так же «справедливо наказана», из-за чего и по сей день вынуждена ходить с костылём, заменявшим оторванную конечность.

— Да как вы смеете?! Мой мальчик, он не мог проиграть этому ничтожеству в честном поединке. Наверняка выродок использовал какую-то магию! — едва не срываясь на крик, рассерженно вещал мужчина.

— Не забывайте, где находитесь и с кем говорите, — предупреждающе произнесла Гора. — Ваш... Назовём его так — боец... сам вызвал оппонента на дуэль, сам предложил биться насмерть, и если бы не моя ошибка, из-за которой я пожалела именно Глауда, а не вашего мальчика, то сейчас вы бы оплакивали не честь отпрыска, а его холодное тело, — не без сарказма отозвалась Дэйда. — К тому же, как я и велела, поединок до самого конца проходил без использования магии.

Вот здесь уже воительница нарочно слукавила. Последний добивающий удар Глауда пылал сырой, едва пробудившейся силой стихии. Вот только какой?

Свой дырокол она при помощи техник укрепления и усиления блокировала голыми руками. Он был не способен пробить её плоть ни в руках мальчика, ни в чьих-либо других. Ведь она в совершенстве владела методами противостояния данному оружию. Вот только... Порезы на ладонях, появившиеся вслед за её попыткой выхватить клинок голыми руками, никак не заживали. Её мана, которую умелая воительница чувствовала по всему телу, угрожающе пульсировала. Попытки направить ту в кисти раненых рук натыкались на неведомую преграду, полностью блокировавшую магические частицы. Там, где ещё с утра она ощущала буйное и беспокойное море энергии, царил мёртвый и пугающий штиль. Кончиками пальцев Дэйда попыталась создать узор укрепления — наипростейшее зачарование. Мана в её теле отозвалась лёгкой рябью, а после, словно бунтуя против хозяйки, едва начав образовываться в ладонях, развеялась, оставив после себя крайне болезненное ощущение и усилившееся кровотечение. «Он что, проклял меня?» — не на шутку распереживавшись, Гора сделала несколько плотков из своих личных запасов и моментально исцелилась. Благо данный эффект распространялся только на её собственные силы. «Мальчишка, способный развеивать заклятия... Быть может, Эльга, твоя дочь знала, кого зовёт с собой учиться в Багру». Сжав кулак, наставница вновь вернулась к обсуждению нерадивого и так заинтересовавшего её ученика, за обучение которого воительница решила взяться лично.

***

— Глауд, это было потрясно! То, как ты его прилюдно выпорол, — просто блеск! — выкрикнул нам вслед незнакомый парнишка.

— Да-да, пупсик, ты лучший! — хихикая, добавила девица, увязавшаяся за нашей компанией. — Если Лордесса Бьянка откажется от такого парня, в Торговом ряду тебе всегда рады!

«Глауд! Глауд!» — скандировала толпа. Вот только я с трудом мог вспомнить, как завершился поединок. Та безнаказанность и лёгкость, с которой я мог расправляться с Эрэном, вскружила голову, пробудила опасного демона внутри, и я потерял контроль, чуть не разрушив свою собственную жизнь. Чёрт, я даже ударил клинком наставницу, и это точно мне аукнется.

Бьянка, кстати, хоть и выглядела счастливой, не была таковой на самом деле: в глазах её я видел беспокойство. Кажется, она наконец-то увидела моё настоящее внутреннее «я». Вместе с ней забеспокоились и редкие потомки других знатных отпрысков, теперь с осторожностью косившиеся на меня издали. Если раньше большая часть из знатных дам не обращала на меня внимания, недовольно кривясь и отводя взгляд, когда мы с ними встречались, то сейчас всё стало по-другому.

В самых умных из них я видел опасение, ведь те так же, как и я, чувствовали настроение большинства, поддерживающего престолюдина. Другие, менее замысловатые, видели во мне объект своих личностных интересов. Кого-то привлёк внешний вид, кого-то стиль, а кто-то и вовсе глазел на меня лишь потому, что так делали другие. «Глауд, теперь ты знаменитость».

На самостоятельных занятиях в библиотеке наше окружение слегка выросло. Теперь все слабые и нерешительные подсознательно стекались поближе к тем, кто запросто мог отстоять их права, пристыдив или осадив знать. К слову, визит последних, крайне редко посещавших данное занятие с общими массами, не остался незамеченным. Держась всё так же обособленно, ребята в окружении своей многочисленной стражи не скрываясь косились в нашу сторону.

Мне это не особо мешало продолжать занятия с Бьянкой, а вот у Кэтингем от подобного влияния аж шерсть, вернее волосы, дыбом становились.

— Как же бесят. Глауд, тебя тоже? — сплюнув на пол, словно мы в какой-то харчевне, рыкнула голубоглазка.

— Не понимаю, о чём ты, — проверяя качество проделанной ведьмой работы, отозвался я. — Молодец, Брун, сегодня у тебя получается гораздо лучше. Тренировалась дома?

Слегка смутившаяся, та кивнула, а следом, растерев заспанные глаза, встала, взяла с полок несколько книг и положила перед мной.

— Читай, — заявила она, распахнув одну из старых пыльных рукописей на неизвестном языке.

— Ты же знаешь, я не говорю и уж тем более не читаю на языке Южных ветров. — Отодвинув кипу обратно ведьме, предложил ей самой прочитать, но наткнулся на точно такое же действие.

— Тогда учись. Он тебе понадобится в Багре, — настояла девушка.

— Багра — город ведьм? Что я там забыл? — слегка растерянно, не понимая, куда та клонит, спросил я.

— Ты маг, Глауд. — От её слов моя самооценка, словно выпущенная из пушки, взлетела вверх. «Маг? Тот самый, кидающийся фаерболами, летающий и творящий всякую херню?»

Я?!» — Во время сражения, не знаю, как у тебя это получилось, но в последнем ударе я чётко видела потоки тёмной маны. Пусть непривычно чёрная, пусть густая, как смола, но это точно была она, а значит, с момента пробуждения мир смертных и их жизненные пути для тебя закрыты.

— Смеёшься? Ему же за восемнадцать?! Как так-то?! — подорвавшись с места, повысила голос Кэтингем, но шикнувшая на ту ведьма попросила подругу вести себя чуть тише.

— В том-то и дело: обычно, когда душа приходит в мир живых, у неё около восьми лет на раскрытие, и чем раньше оно произойдёт, тем сильнее станет обладатель. Твой случай, Глауд, тем и уникален, что так поздно никто ещё не становился ведьмой и уж тем более магом. Даже если ты не захочешь ехать, я лично оповещу о таком происшествии Багру, и тебя заберут уже силой. — В голосе Бьянки не чувствовалось угрозы, она от чистого сердца заботилась обо мне и желала лучшего, попутно не осознавая, кому сунет палки в колёса. Да и к тому же её слова о приходящей в этот мир душе заинтриговали. Может ли получиться так, что именно моя душа серийного убийцы, появившаяся в мире относительно недавно, пробудила в теле силу? Тогда, получается, к моим навыкам убийцы, манипулятора и охотника могут добавиться новые, скрытые, о которых я даже не подозреваю?

— Не ставь мне условий, Бьянка. В этой жизни я буду делать что захочу и как захочу. — Мой недовольный взгляд воспринялся ведьмой вполне спокойно. — Сначала я позабочусь о семье в этом городе, об их достатке, безопасности и благополучии. И лишь после мы сможем вновь обсудить этот вопрос. — Улыбнувшись, ведьма кивнула.

— Ты готов обсудить наш отъезд. — Её взгляд, блеснув золотистым лучиком счастья, опустился на мои руки. — Большого и не надо...

Хороший ответ, красotka. Мне он по душе. Поднырнув под эту огромную шляпу, помня вчерашний опыт, осторожно коснулся губами её щеки. Ойкнув, она, вытянувшись по струнке, резко подорвалась со своего места, а после, не сказав и слова наблюдателям, пулей вылетела из аудитории. «Может, я перестарался?»

Долгое и протяжное «а-а-а!», а после и недовольный вскрик Жозефины вывели меня из размышлений. Шокированная моим поступком Кая, засмотревшись на нас, залила из своего чайника весь стол, а также униформу своей хозяйки.

— Как романтично... — произнесла она, платком вытирая Кэтингем и стол.

«Действительно...» — видя, как озлобленно поднимаются аристократы со своих мест, и так же, как и Бьянка, исчезают за дверьми аудитории, подумал я.

Последующий учебный день прошёл в штатном режиме. Занятия по письменности помогли нам с Бьянкой закрепить её успехи с прописями, а физкультурка дала возможность моему формирующемуся организму слегка окрепнуть. Сегодня наставница, всё так же делая вид, что приглядывает за Брунхильдой, всеми силами напрягала именно нашу компанию, словно собачью стаю, гоняя по всей арене. Парных поединков не было, как и спаррингов. Только физические нагрузки и её пристальный взгляд, следивший за каждым моим движением. Кажется, она, как и Брун, почувствовала во мне пробудившуюся магию.

По окончанию учебного дня, распрощавшись с семейством Кэтингем, я, предложив ведьме прогуляться и сходить куда-нибудь, услышал в ответ печальное и расстроенное «нет». Сегодня она намеревалась как можно скорее отвезти меня домой и помочь матери в решении каких-то очень важных семейных вопросов. А мой вопрос о том, связано ли это с уличной убийцей, о которой говорили наши матери, лишь подтвердил догадки. Не сумев

спокойно усидеть, та, пусть и не сразу, но поддалась, выдав мне частичку сведений.

Так, к примеру, я не узнал о посещении охотниц дома Бэтфортов, но узнал, что матери Бьянки каким-то чудесным образом удалось выйти на девочку и спасти её из цепких лап злодеев. Бьянка с каждым днём училась врать всё лучше и лучше, но до такого мастера, как я, ей ещё как до луны.

С ужасом припомнив той, как её мать обошлась с ребёнком в первый раз, с настоящим облегчением вздохнул. «Эта информация государственной важности, Глауд», — заявила ведьма, взяв с меня слово никому не говорить о том, что её семья взялась защищать одного из самых важных свидетелей. Я был рад такому, пусть и временному, отношению Бэтфортов к Хоме.

Шум за окном и чьи-то истошные крики отвлекли нас с Брун от обсуждений вчерашнего чудо вечера. На эшафоте, разместившемся прямо посередине торгового острова, все в крови на коленях стояли шестеро пленников, пять рабынь и одна женщина. Последнюю я хорошо знал. Это была пекарша, жившая вниз по нашей улице. Хорошая и трудолюбивая женщина, у которой моя семья вот уже семь лет подряд покупала свежий хлеб.

— Что здесь происходит, Бьянка? — Уже зная ответ, велел остановить экипаж, я выскочил из кареты, присоединившись к молчаливой толпе. Если исходить из исторических фильмов и прочей белиберды из моего мира, казни в основе своей сопровождались криками и осуждением деяний приговорённых, а тут... Лишь редкие возгласы со стороны знатных жителей города с укором ложились на окровавленные спины подсудимых. Их били плетью. Долго, сильно. Так, что в некоторых местах на их измученных спинах можно было отчётливо различить белизну рёбер.

— Все вы знаете, что этой ночью группа рабов, ожидавших отправки на рудники, сбежала из города, надругавшись и раздев наших храбрых стражниц, денно и ночью блюдущих закон на ваших грязных, заплывших мочой и дерьмом улицах!

«Блюдут они, как же. А вот с улицами и правда требовалось решить вопрос: дождь прекратился, и их смрад вновь напомнил о себе».

— Эти грязные, недостойные сострадания куски мяса опозорили доблестные имена наших защитников, спасителей, хранителей города. Бургомистр Тэтэнкофа не может стоять в стороне, когда на его улицах хозяйствуют варвары при поддержке «сострадальцев, не понимающих истинную опасность, исходящую от тех, кого они с жалостью называют своими слугами». Эта женщина не раз была замечена в обществе рабов. По ночам множество раз та подкармливала их. Вместо того чтобы раздать хлеб нуждающимся семьям Тэтэнкофа, она кормила рабов, тех, кто веками в бесконечных налётах убивает наших братьев и сестёр на Востоке!

«Она подкармливала всех, кого только могла». Несмотря на воодушевляющие речи глашатай, мнение толпы разделилось.

— Она предала Империю, предала вас, поставив интересы чужеземок выше интересов горожан и собственных соседей. — Поднимая с колен женщин одну за одной, глашатая лично накидывала и затягивала на шеях ни в чём не повинных петли.

— Прошу, у меня же дети... Прошу, разве Бог не говорил быть милостивым к своим врагам? Я ведь просто не дала им умереть с голоду... — Пред ликом смерти никто не останется равнодушным. Глауд, как и большинство собравшихся здесь, никогда не видел и слезинки на этом уставшем, вечно закопченном лице. А сейчас...

— Расскажешь это своему Богу, — выбив колодку из-под ног женщины, едва слышно

произнесла палач. Верёвка, пружинясь, подбросила тело. Шея женщины выдержала, обрекая ту на мучительные конвульсии и неспешную смерть от асфиксии.

— Не смотри, Глауд. — Попыталась закрыть мне глаза руками Бьянка, но я, тотчас вырвавшись из её рук, рассказал, кем на самом деле являлась та женщина. Вслух озвучил свои мысли, чувствуя поддержку в сердцах окружавших нас малоимущих людей. Смерть невинных никогда и никому не сходила с рук. Глядя, как рабыни прощаются с жизнями, для себя я уже решил, кто станет моей следующей жертвой.

Утро следующего дня. Академия Тэтэнкоф.

Зевая и едва удерживая голову от падения в миску с местной баландой, так любезно выдаваемой простолюдинам, в компании Жозефины внимательно, насколько позволяло моё измотанное тело, слушал местные сплетни и новости, коими студенты делились за всеми столами.

Так, к примеру, одна из дочерей стражниц, состоящих на службе у рода Бэтфортов, не стесняясь во всю разглагольствовала о жестоком убийстве, произошедшем возле северных врат, выходящих напрямиком к Хищному лесу. «Кто-то отравил ту, а после, ещё живой подвесив за ноги на столбе, снял со спины кожу и выпотрошил. Ведьмы нашли в крови глашатая какой-то «парозатор», из-за которого женщина в момент этих адских мучений находилась ещё в сознании, видела как с неё срезают кожу. Видела и ничего сделать не могла».

«Парализатор, девочка, он так называется», — хмыкнув, макнул кусок хлеба в похлёбку, тяжело вздохнул и вновь принялся жевать эту мерзость. К моему счастью, именно ядовитых трав и их смесей, которым местные алхимики так и не нашли применения, в доме травников я раздобыл в достатке. А после, намешав всего по мелочи, добиваясь нужного эффекта, чуть дубу не дал в собственной комнате. Несмотря на всю мою осторожность, ядрённость местных трав, а также исходившие от них благовония оказались крайне опасной и эффективной штукой. Именно благодаря ей мне удалось забраться на стену, отключить стражу, стащить пару вещей и передать кое-какие данные рабыне под стеной, а после, договорившись о новом месте встречи, вновь раствориться в ночи. Мои проделки много времени не заняли, так, например, я успел на обратном пути заглянуть во всё ту же лавку травников, кое-что подправить в их успевших немного протухнуть телах.

— А ещё, только между нами, — вновь подала голос, только более тихо, будущая стражница, — всю семью травницы с Нищего берега кто-то перерезал.

— Значит, они всё-таки мертвы... — сказала другая из обедавших. — Моя мать не обрадуется смерти старой подруги. Как это произошло: хищный лес, заказ из гильдии или, быть может, эта местная убийца, кошмарящая знать? — перечислив варианты, поинтересовалась она.

— В том-то и дело, прирезали её, скорей всего, свои. То есть люди из Тэтэнкофа. Между рёбер убитого мужа обнаружили сломанный кусок лезвия, саму рукоять нашли местные мальчишки и тотчас вернули страже. Представляешь, насколько город напуган? Даже нищие боятся подобрать чужое с земли.

— Да уж, подруга... — простонала дочка или подмастерье хозяйки алхимического магазина, у которой, по-видимому, я и покупал зелья усиления. — Сначала нас душили непомерными налогами, запрещая открывать своё дело. После, дав свободу, забрали инструменты и рабов, принявшись запугивать и вешать лучших. И за что? За кусок хлеба, переданный рабу... Местная знать совсем страх потеряла. Помнишь случай на рынке, произошедший несколько дней назад? Они пятерых наших на тот свет отправили и никого кроме торговки не наказали. А в трактире на Солнечной*? Одна ведьма из перстней в пьяном угаре испугалась тени в углу и пол трактира с постояльцами в труху перемолола. Семь трупов и ничего!

«А вот это она молодец, я даже об этом и не слышал», — усмехнувшись, подумал я.

Сидевшая до этого тихо Кэтингем, прибывшая на учёбу в сопровождении обеих сестёр, некоторое время наблюдала за мной, а после, расценив мою сонливость и немногословность как нечто иное, стала проявлять ненужное внимание.

— Хочешь? — пододвинув ко мне миску с нетронутой варёной курицей, спросила та.

— Сыт, — вспоминая вкусный утренний завтрак дома и сравнивая его с местным варевом, честно ответил я. — Как дела в торговле, много рабов за вчера продала? — обратился я к Кире, но она и не думала мне отвечать. Хмыкнув, мечница притянула к себе «мою порцию», а следом, взглянув на хозяйку и дождавшись одобряющего кивка, принялась уплетать. — Скажи, Жозефина, почему именно рабы? Ведь в мире множество других товаров и прочего. Почему именно торговля людьми? — Вопрос, заданный мной, вызвал на лице Виг снисходительную улыбку.

— Глауд, а какая разница, что именно продавать? Тяговые быки, коровы, лошади и вьючные ослы — они живут и существуют лишь потому, что полезны точно так же, как и рабы. Пойми, там, на границе, не возьми мы их в плен и не сделай рабами, они в очередном из своих набегов схватили бы граждан Империи и подвергли бы точно такой же участи, которая постигла их.

«Приятно осознавать, что попал в компанию таких же чудовищ, как и я сам». Несмотря на все страдания при перевозке, смерти и горе утраты, переживаемое рабами, Жозефина спокойно могла позволить себе улыбаться, шутить, говоря о столь жутких вещах. Для неё жизни детей, женщин и мужчин — лишь инструмент для достижения своих целей. Точно так же, как и для меня. «Благодарю за честность, подруга, ведь лишь благодаря честности, если между нашей дружбой встанет неведомая преграда и ты окажешься моим врагом, я без зазрения совести смогу тебя убить. Ведь ты, твоя мать и стражницы, такие же, как и я, а себе подобных я не жалею.

Следующее за обедом занятие предстояло в компании знаменитой Горы. Обойдя площадку дважды вдоль и поперек, так и не найдя Бьянку, оставшуюся сегодня с матерью решать семейные вопросы, грозная воительница, выставив всех по парам, наконец-то показала свой истинный интерес.

— Глауд, сегодня стоишь со мной, постарайся! — Предложение наставницы, а также отсутствие Брун стали для меня отличной возможностью попрактиковаться во владении мечом. Почтенно кивнув под сожалеющий взгляд Жозефины, поднял свой деревянный меч. — Атакуй! — отдала команду наставница, и я, тотчас сорвавшись с места, попытался достать её колющей атакой.

Дэйда, не стесняясь пользоваться своей чудовищной скоростью, поворачивает корпус и отводит клинок в сторону, а следом, пропуская меня вперед, пытается деревяшкой вдарить по заднице точно так же, как некогда я бил по Эрэну. «Ну уж нет». Падая в песок, делаю кувырок вперёд, отчего меч Горы проходит всего в нескольких сантиметрах от моей филейной части.

— Каждый раз после атаки в песке валяться собираешься? — дразня, произнесла наставница. — Вставай, мальчишка, покажи мне того, кто одолел в честном бою аристократа.

Едва я успел подняться, как несколько быстрых, но откровенно слабых ударов обрушились на меня. Точные, вымеренные, нацеленные на самые чувствительные нервные окончания. Увернуться от каждого я при всём желании не успевал, а вот выборочно

пропустить самые малочувствительные — вполне.

— Отлично расставляете приоритеты, Глауд. Полагаю, сражайся вы с более сильным оппонентом, предпочли бы сразу отступить? — Эта женщина видела меня насквозь. Точно так же, как и видела Брунхильду. Ни в скорости, ни в грубой силе, ни в стратегии я не мог ту превзойти. Единственное, в чём я был выше её на голову, так это в использовании грязных уловок. Вот только каждая из них срабатывала лишь раз.

Сделав вид, что открылся, позволяю мечнице зайти мне за спину, вслед за чем туда же отправляется горсть земли, схваченная мной в момент падения. Женщина удивлена, но из-за чудовищной скорости успевает отстраниться. Наблюдая за моими руками и ногами, она вновь наносит атаку. В обмен на что я деревянным тренировочным лезвием, подцепляя несколько мелких камушков, подбрасываю рассыпчатую почву, намереваясь снова заставить женщину закрыть глаза от песка.

— Раздражаешь. — Вытянув два пальца, внезапным потоком воздуха Дэйда направляет весь поднятый мною песок в мою же сторону, затем сначала делает подсечку, а после приставляет своё тренировочное оружие к моему телу, в очередной раз рухнувшему на землю.

— В защите подобен вёрткой и скользкой змеюке, а в открытом нападении ну прям дитя малое. Глауд, прекращай играть и атаковать, словно мясник, разделявающий неподвижную тушу. Ты ведь и без меня прекрасно знаешь, как бы широко не замахнулся, я тяжелее тебя. Прекращай паясничать и будь серьёзнее! — «Да я и так сама серьёзность!»

В голове полыхнула злоба. Сжав меч покрепче, встал в стойку и, осторожно приближаясь, нанёс серию стандартных ударов. Неумелую, подсмотренную у занимавшихся рядом. Гора сосредоточенно отражает каждый, не сводя с меня своих тёмных, как ночь, глаз. Дэйда как-то предсказывает движения оппонента, быть может, даже читает мысли в момент атаки.

Закрыв глаза и пытаясь предсказать движения громилы, подныриваю под её стандартным выпадом и следом, намереваясь проверить догадку, ухожу в сторону, выставляя перед собой меч, и открываю глаза. Пусто.

Хохочущая гора стоит в метре от меня, подперев подбородок рукой. С умилением глядящая на меня, задумавшаяся Дэйда казалась именно сейчас опасной как никогда. Шестое чувство? Опять? Её спокойный вид, приподнятое настроение и то как, она глядит. Я не ощущал какой-либо вражды, но буквально видел опасность, исходившую от её внутреннего «я».

— Мелкий засранец, — обратилась воительница ко мне, — совет на будущее: если столкнулся с кем-то вроде меня, превосходящим тебя по скорости, силе и мане, даже не пытайся действовать наугад и тем более прятать глаза или лицо. Подобный трюк сработает только с равным или слабейшим врагом, не знающим о твоих догадках. А теперь в стойку, я хочу получше разглядеть, кто спрятан под этой шкуркой. — Откинув клинок в сторону, она, намереваясь сражаться голыми руками, даже металлические перчатки скинула.

Её упоминания о мяснике и о том, кто в этой тушке, такая же случайность? Игра слов? Или же она каким-то образом догадалась. Но как? Невозможно связать мои деяния и преступления с одним лишь поединком, в котором я задействовал не все имевшиеся в моем арсенале уловки и трюки.

— Я нападаю! — рыкнула воительница, попытавшись пробить мне в грудь сельским, размашистым и медленным ударом. В ответ проверяю на прочность её кулаки и бью по ним

своим мечом. «Отскочил, словно от стали», — с ужасом осознав их опасность, уворачиваясь, начинаю отступать. Огромная, двухметровая, словно настоящая гора, она своими длинными ручищами умудряется подавлять всё моё преимущество, создаваемое длиной клинка. «Я как будто против чудовища с двумя молотами сражаюсь».

— Если не начнёшь использовать ману, рискуешь обзавестись несколькими свежими переломами, мальчишка! — вдарив по земле кулаком, вслед за которым поднялся клуб дыма, произнесла воительница.

— А как мне это сделать, не подскажете? — подсев под резким и неожиданным ударом с ноги в голову, уклоняясь от ещё одного такого же, выплюнул я прежде, чем моя задница оказалась на песке, а наставница, смиловавшись, дала возможность подняться.

— Хочешь сказать, Клинок Бэтфортов тебя ничему не обучила? — скептически, словно пытаюсь распознать, вру я ей или нет, спросила женщина.

— О мане внутри себя я догадывался, но как ей пользоваться... — Покачав головой, развёл руками в сторону.

— И как давно ты чувствуешь её?

— Без понятия, я вообще ничего не чувствую, — честно отозвался я, надеясь на изменение хода и методики нашей с Дэйдой тренировки. И лучше бы она меня и дальше пинала, гоняла по арене или мутузила своими огромными ручищами. Ведь на вопрос, желаю ли помощи в открытии источника, амбициозный я тотчас ответил согласием, не зная, на что подписываюсь.

Руки Горы обхватили мою голову. Тепло её ладоней постепенно переросло в жар, на смену которому явилось обжигающее пламя из самой преисподней. Проникая в организм через нос, рот, уши и даже глаза, оно выжигало внутри меня дыры, заполняя образовывающиеся пустоты всё тем же необузданным огнём. Не имея возможности даже отключиться, сквозь боль и хруст собственных сжатых зубов, я слышал слова наставницы: «Терпи. Ещё немного!» — вещала она, когда кости, хрящи и суставы, подстраиваясь под новые, неведомые пустоты, стали смещаться внутри меня.

Дальше всё словно в тумане. Вот меня куда-то несут, мелькают знакомые силуэты, чересчур яркие голубые глаза, некая неведомая рябь. Всё размыто, в неких дымах, резко мелькающих красках и голосах. Осуждающих, недовольных и очень требовательных.

— Он мог не выдержать, — прошептал один из голосов.

— Но выдержал, — возразил тяжёлый и знакомый.

— Бэтфортам это не понравится.

— Им никогда и ничего не нравится, а пока оставь нас. Я обработаю тело и раны раствором. — Вслед за этими словами по обожжённой коже прокатилась волна, принёсшая с собой умиротворение и спокойствие. Боль отступила, глаза постепенно пытались восстановить чёткость былого мира, каждое подрагивание и сокращение мышц вновь оживляло всеядное пламя внутри тела.

— Лежи, не дёргайся, мальчишка. Сам себе лишь хуже делаешь. — Приятный холодный компресс лёг на лоб и глаза. После пара тройка подобных легла на грудь в области сердца, живот, пах, а так же на локти и колени. — Интересная у тебя сила, Глауд, редкая, с какой стороны не взгляни. — Я всё ещё чувствовал боль, но несмотря на это, слова воительницы лишь ещё больше подстегнули мой интерес.

— О чём вы?

— О способности контролировать потоки маны других. О силе, не оставляющей после

себя следов маны, — последние слова, как гром среди ясного неба, заставили мой и без того скукожившийся от боли внутренний мир сжаться ещё сильнее. Множество раз я слышал от Эльги об удивительной убийце, устранявшей по городу всех недоброжелателей, при этом не оставлявшей за собой следа. И вот, когда я максимально беззащитен, об этом вспоминает и самая грозная и опасная воительница города. Никаких совпадений, она точно подозревает меня если не в убийствах, то как минимум в сговоре с кем-то, владеющим подобной силой!

— Мальчик, ты ведь знаешь о серии жестоких убийств, прокатившихся по городу? — «Судя по всему, ты и сама это прекрасно знаешь». Огромные пальцы Горы с моего живота медленно перекачивали к горлу. — Ты крайне молод, неплох в бою, а ещё до дрожи жесток и коварен. Я видела тьму внутри твоего сердца, чувствовала эту злость в момент пробуждения твоих сил. Сейчас, в секунды, когда твоё сердце в волнении бьётся, как бешеное, хочу спросить... — Руки Дэйды сомкнулись на моём горле. — Какому чудовищу я только что помогла пробудиться ото сна? Глауд, зачем ты убил всех этих женщин?

Солнечная* — улица, проходящая возле северной стены. По факту принадлежит беднякам, но из-за дешевизны и доступности как борделей, так и трактиров, является пристанищем всех мало-мальски обеспеченных горожан и приезжих.

Очнулся я в холодном поту. Мокрый, голый, лежащий на кровати под какой-то белой мантией, взглядом попытался найти хоть какую-то пригодную для употребления жидкость. Сбоку стоял кувшин с цветком. Плевал я на тухлую воду и последующее возможное отравления. Не имея возможности издать и звука, потянулся до кувшина, но непослушная конечность с грохотом опрокинула глиняный сосуд. Сил даже для ругательств не остаётся. Молча, глядя в потолок, смиренно жду смерти от воцарившейся внутри меня засухи, как вдруг спустя буквально несколько секунд слышу посторонние шумы.

«Ну хоть внимание привлёк», — глядя, как в комнату вбежали Сигрид и Илва, вслед за которой появилась Бьянка, подумал я. В руке ведьмы полыхнуло синее свечение. Пузырьась, растягиваясь в разные стороны, подобно бесформенному желе, из воздуха в мой рот трубочкой перекочевала наичистейшая и вкуснейшая вода. Видя, как я не могу насытиться, взволнованная Брун, подсев на краюшек, сотворила очередное заклятие, окутав моё тело до самой шеи в водянистый, прохладный кокон.

Заклятье ведьмы постепенно остужало тело, а вместе с ним и мой проснувшийся источник, подобно губке, впитывающей в себя всю влагу.

— Я этого так просто не оставлю, — стиснув зубы, прорычала Сигрид. — Эта женщина, она заплатит!

— Да? Неужто ты лично решила взять с меня плату за кровь мальчишки? — послышался всё такой же басистый и знакомый голос за спиной схватившейся за меч сестры.

Не успело лезвие покинуть ножен, как возникшая из ниоткуда воительница своей здоровенной лапой, зажала руку Сигрид вместе с рукоятью, так и не позволив той извлечь сталь.

— Остынь, дворняга, я не враг тебе, твоему брату и нашему северному народу. — «Последние слова Дэйды были не для ушей сестёр, а для моих». — Данная процедура приняла столь неприятный поворот лишь из-за упорства вашего мальчика. То ли из-за испуга, то ли из-за чего-то другого он попытался заблокировать свой внутренний источник, в результате...

— В результате чего вы чуть не сожгли его дотла. Он мог умереть! — грозно выкрикнула Брунхильда.

— Но не умер. И обрёл силу не только личностную, духовную, но и иную. — Встав у кровати на колени, нависнув надо мной, словно самая настоящая гора, женщина едва звучно произнесла: — Тебе следует поторопиться.

Вопросы типа «о чём вы» и «что несёте» остались без ответов. Дэйда, по прозвищу Северная Гора, покинула комнату так же внезапно, как и появилась в ней. О чём она говорила, мне оставалось только догадываться, но вполне возможно, что тот сон и вовсе не был сном. Попав в магические неизвестные мне чары, та спокойно могла пытаться меня столько, сколько прошло времени между тем, как я покинул арену и попал... А кстати, куда я попал и сколько спал?

От очевидных вопросов меня поспешно избавила Илва, не упустившая возможности упрекнуть похрапывающего братишку в длительном, двухдневном сне и волнениях, пережитых ею так же по моей вине. Когда Сигрид с Бьянкой в очередной раз спецились по вопросам о том, кто виноват и кто не досмотрел, любительница почесать языком спешно

пересказывала новости, которыми в свою очередь были крайне насыщены последние дни.

Так, к примеру, главный тракт, шедший на запад, в сторону второго по величине города, стал небезопасен. Облюбовавшие его беглые рабы совершили несколько успешных налётов на повозки Штольцгеров, а ещё умудрились всего за сутки разнести восточную медную жилу, освободив всех местных рабов. Сейчас те прятались в Южном лесу, и бургомистр уже готовила армию для похода на возникшую угрозу для народа, которого к слову, рабы даже не трогали.

— Представь, Глауд, наши южные враги, варварши, не брезгавшие каннибализмом, не тронули жителей, возделывающих поля. Лишь освободили своих сестёр и забрали припасы.

Конечно, это не сильно облегчило жизнь крестьянке и её семье, но они хотя бы остались в живых, одно лишь это для здешних диких мест являлось чем-то из рода фантастики. Также на Солнечной улице вновь произошёл инцидент: разбушевавшиеся воительницы из квартала знати, нажравшись, влезли в трактир, в котором наши соседки, Хорварды-коневоды, отмечали свадьбу старшей из своих дочерей. Вместо пожеланий счастья и прочего бухие в хламину стражницы оскорбили уважаемую на нашей улице семью, беспочвенно обвинив её в пособничестве рабам и прочих грехах. Изрядно подпитой соседке, отдавшей половину своей жизни во служение Империи, это не понравилось. Итог: завязалась драка, разумеется, на Сучьей улице, черни оказалось гораздо больше, и мерзавок стражниц, позорно раздев, отправили восвояси с голыми жопами. А наутро те вернулись с подкреплением: с личной гвардией бургомистра Тэгеноф.

Утро не успело осветить весь Тэтэнкоф, а те, блистая своими начищенными доспехами и кирасами, оцетинились против народа, который и должны по факту защищать. В стычке, когда стражницы попытались задержать старшую дочь Хорвардов, младшая без оружия встала между толпами, требуя порядка и спокойствия. Вот только кто-то из стражи бесцеремонно всадил девчужке арбалетный болт прямо в сердце. Вооружённые лишь палицами да ножами крестьяне под давлением стальных мечей и копий были вынуждены бежать, своими телами защищая последнюю из дочерей Хорвардов.

Больше тридцати безоружных осталось на мостовой со вспоротыми животами и глотками. Кулаками отбивая «виновницу» кровавого торжества, они думали, всё кончится тем, что их перережут. Вот только у улицы на этот вопрос был собственный взгляд. На выручку пришла гильдия убийц, считавшая Собачью улицу своей вотчиной. Она, используя личные внутренние ресурсы, а также поддержку местного населения, окружила главенствующую на улицах стражу, и кто знает, чем бы всё это закончилось, если б в небе не появились ведьмы.

Из городской гвардии в той бойне уцелело чуть больше трети, а на нашей улице освободилось почти половина домов. Повсюду были раненые. Зелья исцеления как по команде исчезли со всех прилавков: поговаривали, это личный указ местной властительницы, дабы все виновные в мятеже вымерли.

На фоне происходящего боявшаяся инспекции из столицы бургомистр Вигберт вела себя крайне необдуманно и глупо. Поначалу ослабившая финансовые цепи, она показалась мне весьма умной и расчётливой женщиной, но, как оказалось на самом деле, она совершенно другая. Вигберт уважала только грубую силу, точно такую же, что использовала и имперская семья в отношении других подконтрольных ей государств и народов. Запугивание, показательные расправы и зачистки самых влиятельных персон города. Если она не ослабит хватку, то с такой политикой в ближайшие годы ей будет нечем править.

— Почему Эльга Бэтфорт не вступилась? — вспомнив о матери Брун, спросил я у Илвы, в ответ на что ведьма и воительница, на миг прервавшись, перевели на меня свои взгляды. За эти пару суток произошло слишком многое. И эта недосказанность начинала раздражать.

— Точно, ты ведь ещё не знаешь... — Взгляд старшей сестры показался мне крайне недобрый.

— Брун, почему твоя мать не вступилась за Хорвардов? Она ведь так же хорошо общалась с их семьёй, как и с нашей.

Тишину, воцарившуюся в покоях, прервала сама Брунхильда:

— Одна из наших, как мы считали, верных стражниц оказалась шпионкой бургомистра. — Тяжело вздохнув, ведьма замешкалась, не зная, стоит ли продолжать или нет.

— Бьянка, наш орёл не из тех, кто ведётся лишь на титулованных фазанов. — Усмехнувшись над собственной шуткой, толкнула Брун в плечо Илва. Лестные слова от Сигрид и уверения в том, что это всего лишь случайность, не заставили себя долго ждать.

Мать Брунхильды, Эльга Бэтфорт, обвинена в предательстве, измене престолу и заговоре против города и местной власти. Для столь громких заявлений хватило лишь одной информации о том, что женщина в своём доме-крепости прячет важного «свидетеля», тем самым не позволяя бургомистру избавиться от Хомы, которая грозила своими словами полностью уничтожить репутацию Тэгеноф, вслед за чем точно последовало бы восстание, не оставившее и камня на камне от некоторых аристократических семей, таких как Штольцгеры и Тэгеноф.

— Они лишили мою мать всех титулов. Лишь чудом успев забаррикадироваться в доме, она с верной нашему роду свитой, состоящей как из ведьм, так и из бывалых воительниц, держит оборону, — проговорив это, Бьянка, пряча взгляд, отвернулась. — Я больше не лордесса Брунхильда и теперь, стало быть, не заслуживаю твоего внимания. Та же Кэтингем, узнав о пробудившемся даре, с радостью возьмёт тебя в семью, в принципе, как и любой другой род. Мужчины везде ценятся, тем более те, в чьих сердцах плещется мана.

В её словах чувствовалась обида на весь белый свет. Оно и не удивительно: из городского совета под страхом попасть в список предателей ни один из старинных родов Тэтэнкофа не встал на её защиту. Более того, даже собственные люди ополчились против верной и гордой воительницы Эльги.

Кто-то спутал мне все планы, всполошил общественность, и... я был им за это очень благодарен.

«Наконец-то настал нужный момент». Тело, позабывшее адский огонь, вновь вспомнило, каково это — чувствовать себя живым. Едва сдерживая улыбку на лице, приподнялся на кровати, а следом осторожно, едва коснувшись подбородка Брун, спросил:

— Бьянка, ты так легко отдашь своего близкого человека на растерзание? — Мой вопрос, пробудил другую, тёмную сторону этой девушки. Сильная и способная изначально на многое, она подсознательно готовилась к тому, что я отвергну её, дав тем самым возможность либо сбежать, либо сгинуть вместе с фамилией своего рода в глупой попытке помочь матери.

— Глауд, твои слова бесчеловечны и наивны, ты не понимаешь, о чём говоришь! — Рыкнула Сигрид. «Бесчеловечны? С самого первого момента нашей с Брун встречи я не видел в её глазах человека».

— Скольких ты убила за время своего пребывания на юге? Неужели каждый из них,

осквернивший твоё имя и идеалы, заслуживал смерти больше, чем выродки, поднявшие руку на твою мать. — В глазах Брун взорвалось золотое пламя. Его потоки вырывались из глазниц, окутывая девушку с ног до головы своим сиянием. — Мне плевать на титул твоей матери, на её и твои заслуги. Плевать я хотел на Штольцгеров и Тэгенов. Единственное, во что я верю, так это в справедливость. — Моя рука легла на плечо ведьмы. Настал момент для действий, и сейчас мне как никогда ранее нужна была её помощь.

— Справедливость — это миф... — упрекая меня, словно глупое дитя, выплюнула старшая сестра.

— Я говорю не о той, о которой пишут в сказках и рассказывают у колыбелей, а о настоящей, выжженной калёным железом, выбитой рабскими печатями на коже побеждённых. Сейчас я говорю о справедливости тех, кто по праву сильнее и достоин диктовать своё понятие о справедливости.

Такого не ожидал никто. Согласно с каждым моим словом, Бьянка, словно ожидая команды, замерла, глядя мне в глаза. Осознавшая свою трусость перед братом Сигрид так же была готова вновь вступить в бой. Ведомая желанием поквитаться с препятствовавшей её переходу в имперскую стражу знатью, она полностью попала под моё влияние, и только Илва по-прежнему непонимающе таранилась на каждого из нас поочередно, пытаясь своим крошечным мозгом понять хоть что-то.

— Мы должны помочь твоей матери, Бьянка, и, клянусь, мы поможем. Эта добрая женщина, вставшая грудью на защиту своего города, недостойна участи предателя.

— Красивых слов недостаточно для победы над превосходящим по численности врагом, малыш. За ними сталь, число и ведьмы... Спасти Эльгу может только чудо, — слова сестры пошатнули уверенность в глазах Брун.

— Выйди Сигрид, и дай нам поговорить, — попросил я ту.

— Но... — возразила она.

— Я сказал — выйди! — рыкнул, и обе девчонки при помощи незамысловатого заклинания, сорвавшегося с пальцев Брунхильды, оказались за захлопнувшейся дверь.

— Я готова вложить в твои руки свою жизнь, Глауд. Готова пасть жертвой или взять на себя образ чудовища, которым ты всё это время претворялся. Я готова, только скажи, что я должна сделать...

С самого начала Бьянка всё знала и даже больше, прямым текстом мне на это намекала, а я, слепой глупец, продолжал играть в «тайного агента». Среди множества мелких, незначительных ошибок, сделанных мной в этом мире, я вновь допустил одну важную, фундаментальную, на которой испокон веков держалось всё человечество. Я запретил себе доверять людям, которым по-настоящему мог верить. Именно такой, робкой и послушной фигурой, была Бьянка. Именно так она с самого начала и позиционировала себя в моих глазах, в ответ на что старый я, всё так же отвергая помощь извне, твердил: «Справлюсь сам».

«Не время для самобичевания, Глауд».

Начатая игра, подобно карточному домику, дрогнула, и сейчас кто-то вместо тебя мог пошатнуть этот сказочный трон, кто-то другой собирался вздернуть старую фигуру и занять её место.

— Бьянка, у восточного леса сейчас обитают рабы. Мои, те, которых я освободил. Не думал, что день, когда их помощь понадобится, наступит так скоро, но, к сожалению, больше медлить нельзя. Возьми маску, выследи в ночи их связного, что будет ждать меня у южной

стены, а после, представившись моей помощницей, помоги их отряду занять ворота. Я поговорю с матерью, сёстрами, постараюсь убедить их в том, что нас поддержат и атака на ворота станет отличным сигналом для действия сообщников. Горожане спокойно захватят магические мосты, устройство действия механизмов там несложное, думаю, цеховые быстро разберутся и опустят мост. Далее...

— Постой, Глауд, — улыбнувшись, перебила меня Бьянка. — Личные армии лордесс и Вигенвагенов не будут бездействовать. Уверена, они в кратчайшие сроки вернут себе врата и встретят вас на мосту. Если те объединятся под общим началом, у нас не хватит сил для того, чтобы одолеть и наёмников, и ведьм, и городскую стражу.

— Если они объединятся, — подметил главное «если» в словах ведьмы. — Рабы на причале в обычных цепях и кандалах, если кто-то случайно освободит их, то куда отправится вся эта озлобленная толпа, видя, как пылают костры и бьют колокола в полыхающем мятежном городе?

— Либо попытаются захватить корабли, охраняемые личными ведьмами Вигенвагенш, либо... — До Брун наконец-то дошло.

— Либо пойдут грабить и убивать тех, чьи войска сейчас далеко от этого места. Сами того не зная, знатные отпрыски Тэтэнкофа, закрывшись между рабами и простолюдинами, загнали себя в ловушку. Прознав о том, что поместья, где дремлют их дети и мужья, собираются ограбить, думаешь, хоть одна лордесса останется воевать против местных жителей? Или, быть может, зная, что их корабли в опасности, Вигенвагены будут отстаивать честь воруемого бургомистра? Чёрта с два. Они побегут спасать собственные богатства и задницы, буквально передав тем самым город в наше прямое подчинение.

Бьянка долго думала, перед тем как дать мне свой ответ. Ни стук в дверь моих сестёр, ни требования обсудить это вместе особой роли не сыграли.

— Ещё не так давно, видя, как ты расправляешься со своей обидчицей, я была готова убить собственную мать, если это потребовалось бы для твоего спасения, Глауд. А теперь ты хочешь рискнуть жизнью ради её освобождения? — понимая, что я лично планирую посетить порт для того, чтобы выволить рабов, спросила Брун.

— Не льсти своей матери, Брунхильда, ты ведь знаешь, я не тот хороший парень, в которого ты влюбилась, — мои слова задели её за живое.

— Верно, и в этом моя вина. Тогда в подворотне меня не было рядом, и я не смогла... — С золотых ведьмовских глаз сорвались человеческие слёзы. — Тогда я не смогла тебя защитить, но сейчас всё будет по-другому. Я уничтожу этот город, сожгу всех, кого ты ненавидишь, и спасу тех на, кого ты укажешь пальцем. Твоя воля моими руками, Глауд.

Наши губы вновь соприкоснулись. Два безумца, убийцы и чудовища нашли друг друга. Страсть впервые одолела моё слабое тело. Поддавшись животным инстинктам, я позабыл о коварствах, планах, убийствах и спасениях ради одного — наслаждения.

Слабые пальцы нашли в себе силы сорвать с Брунхильды одежду. Под её белой блузкой торчащими вишенками красовалась прелестная грудь. Не удержавшись, страстно коснулся той губами, отчего с уст Бьянки сорвался томный вздох. Её руки давно сдёрнули с меня чёртово одеяло, развеяли кокон, а бёдра, медленно двигаясь, вспоминали веками закладываемые в гены движения.

— Ах, — в очередной раз не удержавшись, в наслаждении простонала Бьянка. Движение за движением, я будто загипнотизированный наблюдал, как колышется её упругая грудь, как сильная ведьма, чувствуя мою слабость, заваливает робкого юношу на спину.

Я видел, как при свете заката сияла её бледная кожа, а ветер, прорывавшийся из открытого окна, трепал эти чёрные, смолянистые волосы.

«Ты прекрасна, Бьянка», — впервые столкнувшись с кем-то настолько красивым, податливым и дерзким одновременно, подумал я.

Сняв со шляпы загадочную кость в виде частички черепа, Бьянка прочла долгое заклятие. Сперва ничего не произошло, и я даже начал подумывать, что что-то пошло не так. Скривившись от боли, ведьма стала уменьшаться и спустя секунды приняла облик большой тростниковой крысы. Той самой, которую я видел в первую ночь своих скитаний. Именно тогда я не придал значения её виду, ведь откуда на севере подобный грызун? «Брун изначально находилась так близко и позволяла играть с собой».

Видя удивление в моих глазах, трансформировавшаяся девушка вильнула хвостом перед моим носом, а следом, вновь изменившись, приняла лик чайки. Перья её нежных крыльев, отдавая теплом, коснулись моего оголённого торса.

— Я рассчитываю на тебя... — на прощание пропела неестественным звонким голосом Бьянка, прежде чем я потерял из виду её слившийся с подобными птицами силуэт.

Отчётливо запомнившее тепло и ласку изнеженное юношеское тело требовало отдыха и спокойствия в момент, когда я со скрипом во всех суставах пытался найти хоть какую-то одежду. Нам всем предстояло много работы, и, к сожалению, большую часть я по-прежнему обязан исполнить сам.

Во-первых, убедить сестёр и мать в важности спасения Эльги. В этом вопросе я рассчитывал на старые узы двух воительниц. Давить предстояло на жалость, постоянно упоминая о том, кто кому и чем обязан, ведь по факту именно Эльга приютила в своём городе Хельгу и помогла той с приобретением лавки. Поэтому мать, ведомая праведным гневом, должна восстать против бургомистра, чьи козни едва не послужили причиной моей смерти.

Во-вторых, снова собрать людей, но в этот раз всех, кого только возможно. В городе нет социальных сетей, мобильной связи и прочего. А значит, информация кочует из уст в уста. Когда решится вопрос с матерью, потребуется воспользоваться старыми связями: «голосом улиц». Эдель, нищенка, работавшая на гильдии, именно она и разнесёт весть о готовящемся мятеже. Скорее всего, из-за её власти и предпримут вылазку на наш берег. И именно в этот момент начнётся третья фаза: звон малых церковных колоколов, расположившихся на старой часовне в конце соседней улицы, ознаменует начало исполнения моего плана. С первыми ударами, когда всё внимание стражи будет отвлечено на бунтующую чернь Нищего города, мы захватим и подожжём ворота.

По моим расчётам, крестьяне вымотают силы знати и когда пыл уставшей стражи поутихнет, они, погрязнув в тесных улочках, опасаясь удара с тыла, вынужденно отведут часть войск к воротам. К тому моменту я уже должен буду находиться на берегу знати. Действовать придётся быстро, освобождение рабов, а также пожар, устроенный мною на этой стороне города, станут последним сигналом для контрнаступления для всех наших сил расположившихся в трёх сторонах.

План рискованный, сырой и требует множество доработок, на которые у меня не хватает времени. Именно сейчас я как никогда ранее рассчитывал на чудо, на то, что не одна из трёх наших сторон не дрогнет, не падёт раньше времени и сможет перейти в атаку. Ведь нам не требовалось полностью уничтожить армию бургомистра и её защитниц, нужно было лишь вынудить их сложить оружие, показать, что мы на одной стороне. Только как и кто это будет объяснять дерущимся не на жизнь, а на смерть бабам — я понятия не имею.

Забрав свои так заботливо повешенные на вешалку вещи, быстро оделся, а после в спешке рассказал взволнованным сёстрам о плане «Бьянки», итогом которого являлось если не кресло бургомистра города, то как минимум одно из мест в совете для нашей матери. Не успевшие позабыть стоны и охи, доносившиеся из этой спальни, сёстры, с усмешками и лёгкой растерянностью стреляли глазами по комнате. Сейчас их умы занимало нечто другое...

— Илва, мать твою, ты слушаешь меня вообще или нет? От этого зависят наши жизни! — в очередной раз наорал я на сестру, которая вне зависимости от всей серьёзности ситуации пыталась поздравить меня с потерей девственности.

— Да слышу-слышу. Вдарить в колокол, когда на берег хлынет городская стража. Вот только как быть, если мать не поддержит нашу идею? — играя моими нервами, в необычной для себя здравомыслящей манере спросила та.

— Поддержит, если это касается старых долгов, мать обязательно встанет на нашу сторону, — поспешила успокоить меня Сигрид. — Но что делать с академией? Если на поле боя появится Дэйда, ход сражения тотчас изменится. В городе не найдётся равный той по силе.

— Не переживай об этом. Думаю, она на нашей стороне...

На выходе из больничного корпуса, расположившегося в непосредственной близости от первого учебного зала, нас встретила Жозефина в помятом кафтане и крайне заспанном виде. Девушка выказала свои соболезнования по поводу моей подруги и её матери, а также оповестила о делах, резко возникших в соседнем городе. «Партия не достигла Видэнберга, рабы сбежали, покупатель негодует». Именно ей со своей личной стражей предстояла прогулка по опасному тракту, где сейчас и бесновались многочисленные толпы беглых рабов. Времени на аккуратность и объезд у Виг Жозефины не было, и та, взяв с собой имеющихся женщин, планировала добраться до соседей по кратчайшему пути. «Рабы атаковали не всех, авось пронесёт», — заявила торговка.

Перед тем, как мы распрощались, сопровождавшая ту Кая получила от меня единственное предупреждение:

— Не дай хозяйке поднять стяг семьи над головой, если не хочешь, её смерти. — Воительница отозвалась грозным взглядом. Посмотрев сначала на хозяйку, а после на меня, та кивнула и, поцеловав указательный и средний палец, послала мне некое подобие воздушного поцелуя.

— Что означает этот жест? — обратился я к забавно усмехнувшейся Сигрид.

— То, что она тебе доверяет, — заявила сестра, — а ещё то, что она отрежет тебе член и заставит делать грязные дела языком, если ты по какой-то причине её предашь. Глауд, что ты ей сказал?

— Ничего особенного... — ухмыльнувшись столь вульгарному и милому одновременно жесту, отозвался я.

Миновав застенки академии, мы попали на богатые, ещё ни о чём не подозревающие улицы, где во всю верхом на своих породистых лошадях разъезжали знатные особы. Кто в броне, кто в шёлке, они в большинстве своём бесцельно прогуливались. Выгуливали своих мужей, детей, свиту и прочих. Даже сейчас, когда неподалёку отсюда осаждался один из домов им подобных, местная аристократия вспоминала об этом лишь под резкие раздававшиеся по округе звуки хлопков и взрывов.

— Боги, когда уже всё это закончится и на улицы нашего города вернётся

спокойствие? — поправив подол своих широких штанин, чем-то напоминавших платье, произнёс один усатый старикан.

— Ох, и не говорите, прекрасный Ен, — взяв друга под ручку, отозвался второй такой же пузатый, разодетый в свободные шелка пурпурного тона мужчина. — Эти Бэтфорты и их желание породниться с отпрысками мёртвого рода*. Уже за одно такое желание требовалось снять с них все привилегии лордесс и выставить на ту же улицу, где бродят их любимые крысы и собаки. Что только прекрасные Штольцгеры нашли в них, не понимаю. Вот моя дочь... — Дальше я уже не слушал. Пелена ненависти затмила разум, и я, едва сдерживаясь, поспешил прибавить ходу, дабы случайно не сорваться и не отправить этих воркующих голубков на тот свет раньше времени.

Их поведение мне казалось мерзким, а ситуация, в которой именно такие мужчины привлекали внимание местным женщинам, ещё более отвратительной. Что на Крысиной улице, что на Собачей я видел мужиков, как мне казалось, настоящих. Они так же, как и их жёны и дети, работали по дому, кололи дрова, стирали, пекли, шили и тягали на собственных плечах все, что только требовалось. В чумазом и жестоком средневековье, с которым я столкнулся на своей нецивилизованной стороне, мужики этого мира почти ничем не отличались от проживавших в моём мире.

А здесь... Каждый, проходивший по улице, сопровождался пристальным желанным взглядом. Каждый мог рассчитывать на пару, помощь, внимание и подарки. Чистые, откормленные и разодетые, они редко вели дела и в основном прожигали жизнь в подобных пустозвонных беседах.

Когда на наших улицах ежедневно дети, взрослые и старики, столкнувшись с бедой и нищетой, гибли от голода и холода, им было плевать, но когда беда коснулась их домов и сбежала парочка рабов, они тотчас вспомнили о нас. Вспомнили о своих «врагах» и тех, кто оказывает им сострадание.

«Потерпите немного, скоро я верну вам ваше спокойствие».

Воспользовавшись моментом, попросил сестёр как можно аккуратнее показать мне причал и место содержания рабов. С моих же слов, эта информация нужна была не мне, а нашим "союзницам", благо, никто не стал спрашивать каким именно. Задача в условиях тотального наблюдения за оборванцами, вроде нас, та ещё. Несколько патрулей останавливали, спрашивали, кто такие и чего здесь забыли. Множество раз нас хотели отвести куда-то к местному дознавателю, подозревая в неладном. Но всё время слыша имя Дэйды, по чьей вине мы и задержались, нас отпускали.

— Везение не бесконечно. Рано или поздно, устав штурмовать крепость Эльги, они явятся и за нами. — Дельное замечание старшей вынудило отказаться от планов, пусть и на секунду, но мне всё же удалось разглядеть один из трёх огромных длинных припортовых барачков. Огромные, темные, длинные строения с крайне странной, казавшейся подгнившей крышей. Если и забираться внутрь незамеченно, так только через верх. В голове пометил об необходимости прихватить с собой веревку.

Ночная темень всё быстрее наползала на Тэтэнкоф. А вместе с ней и мы всё ближе становились к дому. Именно сегодня наши грязные улицы казались как никогда пустыми, а горевшие в окнах домов комнаты яркими и многолюдными. Везде мерцали множественные тени, дома наполнились людьми, не способными сказать и пары громких слов. Звучный голос вечно недовольных улиц стал шёпотом. Я чувствовал это и так же, как и сёстры, понимал истинную тому причину.

— Дети мои... — Едва мы шагнули на порок, выскочила из дома Хельга, сжав нас в крепких объятиях. — Не стойте, проходите быстрее. — Оглядываясь и проверяя, нет ли за нами слежки, женщина, одетая в кольчужный доспех, поспешно захлопнув дверь и опустила засов.

Внутри первого этажа собралась целая делегация. Здесь тебе и знакомая охотница, прибывающая вечно навеселе, и торгашка снадобьями, у которой я покупал зелья, и, что самое удивительное, главная служанка наших соседей в компании сразу нескольких зеленоглазых рабынь, разодетых уж точно не для стирки или уборки по дому.

Множество женщин почтенного возраста с оружием в руках, занимая всё свободное пространство на этаже, с любопытством глядели на нас. Все они ожидали ту, которая прервёт мучившую пришедших людей тишину.

— Дочери мои, — глядя на толпу, собирая в себе силы для того, чтобы сказать следующие слова, затанула Хельга. — В эти беспокойные дни я прошу вас позаботиться о нашем мальчике и покинуть город. Ситуация страшная, скоро произойдет то, чего все эти годы я так боялась.

— О чём это ты? — догадываясь, как и я, но желая убедиться, переспросила Сигрид.

Из-за спины матери к нам шагнула разодетая женщина. В рясе, с посохом и странным медальоном на груди, та, положив руку на плечо Хельги, проговорила:

— Великие Игнис с порывом весенним несут перемены... — гортанный голос женщины казался могильным, от её дыхания волосы на голове становились дыбом, а не успевшая позабыть адский жар кровь застывала в жилах. — Жрицы Тэтэнкофа из ночи в ночь неделю корчатся в муках. Они видят армию, пламя и ту, которая способна это пламя победить.

— Из Видэнберга доносятся дурные вести, Сигрид — решила пояснить мать. — Поговаривают, что совет регента решил сместить слабую графиню Кларимонд, истинную хозяйку этих земель, и переметнуться на сторону нашего врага — Видэнберга. Если это произойдет, все мы, целый город станет придатком их зажавшейся правительницы.

— Зачем бургомистру сдавать город? Они и Штольцгеры... — возразила старшая сестра, но мать её тотчас перебила.

— Бургомистр и Штольцгеры давние союзники, а Эльга всячески их покрывала и защищала. С чего бы им устранять её? Видимо, капитан городской стражи узнала их тайну, а значит, как защитница рода и Империи Эльга не смогла бы стоять в сторонке. Всё это: предательство Тэгенов, Штольцгеров, а также известие о мобилизации соседней армии и смещении законной графини — говорит только об одном, дочь моя. Происходит переворот, и то, как хитро Вигберт поступила со всеми Виг, это только подтверждает. Ведь когда те, купив рабов, инструменты, шелка и прочее вернутся сюда за своими землями, такого города, как Тэтэнкоф, с его законами уже не будет существовать. Нас переименуют, присоединят к другой семье, лишив былых статусов и привилегий. Мы опять станем нищими и рабами! — От слов матери по этажу поползли недовольный шёпот и ворчание.

— Мои дочери, вы выросли с северными традициями в сердцах. Как никто другой знаете, как важно понятие чести в эти тёмные времена... Эльга, моя давняя подруга, сейчас в самом тылу, логове врага. Она доблестный воин, меч и щит севера, защитница этих улиц, не раз вступавшая в открытые конфликты, отстаивая наши интересы, и я не могу бросить её там умирать. Не могу отдать врагу город, ставший мне домом! — Вновь гул и гомон уже на более высоких тонах поднялись на этаже. — Сегодня те, кого они называли отбросами общества, покажут свою истинную цену, а после, защитив город от захватчиков, докажут верность

Империи и правящей семье! — В эмоциональном порыве забыв о невысоких потолках, вскрикнула Хельга, вогнав в них меч аж по самую рукоять.

Кто-то яростно поддержал её слова звериным рыком. Кто-то, глумясь над неудачей матери, так же попытался поднять руки кверху. Люди и без моей помощи решили одну из проблем, облегчив участь «молодого мятежника».

— Быть может, великие Игнис и вправду услышали наши молитвы, — вытащив меч из ножен, произнесла Сигрид. — Мать, дорогие гости, вы должны это знать. — Взглянув на меня и получив одобрение на раскрытие тайны, та во всеуслышание заявила: — Брунхильда Бэтфорт уже приготовила план по свержению предательницы бургомистра и её свиты, и сегодня ночью вместе со своими союзниками и рабами, сбежавшими из-под плетей Штольцгеров, нападёт на город со стороны южных врат!

Немая пауза, а после наполненные радостью взгляды с облегчением и молитвами уткнулись в потолок. Эти женщины, планируя мятеж, практически не верили в его успех, а теперь с помощью «целой армией», как ту назвала Сигрид, разбудили внутри себя надежду. Незамысловатый план, с разделением вражеской армии, был прост и понятен, а доходчивость с которой Сигрид его объясняла заслуживала похвалы. Мне всего-то и требовалась внимательно слушать и приглядываться, что бы та случайно не взболтнула лишнего.

«Вслед за мятежом и нашими поредевшими рядами в город придёт вражеская подготовленная армия... Блестяще, гениально, мисс Вигбэт. Теперь я наконец-то понял, почему вы так поступили. Трусливая градоначальница решила попросту скинуть с себя вину, путём передачи города отвлекая от своей персоны всеобщее внимание. И, вынужден заметить, ей это удалось. Ведь вместо мести и последующих грабежей проворовавшихся местных чиновников, нам после драки между собой предстояло совместно отбивать собственный город».

Мёртвый род* — в понимании местных — семейство, никогда не принадлежавшее к аристократии, а значит, не жившее и не рождавшееся. Мёртвый род — род слуг и рабов, живущих и существующих лишь для службы своим хозяевам.

Перспектива оказаться на улице во время настоящего боя меня совершенно не воодушевляла. Всё же я трусливый убийца, а не героический воин, и какая-нибудь шальная стрела вполне спокойно и доходчиво могла напомнить мне об этом, застряв где-то между лопаток или ягодиц.

«Надеюсь, в арсенале Бьянки есть какое-нибудь заклятие, позволяющее свалить в прошлое и всё там переделать», — а иначе я не представляю, как мы будем защищать собственные стены, израненной и уменьшившейся хрен знает насколько армией!

«Но всё это потом, а сейчас...» Глядя, как Сигрид тщательно и подробно рассказывает собравшимся план «талантливейшей ведьмы», постарался как можно аккуратнее подводить ту информацию, о которой можно сестре говорить, а которой нет.

Ведь даже если и будет утечка данных по атаке на ворота, знать в любом случае разделит свои силы, оставив отряды побольше у своих стен. Да, мы потеряем больше рабов и вчерашние союзники могут на меня обозлиться. Но ведь даже если и так, этой ночью я приобрету новых. Свежих, в большем числе, доверяющих мне и готовых отплатить добром на добро — наверное...

Потеря одной из пешек не критична, вот только...

— Как быть с ведьмами? Они нас по мостовой размажут! — опасаясь удара с воздуха, спросила одна из собравшихся.

— Не размажут, — ехидно скалясь своей старческой улыбкой, прокряхтела старая женщина. — Велите собрать лучников, пусть размажут по своим стрелам мои яды, а после окунут те в смолы и стреляют по всем, кто встанет на пути. Если ведьмы примут стрелу на воздушный щит, яд, блокирующий ману, попадёт в лёгкие, если получают такую в плечо, проникнет через ранение. И так и так они станут бесполезными. По крайней мере, до тех пор, пока не поймут, что к чему.

— Жрицы тоже вам помогут, пусть мы и не умеем летать, но кое-что также можем, — похлопав мать по плечу, заявила старуха из культа Игнис.

— Тогда решено, — взглянув на дочерей, хмуро произнесла Хельга. — Вы двое, поможете исполнить предначертанное, а ты... — Тыкнула пальцем в мою грудь. — Сиди дома.

— Как скажешь, мама. — Как и подобает послушному мальчику, кивнул, а после под обещания собравшихся вернуться с победой поднялся на второй этаж и закрылся в своей комнате. Требовалось подготовить всё имевшееся в запасе снаряжение.

***

Патрульная группа из десяти городских стражниц, некогда выбранных самой Бэтфорт, медленно и размеренно прогуливалась по опустевшим улицам. Женщины с тоской обсуждали отставку командира и недобрым словом упрекали засидевшуюся на своём poste Вигберт. Никто из них не верил в причастность и тем более в заговор. Интриги, неразделённая любовь, заказное убийство или ещё что — возможно, но только не предательство. «Честь для неё всё».

Остановившись возле трактира «Золотой медяк», одна из стражниц, желая отлить, завернула в переулочек, попросив подруг немного обождать, и те решили воспользоваться возможностью и пополнить запасы своих винных бурдюков. Пусть их бывший командир и

была эталоном чести и доблести, обычные подневольные, как себя сами называли стражницы, не имели наделов и дворцов, оттого и выживали как могли, сшибая с хозяек трактиров лишний медный, жаренный или винный «налог», да обчищая карманы уснувших на улице бедняков.

— Сегодня эль или вино? — собрав у подруг пустующие сосуды, обратилась к подопечным старшая. — Или всего сразу... Выпьем за удачу Хорвардов или её отсутствие...

Едва двери отворились, подуставшая мечница лоб в лоб столкнулась с облачённой в кожу с щитом и мечом зазевавшейся поставой, решившей так же послушать, о чём говорили в таверне.

— Ты ещё, мать твою, кто такая? — глядя на боевое облачение, носить которое в пределах города разрешалось лишь страже и приближённым к лордессам, обронила стражница.

Короткое лезвие меча с лёгкостью пробило кожаный доспех городской воительницы. Захрипев, та роняет бурдюки и, пятясь, с клинком в груди падает в грязь.

— Какого хрена?! — Тотчас схватившись за мечи, кидаются на подмогу своей десятнице женщины, но несколько сорвавшихся с крыш стрел с мерзким чавканьем вонзаются в тела самых торопливых. Стража, вооружённая лишь копьями и мечами, не имея возможность укрыться, кидается в рассыпную: кто в переулок, кто в соседние приоткрывшиеся двери. Они спасали свои жизни.

— Впусти! — крикнула одна из мечниц, когда выскочившая из этого же трактира плечистая копейщица метким броском своего полутораметрового пилума насквозь пробила той лёгкое, пригвоздив к деревянной стене. Спустя несколько минут и в переулках послышались истошные крики последних уцелевших, а следом и тех, кто успел прийти им на помощь. Крики, стоны, старые боевые песни и возгласы о небесной каре, настигшей город Тэтэнкоф. Всё смешалось воедино.

Двери, к которым пригвоздило тело, со скрипом отворились. Пальцами затыкавшая собственную рану воительница в надежде найти спасение взглянула на вышедшую из дома женщину.

— П... мо-ги-те... — хрипя прошептала стражница, но ответом той был лишь здоровенный кухонный нож, вонзившийся в шею. Кровь хлынула из горла, бедняга, будучи ещё живой, получила несколько других ударов по корпусу, прежде чем её отодрали от стены, раздели, забрали оружие и, словно кусок испорченного мяса, кинули в грязь.

— Тащите всю мебель, переворачивайте телеги, перегораживайте дороги прежде, чем мы пойдём к главному мосту города требуется подготовить местность для обороны. Укрепим пути для отступления! — вскрикнула громила, обтирая свой пилум. Сегодня ей предстояло сражаться не как воительнице из гильдии убийц, а как горожанке и защитнице своего дома.

Привычно беспокойный район города разгорался сотнями вываливавших на улицу факелов. Едва успевшие к реке стражницы, побросав доспехи и оружие, вплавь пытались перебраться через реку не для доклада, а для собственного выживание. Кому-то это удавалось, кто-то, не скинув себя тяжеленный доспех, тонул. Но большинство осталось изрезанными и затыканными кусками плоти на грязных разбитых дорогах нищего города.

Первым на место столкновения прибыл небольшой ночной отряд ведьм. Большинство из них являлись вольнонаёмными женщинами, в обязанности которых входило следить за порядком, опускать и поднимать мосты, но была часть и из Багры, попавшая на север не по

своей воле, а по просьбе вышестоящего магического руководства.

Столкнувшись с разъярённой толпой и почувствовав на своих магических щитах дурман-траву, умнейшие, похватав посохи, тотчас отступили: кто перегруппироваться, а кто и из трусости. Ведьмы, теряя силы, направились в квартал знати и, покуда их более глупых соратниц рвала на части обезумевшая толпа, не чуравшаяся применять древние проклятия и магию. Уцелевшие спокойно отдыхали, исцелялись, а так же очищали кровь и решить для себя, как действовать дальше.

Горожане на удивление действовали слаженно и крайне организованно. Оставив целым лишь единственный мост, те собственными силами опустили его, захватили торговый остров, разобрали эшафот и всё, что только плохо лежало, а после принялись бы и за следующий механизм, да вот только тот находился на противоположном берегу, где, собственно, и собиралась вся городская армия.

Вслед за ожившим нищим городом стал оживать и богатый, отовсюду к центру кто на лошадях, а кто и на своих двоих стали стекаться разрозненные отряды лордесс. Закованные в сталь, с первоклассными мечами и щитами, они глядели, как на другой стороне в спешке возводятся укрепления, создаются баррикады. Крестьяне с топорами, вилами, охотничьими луками и дубинами готовились дать бой профессиональной армии, надеясь на то, что наспех возведённые сооружения спасут им жизнь.

Никто из воительниц, сражавшихся от имени Вигенвагенов или лордесс, в своей победе не сомневался. С ними были ведьмы, враг сконцентрирован в узком месте и вскоре, столкнувшись с их магией, оружием и силой, поймёт, что ему не справиться, и побежит прятаться обратно в свои крысиные норы. Именно так по памяти большинства воительниц заканчивался любой городской мятеж.

Когда число собравшейся у моста армии приблизилось к полутысяче, а также над головой замелькали уклоняющиеся от редких огненных стрел ведьмы, командующая обороной знатных районов — Пенедра Штольцгер — лично отдала приказ:

— Щиты поднять, мост опустить! — Выстроившаяся в боевой порядок армия ответила синхронным ударом железа о железо. Именно этот лязг послужил причиной воцарившейся на стороне мятежников гробовой тишине, бывшие воительницы, хорошо помнили что следует за подобным звуком.

Понимая опасность применения огненной магии да и в принципе любой другой, способной разрушить и без того хлипкий остров, Пенедра поручает ведьмам стихии воздуха разрушить возведённые укрепления, и те послушно приступают к чтению заклятий и точечным ударам. Долго и методично малоэффективные в бою заклятия, требовавшие концентрации и неподвижности, разбивались о барьер, возведённый жрицами Игнис. Ведьмы Штольцгеров не могли пользоваться стихией ветра, находясь при этом в воздухе, многие из них были ещё юны и неопытны, а для некоторых этот бой и вовсе являлся первым. Всё же на спокойный север редко доезжал хороший маг и уж тем более ведьма.

Видя бесполезность своих ведьм и то, как быстро они выдыхаются, Пенедра отдаёт команду о прекращении удара, а после посылает успешную пополниться числом армию на штурм.

Под прикрытием обученных арбалетчиц и всё тех же ведьм, предпочитавших, как и многие другие воительницы, сражаться в ближнем бою, наёмники Тэтэнкофа с треском, рёвом, криками и матом принялись громить баррикады, стаскивая с тех одну за другой обороняющихся. Нападающие своими огромными щитами закрывали все бреши, из которых

мятежники могли атаковать, вынуждая защищавшихся подниматься выше и высовываться, вслед за чем гарпуны и алебарды из третьих рядов спокойно цепляли своих жертв крюками. Стоило кому-то свалиться с баррикады, как тело несчастной буквально перемалывалось десятками лезвий и тяжёлых сапог наёниц.

Устав играть по правилам, одна из боевых ведьм, подобравшись вплотную к стене, применяет заклятие. Сильнейшая ударная волна буквально подбрасывает баррикады вместе с защищающимися в воздух на добрый десяток метров. Мост, прогнувшись, покачнулся — вместе с уцелевшими колёсами от телег в воду полетели и части человеческих тел. Конечности, куски плоти и потроха сыпались как на нападавших, прикрывающихся щитами от кровавого дождя, так и на защищавшихся. Мятежники, обнаружив в своей защитной линии дыру в половину оборонительной линии, тотчас принялись отступать к следующей более подготовленной линии обороны.

Окрылённая чувством превосходства, Пенета снова посылает своих воительниц на штурм. Вновь под прикрытием щитов те подбираются вплотную к рядам обороняющихся, вновь боевая ведьма колдует столь опасное и разрушительное проникающе заклятие, как вдруг раздаётся мощнейший взрыв. Ошмётки атакующих и защищающихся летят во все стороны, обломки баррикад, оружие, куски расколовшихся от взрыва камней, коими была устлана мостовая, прореживают ряды обеих армий.

— Они используют магическое зеркало! — среди криков и стонов раненых доносится голос одной из уцелевших ведьм. — Не атакуйте магией, не атакуйте магией! — дублируя свои слова, вещала та, в то время как на смену первой, почти полностью полёгшей от взрыва волне наёмниц двинулась другая.

Эта оплошность и подготовленная повстанцами заранее ловушка обошлась обоим сторонам крайне дорого. Как минимум двадцать её воительниц, превратившись в фарш с жестяной начинкой, разлетелись по всему торговому острову и за его приделы. Сколько получили раны — неизвестно. «Но и черни то ведь тоже досталось?» — глядя, как её воительницы преодолевают последний заготовленный рубеж и ступают на земли нищего города, думала командующая, попутно слушая раздавшийся с той стороны звон колоколов.

Боевые кони, коими всегда гордились Штольцгеры, медленно ступая по устланной трупами дороге, двигались вперёд. Здесь, среди ошмётков человеческих тел, среди изрезанных трупов и хрипящих раненых, нуждавшихся в помощи, старая ростовщица чувствовала себя как во сне. «Волнительное ощущение не отпускало женщину, впервые лично командующую битвой, она чувствовала окрыленность тем что по её приказу другие отдавали свои и забирали чужие жизни». Привыкшее сражаться на бумажных полях, среди цифр и грубых слов, тело Пенеты распирало от адреналина, страсти и желания кем-нибудь завладеть. Сегодня, когда всё кончится, она лично посетит один дом, а после, забрав его главное сокровище, изнасилует того на глазах у старой знакомой Бэтфорт. «Молодая ведьма точно явится спасти своего принца и так же, как и он, сдохнет на глазах у непобедимой Эльги».

— Командующая! — Прискакала с докладом одна из сотниц. — Войска столкнулись с очередной линией баррикад, узкие улицы, а также огонь с крыш и окон сильно осложняют дальнейшее продвижение. Мы полагаем, что враг заранее предвидел атаку и специально заманивает нас вглубь своих территорий.

— Каких, к чёрту, территорий? За спинами черни полторы улицы, храм и стена, к которой мы и прижмём их до наступления рассвета. Не ссать, бабоньки, давите этих

бродячих сук, даю слово Штольцгеро́в — всем в конце боя воздастся за ваши заслуги: любой мужик, любая роскошь, оставшаяся на этих вонючих улицах, будет вашей!

Приказ Пенеды несколько не развеял волнения сотницы, однако и возразить та не могла. «Командующая», — склонив перед той голову, соглашаясь с приказом, произнесла она и ускакала обратно к своим людям.

— Лордесса Пенеда! — во всю прищпорив запыхавшуюся лошадь, верещала одна из воительниц, прибывших из тыла. — Срочное донесение с восточных стен, где лордесса Пенеда Штольцгер?! — Пролетев мимо командующей, а после, узнав герб и саму ростовщицу, вернувшись, та в спешке отчиталась: — Госпожа командующая, восточные врата атаковали неизвестные войска. При ведьмовской поддержке, по донесениям очевидцев, самой Брунхильды Бэтфорт нападающие захватили ворота. Сейчас они восстанавливают мост и вот-вот ворвутся на наши не защищённые улицы.

— Плохо... — шикнула Штольцгер, а после заявила: — Отправляйся в дом бургомистра, она уже должна была проснуться. Передай следующее: Пенеда, требует от всех проживающих в городе лордесс и Вигенвагенов выслать свои войска для защиты восточных границ. Любая, кто откажется предоставить помощь, после завершения смуты будет предана суду, лишена титулов, чинов и званий. И в конце, если людей по-прежнему будет не хватать, пусть снимут дежурящую в порту команду. Сорок умелых фехтовальщиц точно не помешает в строю...

Огни на востоке города всё разгорались, и, судя по их движению и появившимся дымам, нападающая армия уже перешла через мост. «Кто они, сколько их и как вооружены, кого могла за столь короткий срок собрать и привезти эта малолетняя шлюха Бьянка?» В голове Штольцгер крутилось лишь несколько вариантов. Первый — сбежавшие рабы, самый вероятный. Однако их неподготовленность и слабость не позволили бы тем дерзнуть напасть на целый город, тем более когда некоторые из них только-только вырвались из местных цепей. Второй, менее вероятный, — армия Видэнберга. Пусть они и послали тайное письмо его правительнице, за столь короткий промежуток времени даже без сна и отдыха армия физически не может преодолеть такое расстояние. Так же был и третий вариант, пугавший Пенеду не меньше, чем некогда бургамистра, — карательный отряд, прибывший из столицы. Именно при поддержке из столицы, тайная организация спокойно могла проникнуть в город, связаться с верными короне Бэтфортами, запустив тем самым свои корни во все структуры Тэтэнкофа. Проклятый орден с самого начала не планировал убивать не верных империи на улицах. Вместо этого он дал возможность сделать всё народу. Поднять мятеж, приплести к ним беглых рабов, сместить с их помощью власть, а после усадить на место верных империи пешек Бэтфортов.

— Гениально, сукины дети... — Понимая, что внутри города сейчас бродят те «неуловимые» убийцы и режут их солдат вместе с поднявшимся народом, Пенеда больше не могла оставаться в стороне. — Эй, ты! — крикнула Штольцгер одной из своих личных стражниц. — Отправляйся на передовую, прикажи войскам как можно скорее разобраться с бунтарями и двигать к восточным вратам. Я вместе со своей гвардией отправлюсь в порт и, забрав своих людей, встречу врага на востоке у врат. Что бы ни случилось — не отступать. Не позволяйте отеснить вас к мосту, иначе враг двинется по этим переулкам вперёд и сможет ударить по нашим войскам на востоке с тыла!

Вместе с этими словами, а также взбрыкнувшей под командующей лошадью в воздухе растворилась имнимая быстрая, а самое главное лёгкая победа. Ночь обещала стать долгой,

крово́вой и очень-очень тяжёлой.

Более получаса мне довелось провести под пристанью, неспешно и досконально изучая число портовых стражниц и их точки наблюдения. К моему большому разочарованию, тот, кто выставлял посты, знал об опасности подобных групп рабов и оставил целую армию для обороны порта. При чём, помня опыт своих предшественниц, потерпевших фиаско и проморгавших рабов у стены, эти дамы были начеку. Патрулировали парами, по одному нигде не останавливались и не задерживались, по моим скромным и явно не точным подсчётам только у пристани дежурило свыше двадцати воительниц, старавшихся если не постоянно, то хотя бы раз в несколько минут восстанавливать зрительный контакт со своими соратницами. Прохождение караулов и тем более освобождение рабов в таких условиях стало настоящим вызовом для меня.

Море беспокойно гнало волны, с шумом и гомоном разбивавшиеся о пирс и пустой причал. Две женщины, расположившись у бочек и деревянных коробов, оставшихся после трудодня, нервно обсуждали последний отчаливший корабль, происходящее в городе, а также судьбу своей хозяйки Эльги Бэтфорт. Именно эта пара, решившая вместо выполнения прямых обязанностей посидеть и почесать языками, и стала брешью в казавшейся «невыполнимой» миссии.

Став частью тёмной, как сама ночь, воды, осторожно проплыл под деревянным пирсом и устроившимися на нём женщинами. Впереди был подъём, не просматриваемый с их месторасположения. Поднявшись, короткой перебежкой двигаюсь до скрученных туюков рыбацких сетей и раскинутых рядом с ними морских канатов. Но скорость не спасает от незапланированных событий. Показавшиеся из-за поворота раньше времени стражницы лишь чудом не замечают меня, отвлётвшись на неожиданный звон колокола со стороны нищего города. Сильно рискуя, воспользовался предоставленными мне несколькими секундами и буквально занырнул в образовавшееся между верёвками кольцо и, прикрывшись плащом, приготовился в случае чего воспользоваться кинжалом.

«Если женщины каким-то образом решат проверить, что здесь, успею одну подрезать, ну а там и до воды не далеко, лишь бы не было ведьм».

Шаги патрульных становились всё отчётливее, никуда не торопясь, словно на прогулке, те отпускали колкости в сторону друг дружки, травили байки и выбирали бордель, который посетят, когда весь этот кошмар закончится. «Сейчас им не до меня».

Убедившись, что они удалились на достаточное расстояние и сзади по-прежнему всё чисто, двинулся к стенам первого из здоровенных складских барачков, на крыше которого так не кстати расположилась две из охранниц, сфокусировавших всё своё внимание на разговарившемся вдалеке пожаре.

— Вот чёрт, это вроде у восточных ворот сейчас шарахнуло? — спросила одна из женщин.

— Походу. Кажется, у бургомистра проблемы, — хихикая, отозвалась вторая. — Ещё и эти колокола звонят без умолку. Ладно с нашей стороны о созыве войск трубят, а у нищих-то что?

— Как обычно: конец света, приход антихриста и прочая белиберда, всплывающая за каждым восстанием. Не могут они жить спокойно, цивилизованно. Нищие — это нарывы, миазмы, которых нельзя держать в чертах современного города, чернь... Эй, ты меня вообще

слушаешь?

Закончив реплику, расстроенная отсутствием ответа, стражница запоздало обернулась. К этому моменту её подруга со сломанной шеей видела свой последний и самый долгий сон.

Испуганные глаза расширились при виде меня. Едва её лёгкие успели зачерпнуть воздуха, как холодное лезвие с мерзким свистом прошло по горлу.

Одна рука женщины схватилась за кровоточащую рану, а вторая за меч. Так легко умирать она не планировала. Заливаясь кровью, вытянула клинок и замахнулась. «Слишком медленно». Ускорявшее все мои движение зелье позволило с лёгкостью уклониться и нанести ещё один колющий удар врагу прямо в незащищённую пластинами подмышку. Довольно длинный нож, цепляя рёбра, вошёл во всю длину лезвия. Жертва, издав свой последний хрип, обмякла, рухнув в мои объятия.

Сверху открывался отличный вид на творившееся в городе. Взрывы, а также мелькавшие в небе вспышки да горящие стрелы говорили о том, что бой был в самом разгаре, и, несмотря на это, стражи в порту, у ворот ангаров и в других местах находилось слишком много. Рано или поздно снующие снизу заметят отсутствие дежурящих наверху и поднимут тревогу, а до этого...

Аккуратно, стараясь не издавать лишних звуков, руками вырвал старую подгнившую древесину, служившую этому строению крышей. Потом ещё одну и ещё. Задача несложная, трудность заключалась только в беззвучности. Создав лаз, привязал себя к одной из стропил. Выглядели они не очень, но всё же умудрялись как-то держать всю эту здоровенную конструкцию. Прицепив на тело всё оружие, поднятое с убитых, осторожно под немые взгляды проснувшихся к этому моменту рабов стал спускаться в их обитель.

Как и предполагалось, ни одна из уважающих себя и ценящих собственную жизнь стражниц не ночевала вместе с рабами, и именно это открывало для меня настоящий оперативный простор. Найдя парочку женщин покрупнее, вручил им оружие, а следом при помощи взятых с собой железяк взломал незамысловатые замки местных кандалов. Несмотря на то, что получалось у меня это быстро и легко, загнанных в барак оказалось слишком много: по меньшей мере около двух сотен, и это только в одном.

Спустя ещё полчаса, прервав мою спасательную операцию, раздался гулкий стук множества копыт. Крикливая женщина вещала о некой беде и требовала собрать отряд. Уже подготовившись дать бой, полсотни освобождённых женщин, кто выпустив когти, а кто и вовсе с голыми руками, готовились к сражению, а я бегству. Проверив натяжение и успев немного приподняться на верёвке, с облегчением стал слышать удаляющийся звук тех же копыт и спешные шаги покидавших посты стражниц.

— Сидите тихо, грязные суки... — злобно стукнув по стене, рыкнула одна из стражниц, не удосужившись открыть и проверить груз перед тем, как покинуть пост.

Смятение, желание завоевать собственную свободу и страх перед неизведанным — я видел это в глазах оставшихся внизу женщин. Видел, как они нерешительно косятся на стоящих позади них, перешёптываются, вместе решая, как быть дальше. Мне требовалось их подбодрить, дать ту самую надежду, которой многим так сейчас не хватало.

— В городе восстание, горожане дают вам шанс собственной кровью отвоевать свободу. Сожгите ангары, грабьте и разоряйте дома и замки тех, кто взял вас в плен и заковал в цепи. Только сегодня у вас есть на это право, а самое главное — возможность. Двигайтесь по улицам на юг, бейте всех, за чьими спинами видите гербы и стяги.

Перешёптывания и гул, поднявшиеся в ангаре, привлекли внимание разволновавшейся

стражи.

— Эй, а ну заткнулись! — рывкнула одна из причальных, заняв место отправившихся на подмогу воительниц.

— Гэдэн, моя дочь, она умерла, позвольте увидеть ей свет луны в последнюю ночь, — крикнула в ответ одна из пленниц.

Стоя на довольно безопасной дистанции от ворот, как и положено, закованная в цепи, она отвлекала стражу в момент, когда её сёстры затаились у самых ворот.

— Не положено, — гыркнула без сожаления стражница. — Мусор сжигают на рассвете.

— Грязные северные суки, она же всего-навсего дитя! — взревела та в ответ. — Как вы можете так жестоко с ней поступить, отказав в последней почести?!

— Ты кого сукой назвала, южная подстилка! Сейчас узнаешь, что такое настоящая жестокость... — Ворота со скрипом открылись. Несмотря на уговоры товарки и просьбы оставить несчастную, требовавшая крови стражница своими руками отворила ящик Пандоры.

Первый же удар затаившейся в тени рабыни обрубил обе вытянутые вперёд руки женщины.

— Рабы! — бросившись от толпы наутёк, только и успела взреветь другая, когда голозадая толпа, быстро нагнав закованную в сталь мечницу, повалила ту на землю, принявшись топтать и разрывать на куски.

Свист и гомон поднялся на весь порт, вдаль зажглись факелы. Ни оружия, ни брони у рабов не было, потому более стойкие поднимали тела павших, прикрываясь от летевших навстречу пилумов и арбалетных болтов, пробивавших нагие туши насквозь. Кровавая баня развернулась в порту. Южанки действовали слаженно и уверенно. Пользуясь численным перевесом, те парами выдёргивали из строя пытавшихся скучковаться мечниц и копейщиц, а после, отвлекая их, позволяли другим подобраться с флангов и тыла, вслед за чем набрасывались всей толпой. Никакой справедливости, никакой пощады.

Спустя ещё полчаса без какой-либо моей поддержки рабы отбили следующий ангар, а я занялся тем, чем и планировал с самого начала. Избегая всех этих людских масс, поджёл сперва одну из сторожек и один из пустующих складов. Сигнал подан, а это значит, что улицы нищего города начнут свою контратаку. Двигаться в сторону особняка Эльги сейчас для меня было как никогда опасно. На этой стороне союзников находилось меньше всего. В верности местных рабынь я сомневался. Зарубят не узнав, или по по случайности, а после кинут в общую кучу бедное тельце Глауда, да и дело с концом.

Пробираться в резиденции знати также было крайне сомнительным решением. Стража, ведьмы — все на взводе и разбираться долго не будут. Однако игнорировать проблему с замком Бэтфортов мне не хотелось. Требовалось позаботиться об Эльге, освободить её вместе с людьми, а также направить их в местную мэрию. Захват бургомистра означал захват власти над городом, а устранения давнего врага — хороший бонус и возможность пополнить будущую городскую казну крупной суммой. Вот только перед этим предстоит разбить элитное войско местной знати, вступившее в противостояние с отрядом моей ведьмы. Уверен, если кому-то сейчас и туго, так это ей. Пусть я и попросил Брун сбежать в случае опасности, в том, что меня услышали, сильно сомневался. Это хитрое дитя всё равно сделает по-своему.

В связи с тем возникает вопрос: куда мы после освобождения людей Эльги отправимся? На захват мэрии и всех неугодных или на помощь сражающейся Брунхильде? Наверняка

Бэтфорт старшая не знает, кто и где сейчас находится, оттого и выполнит все мои приказы безукоризненно. Осталось только определиться, чего сейчас я хочу больше всего. Спасти близкого мне человека или моментально заполучить в свои руки власть над целым городом?!

***

Звон стали, бьющейся о сталь, выкрики сражающихся и истошные вопли раненых, чьи тела затаптывались разъярёнными толпами. Всё это сопровождалось почти беззвучными щелчками десятков прятавшихся за спинам соратников-арбалетчиц. Воительницы Штольцгеров чётко следовали своей тактике, постепенно пытаясь продавить забаррикадировавшихся на улицах мятежниц, осыпавших тех в ответ градом стрел. Стирая пальцы до крови, горожанки стреляли из окон из своих малоэффективных луков, зачастую неспособных пробить панцирь или пластинчатую броню.

Каждый такой дом, где прятались заговорщики, становился для стражи настоящей цитаделью, а каждая лестница — непреодолимой преградой. С громоздкими мечами и щитами, желая обезопасить фланги, те десятками гибли в домах. Ведь именно в узком пространстве, где невозможно замахнуть мечом, лучше всего действует кинжал, особенно когда этих кинжалов в доме пряталось гораздо больше, чем могли предположить воительницы. Отряды из гильдии убийц, таившиеся внутри, с лёгкостью находили бреши и слабые места в защите наёниц, наносили множество не смертельных ран, замедляли, тем самым позволяя лютующим в домах толпам буквально раздеть и разорвать своих губительниц: их головы вылетая из окон, деморализуя сражавшихся на улицах, падали на разбитые непогодой дороги. Следом из тех же окон вновь начинали лететь камни, стрелы, копья и прочее. Всё, чем только можно было покалечить, выбрасывалось на головы сражавшихся в узких улочках воительниц.

Неспособные применять магию ведьмы, потеряв несколько своих сестёр, уже давно спустились на землю и отступили. Также больше двух с половиной сотен Тэтэнковских воительниц либо погибло, либо потеряло возможность продолжать боевые действия. Заменявшая Пенеду командующая видела происходящее и чувствовала неминуемо приближавшееся поражение. Её люди не могли выполнить приказ Штольцгеров.

— Глядите, на северо-западе пожар! Порты горят! — расположившись на крыше, ожидая сигнала, радостно завопила на всю улицу Илва.

— Сёстры, это сигнал! Наши союзники взяли порт, в атаку! — вооружённая огромным молотом, облачённая в выкованную лично для себя же погребальную сталь, сиганув с баррикад во вражескую толпу, рыча прокричала Хельга. Этот доспех ковался ею для похоронной церемонии, женщина всегда чувствовала себя воительницей и не думала, что в жизни ей ещё хоть раз придётся надеть доспехи для защиты своей семьи и интересов. Сигрид рассказала матери о тайных союзниках Бьянки, действовавших в порту, и о тех, кто напал с востока. Добиться такого могли лишь очень влиятельные и сильные личности, рассчитывавшие на их поддержку. И сейчас она, отстаивая не только личные интересы, но и будущее детей, без церемонии готова отдать собственную жизнь во имя победы.

Мощными, размашистыми, сопровождавшимися звериным рёвом ударами старая валькирия крушила вдребезги деревянные щиты, проламывала панцири и черепа. В одиночку та всего за несколько секунд положила на землю половину десятка стоявших в плотных рядах воительниц, чьи копья и мечи никак не могли поразить и пробить плотную сталь её доспехов.

Хлынувшая вслед за старухой толпа, заваливаясь на поднятые стражей щиты, сбивала с

ног измотавшихся за несколько часов сражений воительниц.

Несмотря на зелья усиления, исцеления и прочего, у человеческого тела есть свой лимит. И более тридцати килограмм железа, в коем ты не только сражаешься, но ещё и бегаешь по улице, сильно его уменьшали. Хельга знало это ровно так же, как и все мало-мальски уважающие себя ветераны. Именно поэтому в бой всегда в первую очередь вступало легко оснащённое ополчение, изматывающее главные силы врага. Оно било и отступало, а после в сражение шли главные тяжело бронированные силы: гвардия, ветераны или сами лордессы.

Именно так и поступили сейчас мятежники.

Не одна Хельга имела свою «похоронную» броню. Не она одна прошла множество военных компаний и сражений. Как минимум полторы сотни старых воительниц терпеливо глядели, как гибнут их младшие сёстры, как тех разносят вражеские ведьмы и режут на куски зажавшиеся прикорытники знати. Скрипя зубами, они ждали, когда враг измотается, и наконец-то этот миг настал.

Свежая сотня во главе с Хельгой в яростной контратаке за считанные минуты уничтожила вражеский строй и обратила наёмниц оставшихся на ногах, в бегство. Сегодня улицы нищего города потеряли в разы больше, чем знать, и это требовалось как можно скорее исправить.

— За всё хорошее режь поскуду! — кричала толпа, настигая и заваливая на землю последних из отступающих.

— Ни одной не отпускать! — вываливая из, казалось бы, только-только зачищенных домов и окружая врагов, кричали другие, восторженно глядя на пылающий со всех сторон город.

Горели врата, ярким багряным заревом расцветал пламенный цветок над портом. Городские войска разбиты, знать, сконцентрировавшаяся на вратах, видя, как горят их резиденции, бросается в бегство, желая защитить оставшееся, а бургомистр с ужасом наблюдает за наступлением последнего дня своего правления...

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net